Нашей смѣнѣ

Кап. 2 р. Б. Апрѣлевъ

Издательство „Слово"
Шанхай 1934

Путь: за Вѣру, Царя и Отечество.

Цѣль: Россія.

Юная Русь!

Бери кормило руля в свои руки и вѣрь, что Господь Богъ поможетъ Тебѣ вывести государственный корабль изъ тяжелаго смутнаго времени.

Кап. 2 р. Б. Апрелевъ.

8-го ноября 1933 года.

Л. 1.

УКАЗЪ

Петра Великаго отъ 14 Января 1701 г.

„Великій Государь, Царь и Великій Князь **ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ** указалъ Именнымъ Своимъ повелѣніемъ въ Государствѣ Своея Державы, на славу Всеславнаго Имени Всемудрѣйшаго Бога и Своего Царствованія, во избаву же и пользу Православнаго Христіанства **БЫТЬ** Математическихъ и Навигатскихъ, то есть, мореходныхъ хитростно наукъ ученію".

Того же числа основана Навигацкая Школа въ Сухаревой Башнѣ въ Москвѣ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

исторіи Морского Корпуса.

1701 г.	Навигацкая Школа.
1715 г.	Академія Морской Гвардіи.
1752 г.	Морской Шляхетный Корпусъ.
1802 г.	Морской Кадетскій Корпусъ.
1867 г.	Морское Училище.
1891 г.	Морской Кадетскій Корпусъ.
1906 г.	Морской Корпусъ.
1914 г.	Морской Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Корпусъ.
1916 г.	Морское Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Училище.

Преображенскій Маршъ.

(Первыя два колѣна).

1.

Знаютъ Турки насъ и Шведы
И про насъ извѣстенъ свѣтъ,
На сраженья, на побѣды,
Насъ всегда Самъ Царь ведетъ.
Съ нами трудъ Онъ раздѣляетъ,
Передъ нами Онъ въ бояхъ,
Счастьемъ всякъ изъ насъ считаетъ
Умереть въ Его глазахъ.
Знаютъ Турки насъ и Шведы
И про насъ извѣстенъ свѣтъ...

2.

Славны были наши дѣды,
Помнятъ ихъ и Шведъ и Ляхъ;
И царилъ орелъ побѣды
На Полтавскихъ, на поляхъ.
Знамя ихъ полка плѣняетъ,
Русскій штыкъ нашъ боевой,
Онъ и намъ напоминаетъ
Какъ ходили дѣды въ бой!

Русская обитель.

Предисловіе.

Въ моихъ скитаніяхъ мнѣ пришлось быть въ Шанхаѣ. Здѣсь произошла встрѣча, перенесшая меня въ ту счастливую эпоху, когда я только что окончилъ плаванье Корабельнымъ Гардемариномъ и былъ произведенъ въ мичманы.

Сестра моего однокурсника, юная, даже слишкомъ юная, дѣвица, выходила замужъ за другого моего однокурсника, такого же юнца, какъ и мы всѣ.

Бракъ былъ не разрѣшеннымъ, ибо жениху было

менѣе 19-ти лѣтъ, а невѣстѣ не было и 16-ти. Я былъ шаферомъ у жениха. Молодые уѣхали на Дальній Востокъ. Дѣло было замято. Только молодой мужъ пострадалъ тѣмъ, что отсидѣлъ двѣ недѣли на гауптвахтѣ во Владивостокѣ. Про насъ, шаферовъ, начальство забыло и все прошло благополучно.

Прошли годы службы, потомъ война, потомъ революція. Моего друга я такъ больше и не видѣлъ. Зналъ, что онъ блестяще велъ себя на войнѣ получилъ много боевыхъ отличій, и, въ результатѣ полученной раны и нервнаго потрясенія послѣ гражданской войны, умеръ, оставивъ вдову и сына безъ всякихъ средствъ къ существованію.

И вотъ, въ 1929 году въ Шанхаѣ, эта самая дама, вдова моего друга, отыскала меня. Она, работая съ утра до ночи, выкормила, выростила и воспитала своего мальчика. Когда я разговаривалъ съ нею, мнѣ казалось, что, хотя мы оба постарѣли, но какъ будто времени прошло не такъ много. Я изъ мальчика превратился во взрослаго, а она изъ юной хорошенькой дѣвочки—въ интересную даму.

Неожиданно въ комнату вошелъ юноша......я едва удержался, чтобы не вскрикнуть...... мой покойный другъ, тотъ у кого я когда - то, давно, былъ шаферомъ!......

«Мой сынъ Юра», представила мнѣ его мать. Оказалось, что Юрѣ уже почти 19-ть лѣтъ и выглядитъ онъ точь въ точь, какъ его покойный отецъ въ ту счастливую, далекую пору нашего выпуска изъ Морского Корпуса.

Я и его мать невольно взглянули другъ на друга

и тутъ только я почувствовалъ, что прошло съ тѣхъ поръ болѣе 20-ти лѣтъ.

Ушла цѣлая эпоха. Ушла та красота жизни, та тонкость культуры, о которой теперь даже мечтать нельзя.

И теперь для этихъ милыхъ Юрочки, его сверстницъ и сверстниковъ—дочерей и сыновей нашего поколѣнія, мнѣ захотѣлось собрать тѣ очерки, которые я написалъ.

Этой книгѣ я даю названіе—«НАШЕЙ СМѢНѢ» — она написана для той молодежи, которая идетъ намъ на смѣну. Я буду счастливъ, если въ моихъ очеркахъ наша молодежь увидитъ тѣ красивыя стороны минувшей жизни, которыя помогутъ ей, среди мрака современности, вернуть нашей Родинѣ прежнюю красоту.

Первая часть этой книги составлена изъ очерковъ, большей частью относящихся къ плаванью моего выпуска на «Отдѣльномъ Отрядѣ Судовъ, назначенныхъ въ плаванье съ корабельными гардемаринами» въ 1907-08 г.г. Этимъ Отрядомъ командовалъ контръ-адмиралъ А.А. Эбергардтъ, впослѣдствіи командовавшій Черноморскимъ Флотомъ.

Доблестному адмиралу А. А. Эбергардту мой выпускъ и я лично обязаны нашимъ образованіемъ и тѣмъ воспитаніемъ, которое мы получили въ плаваньи заграницей. Пусть эти очерки явятся также выраженіемъ чувства глубокой благодарности и уваженія къ свѣтлой памяти покойнаго адмирала А.А. Эбергардтъ.

Теперь я вдали отъ моря, вдали отъ моихъ

соплавателей и соратниковъ и окруженъ обстановкой подлинной Святой Руси.

Здѣсь, отойдя отъ шума и грохота городовъ, превращенный болѣзнью въ полуинвалида, я сталъ какъ то спокойнѣе. Спокойнѣе потому, что я знаю, что наше поколѣніе можетъ уйти изъ жизни — но намъ на смѣну идутъ Юрочка, его сверстники и сверстницы. Они перемололись въ страшномъ горнилѣ испытаній. Воля ихъ закалена какъ сталь. Они готовы къ любой борьбѣ, къ любой работѣ.

Тихо вокругъ......Медленно тянется ночь...... «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ! Дѣлу время молитвѣ часъ»..... слышенъ протяжный, слегка гнусящій, старческій голосъ «будильщика». На колокольнѣ нашей убогой Церковки ударили къ утреннему правилу. Черной вереницей въ наметкахъ выходитъ братія изъ келій въ Церковь. Еще почти темно. 4 часа утра. Вычитываютъ правило четко......кладутъ поясные и земные поклоны......«Упокой Господи рабовъ Твоихъ воиновъ Іоанна, Петра, Алексія, паки Іоанна, Андрея, Кирилла...... во брани убіенныхъ, въ смутѣ умученныхъ»...... шепотомъ читаетъ синодикъ «седмичный» іеромонахъ......

Сколько ихъ, этихъ воиновъ, рабовъ Божьихъ.... убитыхъ, замученныхъ за славу и счастье Россіи..... А Она, Прекрасная, съ закинутою за спину косою, лежитъ простоволосая, замученная, связанная по рукамъ и по ногамъ...... Нѣтъ милующаго...... Нѣтъ спасающаго..... и мы, дѣти Ея, безсильны помочь Ей...... Слова, слова и слова..... Кругомъ грызня, споры, дрязги, все заливающая ложь и пошлость..... А Она?...... Она зоветъ.. Она ждетъ.....

Точно осѣнило что то духъ мой. Вѣдь это утренее правило въ маленькой церковкѣ нищаго русскаго монастыря, развѣ не прообразъ возможнаго и неизбѣжнаго Ея Воскресенія...... Еще ночь.... еще свѣтъ безсиленъ побороть тьму...... идетъ канонъ, какъ говорятъ монахи......Но вотъ брызнули первые лучи утренней зари......въ заревѣ ея, какъ легкое видѣніе, я вижу молодыя мужественныя лица. Выкованная въ борьбѣ воля видна на нихъ... Это Вы, Юрочка, Вы и Ваши сверстники... Вы, «наша Смѣна», идете туда..... Надъ Вами я вижу ореолъ героической борьбы, упорнаго труда, за право имѣть «свой домъ», за право любить «свою Мать—Россію».... Надъ Вами рѣютъ Геніи Славы, Геніи Побѣды; съ Вами культура, свобода и будущее Великой Страны. Она Васъ ждетъ...... Да поможетъ Вамъ Господь Богъ Всемогущій возстановить тамъ правосудіе, законъ и уваженіе къ личности человѣческой......

Наступаетъ утро...... Напрягите Вашу волю...... Вы слышите старую боевую пѣсню... «Всадники-други въ походъ собирайтесь. Радостный звукъ Васъ ко Славѣ зоветъ»......

Кап. 2 р. Б. Апрелев

12 мая 1931 года.
Казанско-Богородицкій
мужской монастырь.
г. Харбинъ.

ЧАСТЬ I.

ЮНЫЕ ГОДЫ.

Шестое Ноября.

Шестое ноября. Блестящій праздникъ флота......
Тамъ, въ залахъ Корпуса, на берегахъ Невы —
Такъ ждали всѣ питомцевъ прежнихъ слета,
Такъ Корпусомъ своимъ гордились вы.. ....

За Васъ за всѣхъ я пью. Шестое ноября,
То Вашихъ юныхъ дней прекрасная заря.

Мы помнимъ всѣ тотъ праздникъ величавый,
Парадный съѣздъ моторовъ и каретъ—
Сбирались всѣ — покрытый бранной славой
И адмиралъ сѣдой и юноша кадетъ.

И тысячью огней сверкая и горя,
Всѣхъ Корпусъ принималъ шестого ноября......

Красавицъ юныхъ рой сквозь строй кадетъ влюбленныхъ
Стремился въ залъ, гдѣ томный вальсъ звучалъ,
И этотъ балъ морской, годами освященный,
Для многихъ былъ ихъ чудный, первый балъ.

И первый поцѣлуй возлюбленнымъ даря,
Любили первый разъ шестого ноября.

Мелькали дни. Погонъ гардемарина
Смѣнилъ завѣтный флотскій эполетъ,
Мѣнялись женщины, духи, чины и вина,
Но въ памяти былъ живъ тотъ праздникъ юныхъ лѣтъ.

Заброшены въ далекія моря
Душой сливались всѣ шестого ноября.

Балтійскій флотъ, флотиліи Амура
И Каспія, и Черноморскій флотъ,
И корабли Цусимы и Артура
И сѣверныхъ морей, закованные въ ледъ......

Въ коютъ-кампаніяхъ шестого ноября
Всѣ пили вы за Флотъ, за Корпусъ, за Царя.

Но пробилъ часъ тяжелыхъ испытаній,—
Три года мукъ, борьбы, безчисленныхъ могилъ,
Тяжелый крестный путь, но день воспоминаній—
Шестого ноября и онъ не омрачилъ......

Изъ флотовъ всѣхъ одинъ у насъ остался,
Но духа нашего не побѣдилъ нашъ врагъ,
И въ этотъ день такъ гордо развивался,
Какъ никогда еще Андреевскій нашъ Флагъ.

И въ эту ночь туда, на встрѣчу всѣмъ народамъ,
Въ загадочную даль, спасенную имъ рать,
Привыкшую ко всѣмъ лишеньямъ и невзгодамъ,
Несетъ нашъ Флотъ, чтобъ вновь борьбу начать.

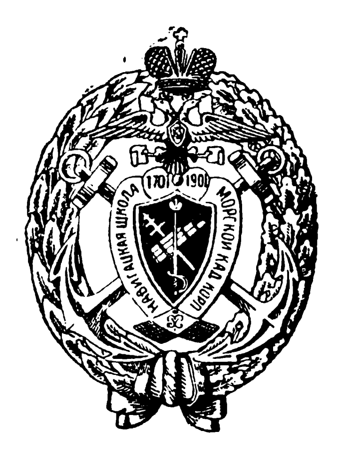
И въ эту ночь, когда по всей Россіи
Проклятый красный флагъ покрылъ всѣ города,
Трехцвѣтный Флагъ въ просторъ родной стихіи
Несутъ впередъ военные суда......

Но ночь пройдетъ и загорится снова,
Засвѣтится прекрасная заря
И вновь сберетъ насъ всѣхъ—день памяти былого,
Вашъ свѣтлый день—ШЕСТОЕ НОЯБРЯ.

Евгеній Тарусскій.

Написано на канонерской лодкѣ «Грозный», на походѣ Керчь-Константинополь, 6-то ноября 1920 года.

Нагрудный знакъ Морского
Кадетскаго Корпуса.

Родному Андреевскому флагу,
свидѣтелю сѣдой старины.

Рис. Кап. 2 р. С. А. Четверикова.

В. Л. 2.

Адмиралъ Ф. Ф. Ушаковъ.
(Съ портрета изъ картинной галлереи
Морского Корпуса).

В. Л. 2.

Праздникъ Морского Корпуса.

Указомъ «Великаго Государя» — Петра Алексѣевича отъ 14-го января 1701 года была учреждена въ Москвѣ «Навигацкая Школа» и повелѣно было съ этого времени на Руси «быть Математическихъ и Навигацкихъ, то есть мореходныхъ, хитростно наукъ ученію».

Такъ зародилось это «Петрово гнѣздо», изъ котораго вылетѣло столько птенцовъ, прославившихъ Россію. Графъ Апраксинъ, графъ Головинъ, Спиридовъ, Ушаковъ, Сенявинъ, Крузенштернъ, Лазаревъ, Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ, Дубасовъ, Шестаковъ, Невельской, Эссенъ, Колчакъ и многіе другіе. Всѣ эти имена связаны съ эпохами славныхъ періодовъ Русской Исторіи.

Подъ разными именами Морской Корпусъ существовалъ непрерывно до 1917 года.

Въ 1727 году Государыня Императрица Анна Іоановна пожаловала Корпусу большой домъ въ Санктъ-Петербургѣ. 23 мая 1771 года послѣ сильнаго пожара Корпусъ былъ переведенъ въ Кронштадтъ.

6-го ноября 1796 года на престолъ вступилъ Августѣйшій Генералъ-Адмиралъ Императоръ Павелъ Петровичъ. По его повелѣнію 8-го декабря того же года Морской Корпусъ былъ переведенъ изъ Кронштадта въ Санктъ-Петербургъ и помѣщенъ въ бывшемъ домѣ Миниха на набережной Васильевскаго Острова на 12-й линіи, гдѣ онъ и оставался до 1917 года.

День 6-19 ноября является днемъ праздника, Морского Корпуса и днемъ храмового праздника его церкви, освященной 15 марта 1800 года во имя Святого Павла Исповѣдника.

Основанный Императоромъ Петромъ Великимъ Морской Корпусъ просуществовалъ до ноября 1917 года, то есть 216 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ. Онъ былъ старѣйшимъ и однимъ изъ культурнѣйшихъ учебныхъ заведеній Россіи.

Среди темной ночи нашего теперешняго существованія вспомнимъ и разскажемъ „нашей смѣнѣ" о томъ, какъ праздновался въ былое время нашъ праздникъ.

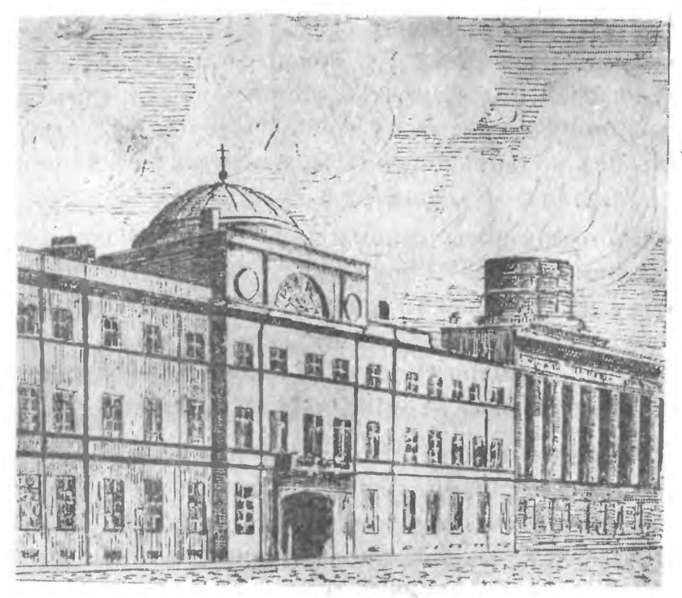
Еще не загорѣлась Русско-Японская война. 6-го ноября къ 10-часамъ утра всѣ 6-ть ротъ Корпуса, одѣтыя въ новенькіе черные мундиры въ фуражкахъ съ ленточками выходятъ изъ своихъ помѣщеній въ огромный столовый залъ. Въ глубинѣ зала стоитъ модель, въ 1/4 натуральной величины, брига «Наваринъ». Онъ сегодня «началъ кампанію», на немъ подняты флагъ, гюйсъ и вымпелъ. Близъ «Наварина» стоитъ аналой; около него корпусное духовенство и хоръ пѣвчихъ. На хорахъ немногочисленные (мало мѣста) посторонніе—это родители живущихъ въ С.-Петербургѣ или семьи корпусныхъ офицеровъ. Роты быстро строятся. Ближайшей къ «Наварину» стоитъ Старшая гардемаринская рота, затѣмъ Младшая гардемаринская рота, далѣе I-я рота (старшій спеціальный классъ). У гардемаринъ на бѣлыхъ погонахъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ, выдѣляются большіе золотые накладные якоря; слѣдующей стоитъ 2-я рота (старшій общій классъ).

У нее, какъ и у I-й роты погоны обшиты золотымъ галуномъ. Эти 4-ре роты вооружены палашами и 3-хъ линейными винтовками со штыками.

Далѣе строится 3-я рота (средній общій классъ).

у нея погоны бѣлые безъ галуновъ, но она вооружена палашами и маленькими карабинами со штыками.

Наконецъ ближайшей къ Картинной галереѣ выстраивается 4-я рота (младшій общій классъ). Это новички, только сегодня получившіе бѣлые погоны безъ галуна. Вооруженія у нихъ нѣтъ.

Морской Корпусъ въ Санктъ-Петербургѣ.

«Смирно» раздается команда. Изъ музея появляется блестящая группа морскихъ офицеровъ, сверкающихъ золотомъ и серебромъ мундировъ, аксельбантами и орденами. Впереди идутъ престарѣлые адмиралы, затѣмъ штабъ-офицеры, далѣе оберъ-офицеры.

Это все питомцы Морского Корпуса. Сегодня каждый изъ нихъ, находясь въ С.-Петербургѣ, можетъ придти на праздникъ. Для всѣхъ для нихъ широко раскрыты двери родного Корпуса. Они становятся вдоль стѣны, спиною къ огромнымъ двухсвѣтнымъ окнамъ и лицомъ къ фронту стоящихъ «смирно» ротъ.

По командѣ «вольно» в залѣ слышится шорохъ, шепотъ въ рядахъ, иногда стукъ штыка, шуршанье поправляемой амуниціи. Въ оркестрѣ музыканты осматриваютъ свои инструменты. Хоръ музыкантовъ Морского Корпуса славится въ С.-Петербургѣ. Онъ состоитъ изъ вольнонаемныхъ музыкантовъ съ хорошимъ музыкальнымъ образованіемъ.

Въ огромномъ бѣломъ залѣ напряженное ожиданіе. Величественна бронзовая статуя Петра Великаго работы Антокольскаго. Красиво выдѣляются на стѣнѣ за нею трофеи взятые нашими кораблями въ разныхъ бояхъ. Тутъ бунчуки турецкихъ пашей, кормовые флаги, взятыхъ въ плѣнъ, непріятельских кораблей и т.д.

Опять звонкая команда - «смирно. Встрѣча слѣва. Подъ Знамя. Слушай на краулъ». Звякнули ружья, надъ строемъ поднялась стальная щетина штыковъ, всѣ головы повернулись налѣво. По залу поплыли чудные звуки «марша Морского Корпуса». Нѣтъ это не XX вѣкъ, это та далекая отъ насъ эпоха, когда Императрица Анна Іоановна «повелѣла приказать» этотъ маршъ нашему Корпусу. Въ немъ нѣтъ еще грома Отечественной войны, нѣтъ рѣзкихъ звуковъ нѣмецкихъ маршей. Это ритмичный подъ шагъ мотивъ минуета. Какъ зачарованныя статуи стоятъ юные стройные гардемарины и кадеты, впившись глазами въ двери Музея; оттуда появляется фигура

адъютанта Корпуса, идущаго медленно-торжественнымъ «знаменнымъ» шагомъ, держа руку, облитую въ бѣлую замшевую перчатку, у козырька. Сзади него нога въ ногу шагаетъ красавецъ юноша гардемаринъ — фельдфебель-знаменщикъ. На его правомъ плечѣ лежитъ бѣлое древко и на концѣ его колышется бѣлое атласное полотнище нашего Знамени съ синимъ Андреевскимъ Крестомъ и съ вензелями Государя. Два ассистента-офицера, со сверкающими обнаженными саблями, идутъ по бокамъ знаменщика. Знамя медленно проносится по фронту и становится на правомъ флангѣ Старшей Гардемаринской роты. Музыка смолкаетъ. «К ногѣ». Стукнули ружья и въ залѣ наступаетъ мертвая тишина. Но вотъ опять, «смирно. Встрѣча слѣва. Слушай на краулъ». Въ дверяхъ музея появляется могучая фигура Генералъ - Адмирала Великаго Князя Алексѣя Александровича. Породистое красивое лицо. Правая рука держится за золотой Генералъ - Адъютантскій аксельбантъ. Сзади идутъ Управляющій Морскимъ Министерствомъ, Директор Морского Корпуса, адъютанты.

Раскатистымъ бархатнымъ голосомъ здоровается Генералъ - Адмиралъ съ Корпусомъ, передавая ему милостивое поздравленіе Государя Императора. Государь не будетъ сегодня въ Корпусѣ. Онъ сейчасъ на праздникѣ л. гв. Гусарскаго Его Величества полка въ Царскомъ Селѣ. Этотъ полкъ празднуетъ въ одинъ день съ нами.

Начинается молебенъ. Трогательно поетъ прекрасный хоръ. Могучій голосъ о. Протодіакона возглашаетъ — «Благоденственное и мирное житіе......... на враги же побѣду и одолѣніе подаждь Господи Благо-

честивѣйшему, Самодержавнѣйшему, Великому Государю нашему, Императору Николаю Александровичу всея Россіи... и сохрани их на многая лѣта». Ликующій хоръ «Многая Лѣта» и опять густая октава протодіакона — «Россійскимъ Императорскимъ побѣдоносной Арміи и Доблестному Флоту многая лѣта...» и снова на другой мотивъ «Многая Лѣта......»

Молебенъ оконченъ Линейные выстраиваютъ линію. «Батальонъ на плечо. Направо». Точно подымая настроенiе присутствующихъ выше всего будничнаго, всего мелкаго, всего пошлаго, тотъ же голосъ командуетъ — «Къ Церемоніальному маршу, по ротно, на два взвода дистанціи, равненіе направо, Старшая Гардемаринская рота ша-агомъ».

Штабъ-барабанщикъ, старый запасный матросъ, съ кривыми ногами, точно сошедшій съ какой то батальной картины, взмахиваетъ палками. «Трамъ-трамъ трамъ тарарамъ», затрещалъ барабанъ и немедленно въ его звуки вливаются рѣзкіе, звонкіе горны и дробь другихъ барабановъ «бьющихъ походъ». Знамя заколыхалось. Старшая Гардемаринская рота двинулась, поворачивая отъ брига «Наварина» вдоль стѣны къ Картинной галлереѣ. Генералъ-Адмиралъ со свитой стоитъ впереди статуи Петра Великаго. Надъ колыхающеюся щетиною штыковъ взметнулись палки штабъ - барабанщика и черезъ секунду рѣзко опустились внизъ. Въ залѣ раздались бодрые мѣдные звуки марша.

«Спасибо Старшіе Гардемарины», доносится сквозь пѣніе трубъ. «Рады стараться Ваше Императорское Высочество», стройно, звонко отвѣчают молодые

голоса. Роты идутъ одна за другой. Точно змѣя извивается длинная колонна, уходя головой изъ зала въ Картинную галлерею.

Вотъ и 4-я рота. «Хорошо дѣти». Цѣлой октавой выше остальныхъ отвѣчаетъ хоръ дѣтскихъ голосовъ: «Рады стараться Ваше Императорское Высочество».

Съ умиленіемъ смотрятъ родители съ хоръ на своихъ дѣтей. «Вавочка то мой маленькій, смотрите, какъ онъ шагаетъ, какъ старается», шепчетъ своей сосѣдкѣ красивая съ просѣдью дама любовно слѣдя, какъ «ея Вавочка» старательно равняется, идя на лѣвомъ флангѣ 4-го взвода. Онъ еще такой маленькій, что бѣлые погоны на его дѣтскихъ плечикахъ кажутся квадратиками. Глаза его сине-небеснаго цвѣта съ восторгомъ впились въ блестящую золотомъ группу, стоящую у статуи Великаго Петра. Эти дѣтскіе глаза уже научились смотрѣть прямо въ глаза и въ нихъ видно сознаніе, что ихъ маленькій обладатель гордъ тѣмъ, что также въ этомъ залѣ когда то шли и Чухнинъ, и Нахимовъ, и Корниловъ, и что онъ, Вавочка, когда выростетъ, то дастъ Богъ будетъ не хуже ихъ. Но сейчасъ важнѣе всего равненіе и не сбиться съ ноги и Вавочка добросовѣстно шагаетъ вызывая умиленіе своей матушки и ласковую улыбку смотрящихъ на парадъ стариковъ адмираловъ.

Роты уходятъ въ свои помѣщенія. Тѣ, которыя идутъ черезъ Картинную галерею, могутъ видѣть, какъ на нихъ, точно улыбаясь, смотрятъ суровые лица знаменитыхъ адмираловъ изъ своихъ золоченныхъ тяжелыхъ рамъ. Эти живые маленькіе дѣти «гнѣзда Пет-

рова» видятъ въ портретахъ и картинахъ этой галлереи всю исторію родного флота.

Опустѣлъ прекрасный бѣлый залъ. Проворные «дневальные матросы» быстро превратили его въ огромную, трапезную, уставленную столами, накрытыми бѣлоснѣжными скатертями. Столы накрываются для всѣхъ 700 воспитанников Корпуса и для всѣхъ его питомцевъ, въ данное время находящихся въ С.-Петербургѣ, и однако, въ этомъ огромномъ, безъ колоннъ, залѣ хватало мѣста для всѣхъ. Черезъ полчаса, уже безъ оружія и амуниціи, всѣ роты опять входятъ въ Столовый Залъ, туда же направляется вереница питомцевъ Корпуса. Поется общая молитва. Генералъ-Адмиралъ и старѣйшіе адмиралы флота занимаютъ мѣста по правую и лѣвую руку отъ Директора за столами у брига «Наваринъ», остальные разсаживаются по выпускамъ, воспитанники занимаютъ свои обычныя мѣста за столами.

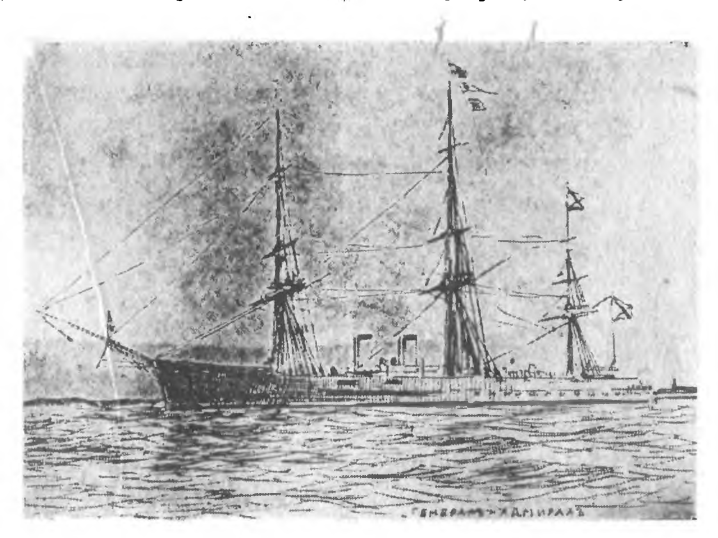
«Къ вину и обѣдать», раздается команда дежурнаго офицера. Мелодичныя трели унтеръ-офицерскихъ дудокъ серебяннымъ звономъ разносятся по залу. Оркестръ начинаетъ музыкальную программу.

Обѣдъ составленъ по традиціонному расписанію, въ которое входитъ обязательно гусь съ яблоками.

Когда подается пломбиръ Директоръ Корпуса, молодой блестящій контръ-адмиралъ, встаетъ и оглашаетъ часть привѣтствій, полученныхъ Корпусомъ къ этому дню. Ихъ такъ много, что чтеніе всѣхъ заняло бы слишкомъ много времени. Первыми оглашаются телеграммы Высочайшихъ Особъ, Августѣйшихъ Иностранныхъ Адмираловъ нашего Флота, затѣмъ

телеграммы отъ иностранныхъ морскихъ училищъ, русскихъ и иностранныхъ научныхъ учрежденій.

Ровнымъ спокойнымъ голосомъ читаетъ Директоръ, подаваемыя ему Адъютантомъ Корпуса, телеграммы:

Броненосный крейсеръ «Генералъ-Адмиралъ».
Постройки 1875 года, 5.031 тонна, 12,3 узла, 1-6 дм. въ 45 кал. 6-47 м/м, 8-37 м/м и 2 десантныхъ пушки.

«Командиръ и офицеры канонерской лодки «Кубанецъ» поздравляютъ родной Корпусъ. Пирей. Греція.»

«Командующій и Штабъ Тихоокеанской Эскадры шлютъ свои поздравленія и наилучшія пожеланія. Крѣпость Портъ-Артуръ».

«Черноморскій Флотъ поздравляетъ родной Корпусъ. Желаетъ ему всегда быть достойнымъ раз-

садникомъ морских знанiй—дѣла Великаго Петра. Севастополь».

«Командиръ и Кают-Компанiя броненоснаго крейсера «Герцогъ-Эдинбургскiй» шлютъ свои поздравленiя. Островъ Св. Фомы. Атлантическiй Океанъ».

Со всего мiра изъ всѣхъ морей и океановъ тянутся свѣтлыя ниточки въ это огромное зданiе на Васильевскомъ Островѣ, въ этотъ бѣлый залитый свѣтомъ залъ, къ этимъ сотнямъ юныхъ моряковъ.

«Инженеръ-механикъ Франкъ, взявши телеграфный бланкъ, шлетъ поклоны и привѣтъ съ броненосца «Пересвѣтъ».

Въ группѣ блестящихъ лейтенантовъ, сидящихъ за однимъ изъ столовъ, смѣхъ. Кто не знаетъ Франка, окончившаго Морское Инженерное Училище въ Кронштадтѣ въ тотъ годъ, когда эти лейтенанты окончили Морской Корпусъ? Франкъ связываетъ руками желѣзную кочергу «выбленочным» узломъ. Онъ тремя пальцами правой руки сворачиваетъ въ трубочку серебряный рубль. Онъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ машиннаго дѣла и лихой офицеръ. Куда его занесло теперь? А! Гонконгъ—Тихiй Океанъ. А вотъ еще телеграмма: «Призываю благословенiе Божье на родной Корпусъ и на дорогихъ однокашниковъ. Мысленно съ Вами. Смиренный Михей Архимандритъ».

Это одинъ капитанъ 2 ранга, испытавшiй сильное горе и ушедшiй въ монастырь.

Всѣ взятые на выборъ Директоромъ телеграммы прочтены. Опять несутся звуки музыки. На столы воспитанниковъ подается легкое виноградное

вино. Обычно имъ дается только хлѣбный квасъ, но сейчасъ начнутся тосты, и въ этотъ день имъ дается немного вина. На столахъ воспитанниковъ стоятъ тяжелыя серебряныя ендовы, отлитыя, по повеленію Императора Николая Перваго, изъ серебра, взятаго адмираломъ Нахимовым у турокъ подъ Синопомъ. Чары наполнены.

Опять встаетъ Директоръ Корпуса и провозглашаетъ тостъ за здравіе Государя Императора. Громовое «ура» покрываетъ его. Музыка играетъ гимнъ «Боже Царя храни». Кончаются тосты здравицей самаго младшаго кадета за самаго старшаго изъ присутствующихъ. На «адмиральскомъ столѣ» подымается старый генералъ-адъютантъ, начавшій службу еще во времена П. С. Нахимова. Онъ медленно переходитъ въ залъ, подходитъ къ кадетскимъ столамъ и крѣпко обнимаетъ своего маленькаго 12-ти лѣтняго однокашника.

Этотъ старый адміралъ эпохи 40-хъ годовъ и ребенокъ кадетъ 12-ти лѣтъ отъ роду, обнявшіеся передъ лицомъ всѣхъ собравшихся являются живымъ воплощеніемъ той крѣпкой семейной спайки, которую вложилъ въ своихъ питомцевъ Морской Корпусъ.

Конченъ обѣдъ. Залъ опять пустѣетъ. Во всемъ Корпусѣ начинаются лихорадочныя приготовленія къ балу, который начнется вечеромъ.

Балъ Морского Корпуса 6-19 ноября первый въ сезонѣ. На немъ бывали всѣ тѣ молодыя дѣвушки, которыя въ этомъ году начинали выѣзжать въ свѣтъ.

Къ 11-ти часамъ вечера набережная передъ Морскимъ Корпусомъ занята экипажами. Непрерывно

прибываютъ все новые и новые приглашенные. Пригласительныхъ билетовъ роздано свыше 5000.

Всѣ подъѣзды Корпуса открыты и декорированы матеріей и зеленью. Швейцары въ темносинихъ ливреяхъ, обшитыхъ серебряными позументами, величественно открываютъ двери. Рой дамъ и дѣвушекъ въ изящныхъ бальныхъ костюмахъ непрерывной вереницей подымаются по лѣстницамъ, сопрвождаемые своими кавалерами-штатскими во фракахъ, военными въ бальныхъ формахъ. Кого, кого тутъ только нѣтъ? Дипломаты, чиновный міръ гранитной русской столицы, военные всѣхъ родовъ оружія.

Всѣ помѣщенія декорированы и превращены въ танцевальныя залы. Здѣсь, скрытый въ зелени, играетъ струнный оркестръ Гвардейскаго Экипажа подъ управленіемъ знаменитаго тогда капельмейстера, Солиста Его Величества, Главачъ. Въ другомъ залѣ нѣжно-серебристо звучатъ балалайки оркестра л.-гв. Уланскаго Ея Величества полка. Далѣе струнный оркестръ л. гв. Преображенскаго полка, хоръ трубачей Кавалергардскаго полка и т. д. Всюду, вездѣ вы слышите звуки музыки, до васъ доносятся ароматы тонкихъ духовъ. Вездѣ мелькаютъ очаровательные туалеты, красивыя формы гвардейскихъ полковъ, черные фраки.

Въ тѣнистыхъ уголкахъ устроены буфеты, гдѣ даются прохладительные напитки, мороженое, сандвичи. Гости любуются удивительнымъ разнообразіемъ украшеній. Тутъ видна панорама моря, залитаго свѣтомъ луны и вдали мигаютъ проблески маяка. Тамъ изображенъ египетскій храмъ и среди красно-

ватыхъ отблесковъ свѣта подымается куреніе надъ какимъ то жертвенникомъ. Здѣсь въ видѣ панорамы изображена эскадра, идущая въ кильватерной колоннѣ. Тамъ точно живой стоитъ манекенъ, одѣтый въ старинную морскую форму и держащій въ рукахъ подносъ, на которомъ лежатъ изящно отпечатанныя программы танцевъ.

Десятки гардемаринъ - распорядителей танцевъ стараются, чтобы никому не было скучно, чтобы всѣ дѣвицы и дамы танцевали и были бы веселы.

Блестящій балъ! Въ столовомъ залѣ съ хоръ льются задорныя звуки мазурки. Танцуютъ этотъ танецъ съ восторгомъ, съ упоеніемъ. Звонъ шпоръ, изящныя фигуры танца, изобрѣтаемыя распорядителями создаютъ картину удивительной гармоніи.

Къ серединѣ бала изъ помѣщенія младшей 4-й роты въ Столовый залъ выходитъ процессія, по великолѣпію своему напоминающую сцену изъ «Тысячи и одной Ночи».

Около 50-ти маленькихъ кадетъ, одѣтыхъ въ черные брюки и бѣлыя матросскія форменки, на бѣлыхъ шелковыхъ лямкахъ съ голубыми лентами тянутъ въ залъ огромную колесницу - раковину, сдѣланную точно изъ перламутра.

На раковинѣ лежатъ въ различныхъ позахъ наяды (переодѣтые маленькіе кадеты), съ золотистыми волосами, съ хвостами изъ рыбьей чешуи. Въ рукахъ у нихъ корзины съ котильонными значками (букетики цвѣтовъ, куколки, банты, пряжки и т. д.) На верху раковины сидитъ Царь Морей Нептунъ,

одѣтый въ зеленый костюмъ, покрытый алой мантіей. У него громадная сѣдая борода, въ которой запутались ракушки, водоросли, крабы, морскія звѣзды. На головѣ его золотая корона. Въ рукахъ Нептунъ держитъ трезубецъ, которымъ онъ величественно достаетъ изъ корзинъ, котильонные подарки и даетъ ихъ гостямъ. Всѣ съ восхищеніемъ слѣдятъ за этой процессіей, которая обходитъ залы.

Далеко за полночь кончается шумный, прекрасный балъ. Сколько юныхъ дѣвицъ въ этомъ году въ С.-Петербургѣ съ радостью скажутъ—«я была на балу у моряковъ 6-го ноября».

Занавѣсъ воспоминаній опускается въ моей памяти. Кругомъ дѣйтствительность. Неужели навсегда и для всѣхъ ушла эта красота? Неужели кому нибудь она могла быть вредной или непріятной?

И вѣрится мнѣ, что буря пройдетъ, что молодое русское поколѣніе захочетъ своей русской красоты, которую у него насильно отняли.

Оно сумѣетъ создать вновь то, что было культурно и прекрасно въ Россіи и вмѣстѣ съ Ев. Тарускимъ мнѣ хочется обратиться къ моимъ однокашникамъ, разбросаннымъ повсюду съ горячимъ привѣтомъ въ день нашего праздника 6-го ноября:

«Но ночь пройдетъ и загорится снова,
Засвѣтится прекрасная заря—
И вновь сберетъ насъ всѣхъ день памяти былого,
Нашъ свѣтлый день—ШЕСТОЕ НОЯБРЯ».

Сонъ Гардемарина.

(Послѣ экзамена).

Господи Боже мой, что за видѣнія
Ночью мнѣ спать, не даютъ!
Куда не посморишь, вездѣ уравненія
Стройно, рядами идутъ.

Вотъ показалися корни квадратные,
Множитель тихо бредетъ,
Знакъ положительный, знаки обратные,
Масса все больше растетъ.

Синусы, секансы шумной ватагою
Лихо въ окружность вошли.
Самъ многочленъ съ, треугольною шляпою,
Тамъ показался вдали.

Франтъ-радикалъ съ, величавой осанкою,
Рѣчи съ мантиссой ведетъ;
Уголъ двугранный, стоя изнанкою,
Пѣсни про грани поетъ.

Снова картины. Снова видѣнія.........
Балъ открываетъ квадратъ,
Пляшутъ планеты, углы, наклоненія,
Пляшетъ котангенсовъ рядъ.

Вотъ алидада съ бусолью веселою
Въ карты садится играть,
Вотъ и масштабы походкой тяжелою
Вмѣстѣ пошли выпивать.

Бѣшенно носятся пары влюбленныя
Зала огнями полна.........
Функціи пляшутъ совсѣмъ упоенныя,
Радость повсюду видна.

Только поэзія робко скрывается.
Всѣ здѣсь чужіе, нѣтъ здѣсь друзей.
Прозѣ суровой тутъ все покоряется.
Страшно становятся ей.

Вотъ почему, притаясь въ отдаленіи
Съ грустно поникшей главой,
Шепчется тихо поэзія скромная
Съ милой своею семьей.

Съ нею всѣ дѣти ея огорченныя:
Ода, баллада, романсъ,
Рифмы, поэмы, эллегіи томныя
Тихой идиліи стансъ.........

Господи Боже мой, что за видѣнія
Позднею ночью встаютъ.
Вотъ посмотрите!......Опять уравненія
Грозно навстрѣчу идутъ.

(Авторъ неизвѣстенъ).

Кадеты Морского Корпуса.

У борта учебнаго корабля.

На рострахъ учебнаго корабля.

Кадеты обучаются стрѣльбѣ изъ орудія

Сердечное согласіе.

(Entente Cordiale).

Отдѣльный отрядъ судовъ, назначенныхъ для плаванія съ корабельными гардемаринами, подъ флагомъ контръ-адмирала А.А. Эбергарда, идетъ изъ Бергена (Норвегія) въ Гринокъ (Шотландія).

Въ отрядѣ линейные корабли: «Цесаревичъ,» «Слава» и крейсеръ «Богатырь». Это почти все, что осталось въ Балтійскомъ флотѣ послѣ Русско-Японской войны.

Очень тяжело было это сознавать намъ, корабельнымъ гардемаринамъ, плававшимъ на этихъ судахъ.

Съ уходомъ отряда заграницу, единственными боевыми судами въ Балтійскомъ морѣ оставались лишь 36 эскадренныхъ миноносцевъ, минной дивизіи, бывшей подъ флагомъ молодого и энергичнаго, Свиты Его Величества, контръ - адмирала Н. О. Эссена. Россія на морѣ была обезкровлена и унижена. 1908 годъ, въ этомъ отношеніи, былъ самымъ ужаснымъ. Кредиты на новое судостроеніе отвергались Государственной Думой. Флотъ не популяренъ въ Россіи. Всѣ остальныя государства съ бѣшеной энергіей старались использовать опытъ Русско - Японской войны. Мы - же, связанные по рукамъ и ногамъ отсутсвіемъ кредитовъ, стояли на мѣстѣ и это было мучительно.

Юный, только что родившійся въ Россіи, Морской Генеральный Штабъ, старался вдохнуть живой духъ въ убитый морально личный составъ. Молодые адмиралы Эссенъ и Эбергардъ дѣлали все, чтобы не дать заглохнуть слабому росточку. Эссенъ на своихъ

миноносцахъ готовилъ будущихъ командировъ. Эбергардъ, на своемъ отрядѣ, насъ—будущихъ офицеровъ.

На пути въ Гринокъ маленькій отрядъ встрѣтилъ довольно свѣжій нордъ-вестъ. Порывы вѣтра трепали бѣлые съ синимъ крестомъ Андреевскіе флаги.

Зеленовато-сѣрыя волны безконечными рядами катились въ правую скулу кораблей и съ шипѣніемъ разбивались пѣной и брызгами, донося ихъ иногда до верхняго мостика. Корпусъ «Цесаревича» мучительно стоналъ, то тяжело подымаясь на гребни волнъ, то стремительно падая въ промежутки между ними.

Душно въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Тяжело на душѣ отъ сознанія, что мы идемъ въ Англію. Мы знали, какъ отвратительно она относилась къ Россіи во время Русско-Японской войны. Мы предчувствовали, какъ съ холоднымъ презрѣніемъ на насъ будутъ смотрѣть англійскіе моряки, гордые своимъ могучимъ флотомъ, съ его современными судами, своей культурой и богатой промышленностью. Но идти было надо. Высшее начальство требовало, что-бы мы, гардемарины, особенно хорошо изучили и англійскій флотъ и тѣ англійскіе заводы, которые намъ будутъ показывать. Нашь адмиралъ самъ великолѣпно владѣвшій нѣсколькими европейскими языками требовалъ, чтобы мы изучали языки и особенно англійскій, который намъ былъ нуженъ не только для общаго образованія, но и для детальнаго ознакомленія съ лучшей въ мірѣ морской литературой.

Полѣ бурнаго перехода, отрядъ пришелъ въ Гринокъ. Къ счастью на рейдѣ оказался всего одинъ англійскій крейсеръ, да и тотъ скоро ушелъ.

Насъ повезли въ Глазго осматривать цѣлый рядъ заводовъ, по которымъ потомъ, каждый изъ насъ долженъ былъ написать подробнѣйшій докладъ. Гардемарины были завалены сверхъ того массой занятій по различнымъ отраслямъ морского дѣла. Въ теченіе всего плаванія, мы подвергались безконечнымъ репетиціямъ и экзаменамъ.

Однажды, въ Гринокѣ, къ лѣвому трапу «Цесаревича» подошла «вольная» шлюпка, изъ нее поднялся на палубу скромный молодой человѣкъ, одѣтый во все сѣрое, съ короткими панталонами, въ сѣрыхъ, съ зеленой каймой, чулкахъ, въ желтыхъ ботинкахъ, и въ сѣрой кепкѣ на головѣ.

«Могу-ли я видѣть командира корабля Его Величества «Цесаревичъ»?—обратился онъ на прекрасномъ англійскомъ языкѣ къ вахтенному начальнику. Его проводили къ командиру. Черезъ нѣкоторое время въ нашу гардемаринскую каютъ-компанію вошелъ завѣдующій гардемаринами, старшій лейтенантъ Б., рядомъ съ нимъ находился незнакомецъ въ сѣромъ. «Господа», сказалъ старшій лейтенантъ Б., «позвольте вамъ представить Mr. Georges S. вашъ преподаватель, англійскаго языка на время плаванія. Прошу любить и жаловать, и помнить, что Mr. Georges S. прекрасный молодой человѣкъ вашего возраста. Онъ окончилъ Оксфордскій университетъ; къ концу плаванія вы должны выучиться у него въ совершенствѣ англійскому языку».

Мы быстро познакомились съ Mr. Georges, котораго тотчасъ же окрестили «Егорушкой». Онъ жилъ среди насъ, питался въ нашей каютъ-компаніи и

черезъ нѣсколько дней казалось, что онъ сталъ самымъ обычнымъ членомъ нашей дружной, юной семьи. Бѣда была лишь въ томъ, что хотя мы всѣ изучали въ корпусѣ англійскій языкъ, но свободно на немъ никто не говорилъ, а Егорушка, кромѣ родного языка, зналъ лишь нѣсколько французскихъ фразъ.

Первое время было очень жаль его. Какъ мы ни старались его веселить—это были трудно. Онъ больше сидѣлъ одиноко въ углу каютъ-компаніи, посасывая свою коротенькую трубку, набитую Capstan'омъ и изрѣдка произносил: «Soda and whiskey, half and half.»

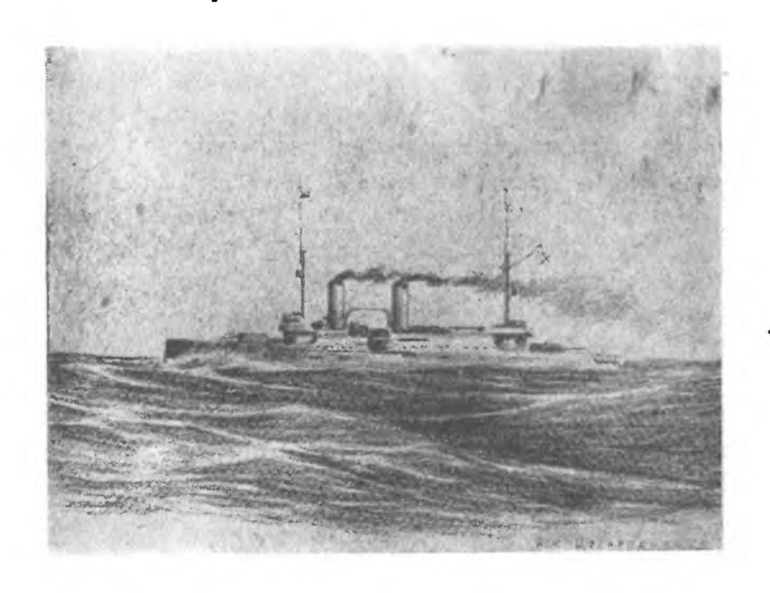
Вѣстовые привыкли къ его порціи и аккуратно наливали ему половину виски, половину соды.

Егорушка очень оживляся, когда мы пѣли хоромъ разныя русскія пѣсни или играли на роялѣ произведенія русскихъ композиторовъ. Онъ съ благоговѣніемъ присутствовалъ на всѣхъ богослуженіяхъ на кораблѣ. Спустя нѣкоторое время, за завтраками и обѣдами, онъ началъ съ удовольствіемъ пить водку и очень полюбилъ русскія закуски. Затѣмъ онъ началъ уменьшать свою порцію soda and whiskey, постепенно переходя на чай.

Промелькнули интересные порты, въ которыхъ мы побывали: Брестъ (во Франціи), Виго (въ Испаніи), Мармарисъ (въ Малой Азіи), островъ Родосъ, Афины, Неаполь.

Егорушка совершенно сжился съ нами, со всѣми онъ былъ на «ты». Бывая на берегу «проворачивалъ» съ самыми буйными и шаловливыми изъ насъ. Многіе изъ насъ уже болтали по англійски, а Егорушка

уморительно заговорилъ по-русски, вставляя иногда такія словечки, отъ которыхъ мы невольно покатывались со смѣху.

Лин. кор. «Цесаревичъ».
Постр. 1901 г., 12.900 тоннъ. 18 узловъ.
4-12 дм., 12-6 дм., 20-75 м/м, 24-47 м/м, 8-37 м/м.
4-пулемета, 2 десантныхъ орудія.

Русскій языкъ онъ училъ также и по самоучителю и читалъ русскихъ классиковъ. Во всѣхъ ученіяхъ и тревогахъ онъ добровольно принималъ самое горячее участіе.

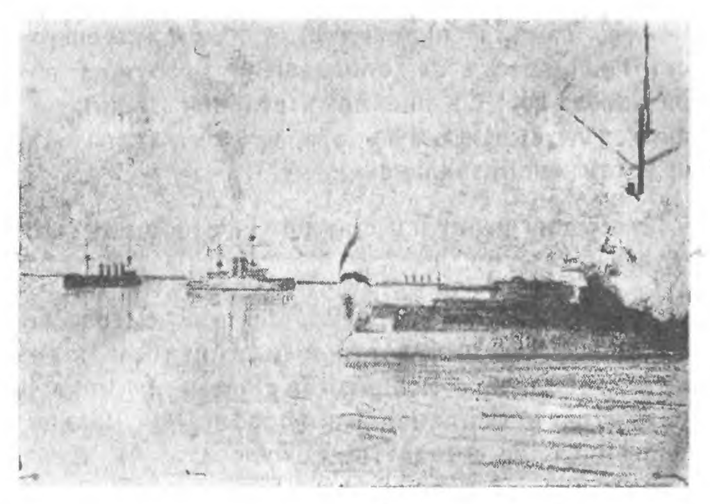
Въ нашихъ походахъ мы зашли въ Гибралтаръ. На рейдѣ стояла большая англійская эскадра подъ флагомъ вице-адмирала лорда Бересфордъ.

Адмиралы обѣнялись визитами. Суховато насъ встрѣтили англичане; не проявили дружелюбности и мы къ нимъ.

Въ гардемаринской средѣ неожиданно этотъ ледъ былъ растопленъ благодаря Егорушкѣ. Къ намъ на «Цесаревичь» пріѣхали въ гости, съ линейнаго корабля «Russel», трое гардемаринъ. Видъ ихъ былъ умопомрачительный: сюртуки, лакированные ботинки, сабли, бѣлыя перчатки. Мы повели ихъ осматривать корабль. Они интересовались всѣмъ, и особенно осколкомъ японскаго 12" снаряда, которымъ былъ убитъ адмиралъ Витгефтъ въ Русско-Японскую войну. Мы пригласили ихъ завтракать. Къ концу завтрака послѣ шампанскаго и ликеровъ, Егорушка съ хитрымъ видомъ налилъ три большихъ стакана водки, а четвертый, изъ подобнаго - же 'графина, водой. Поставивъ противъ нашихъ гостей стаканы съ водкой, онъ вернулся на свое мѣсто и скомандовалъ по англій-ски: «Англичане встать». Послѣ этого Егорушка въ горячей рѣчи началъ доказывать нашимъ гостямъ, какая чудная страна — Россія, какая тонкая ея культура, какой хорошій русскій народъ, какъ несправадлива Англія въ своей политикѣ по отношенію къ Россіи. Закончилъ онъ тостомъ: «За славу и процвѣтаніе могучей, прекрасной Россіи — ура»! И залпомъ выпилъ свой стаканъ. Бѣдные англійскіе гардемарины, слѣдуя за нимъ, не сморгнувъ, осушили до дна стоявшіе передъ ними стаканы водки. Эффектъ оказался потрясающимъ. Всѣ трое черезъ нѣсколько минутъ свалились, потерявъ сознаніе. «Что ты за скотина», говорили мы Егорушкѣ, «самъ выпилъ воду, а имъ влилъ водку послѣ ликеровъ».

«Я ему давалъ маленькій шарочка, чтобы онъ не задавался передъ Россія», на своемъ ломаномъ языкѣ оправдывался Егорушка.

По возможности скрытно, мы отнесли нашихъ бѣдныхъ гостей въ «пѣтушью яму», какъ называлось наше гардемаринское помѣщеніе, въ отдѣленіе кормового миннаго аппарата.

Салютъ въ Гибралтарѣ.
На рейдѣ лин. кор. «Russel».

Съ помощью фельдшера удалось ихъ привести въ чувство, но, увы, нечего было и думать о ихъ возвращеніи на «Russel».

На другой день утромъ къ подъему флага съ «церемоніей», нашъ блестящій адмиралъ вышелъ, какъ обычно въ ослѣпительно бѣломъ кителѣ, въ идеально накрахмаленномъ бѣльѣ, распространяя вокругъ себя запахъ тонкихъ духовъ.

Проходя по фронту гардемаринъ, онъ съ изумленіемъ остановился, увидѣвъ на лѣвомъ флангѣ рядомъ съ Егорушкой три тощихъ фигуры англійскихъ гардемаринъ съ истомленными, позеленѣвшими лицами. По окончаніи церемоніи подъема флага и по выясненіи обстоятельствъ, при которыхъ наши гости провели сутки на «Цесаревичѣ», намъ объявили отъ адмирала выговоръ. Мы накинулись на Егорушку: «Самъ ты нахамилъ, самъ и поправляй. Вѣдь ихъ теперь посадятъ подъ арестъ за опозданіе». Егорушка взялся исправить дѣло. Съ письмомъ старшаго офицера онъ оправился на «Russel». Въ это время за завтракомъ наши гости «поправлялись».

Егорушка вернулся сіяющій и сообщилъ что все «all right».

На другой день гардемарины на «Цесаревичѣ» получили карточку, на которой было написано: гардемарины корабля Его Величества «Russel» имѣютъ честь просить трехъ гардемаринъ корабля Его Величества «Цесаревичь» не отказать пожаловать къ нимъ въ каютъ—компанію сегодня къ ужину ровно въ 7 часовъ вечера. Форма одежды обыкновенная».

Ясно, что на «Russel'ѣ» намъ сегодня назначенъ «отвѣтный бой». Надо было видѣть, съ какимъ волненіемъ Егорушка производилъ вмѣстѣ съ нами «отборъ» этихъ трехъ жертвъ.

Необходимо было, чтобы они и пить могли неограниченно и чтобы по англійски говорили настолько хорошо, чтобы быть въ состояніи отвѣчать на всѣ тосты и, наконецъ, главное, чтобы они обладали такой

волей, чтобы ровно въ 11 съ половиной часовъ вечера на нашемъ, а не на англійскомъ катерѣ отвалить отъ «Russel'я» на «Цесаревичъ». Въ 6 съ половиной часовъ вечера «делегація», одѣтая во все «чистое», въ сабляхъ, лакированныхъ ботинкахъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ отбыла на «Russel».

Страшно волновались и мы и Егорушка въ этотъ вечеръ. Въ началѣ 12 часа отъ «Цесаревича» отвалилъ катеръ. Вотъ онъ у лѣваго трапа «Russel'я». Вернутся или не вернутся «делегаты»? А если вернутся, то въ какомъ видѣ?

Ровно въ 11 съ половиной катеръ отвалилъ отъ «Russel'я». Вотъ онъ приближается къ «Цесаревичу». «Кто гребетъ» — раздается зычный крикъ часового подъ флагомъ. «Гардемаринъ», доносится съ катера. «Ну, слава Богу», невольно вырвалось у насъ. «Лѣвый трапъ освѣтить», доносится съ вахты. Катеръ подходитъ къ лѣвому трапу. «Делегаты» одинъ за другимъ выходятъ, приподнимая фуражки, отдавая этимъ, какъ полагается, честь шканцамъ.* «Молодэцъ» радостно шепчетъ Егорушка. «Делегаты», сопровождаемые нами, сосредоточенно, точно «боясь разплескать», не заходя въ каютъ-компанію, спускаются прямо въ «пѣтушью яму».

«Пили все, что давали», говорятъ они намъ, — «отстань, пошелъ къ черту», бросаютъ они Егорушкѣ, пристающему съ дальнѣйшими разспросами. Скинувъ мундиры и сбросивъ «сбрую», «делегаты», полураздѣвшись, ложатся на койки и засыпаютъ до утра.

---

* Шканцы - почетное мѣсто съ праваго и лѣваго борта на верхней палубѣ корабля.

Черезъ нѣсколько дней нашъ отрядъ уходилъ изъ Гибралтара. На всѣхъ судахъ англійской эскадры намъ отдавали воинскія почести по уставу.

За нѣсколько минутъ до съемки съ 'якоря, съ «Russel'я» подошелъ катеръ и передалъ письмо, въ которомъ англійскіе гардемарины, называя насъ «very good sailors»,* въ очень теплыхъ и дружескихъ словахъ выражали радость, что они съ нами познакомились, желали намъ благополучнаго плаванія и счастливаго возвращенія домой. Такъ началось у насъ съ англійскими моряками «сердечное согласіе».

Промелькнули Сѣверное море, Скагеракъ, Категатъ, Бельты, Киль.

Вотъ и низкія берега Либавы.

Мы входимъ въ аванпортъ. Первыми въ нашей гардемаринской каютъ-компаніи появились петербугскіе портные и во главѣ ихъ, носящій, нынѣ симптоматическую фамилію, Бронштейнъ: «Ну, позвольте вамъ снять мѣрочку на суртукъ и бруки».

Произведенные, Высочайшимъ приказомъ по флоту и морскому вѣдомству въ мичманы, мы, радостной, шумливой толпой, ѣхали въ Петербургъ. Съ нами, конечно отправился и Егорушка.

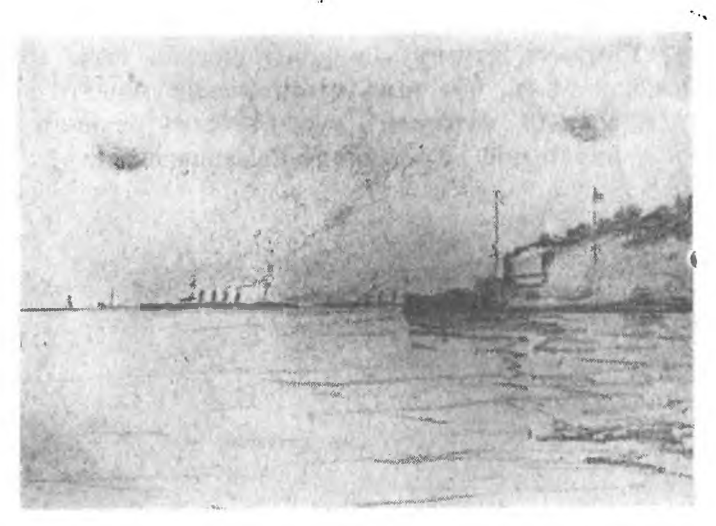
Въ Петербургѣ мы дали ему прощальный ужинъ въ одномъ изъ ресторановъ. Въ ту-же ночь, съ нашими москвичами онъ укатилъ въ Москву. Я думалъ, что простился съ нимъ навсегда.

---

* Буквально: „очень хорошіе матросы"—высшая похвала англійскихъ моряковъ.

Уже по окончанію моего отпуска, получивъ назначеніе на корабль, я шелъ по Невскому, и вдругъ мнѣ навстрѣчу попался извозчикъ, на которомъ сидѣлъ никто иной, какъ Егорушка.

Увидавъ меня, онъ соскочилъ съ «Ваньки» и бросился мнѣ на шею. Захлебываясь, онъ началъ

Уходъ изъ Гибралтара.

разсказывать, что онъ видѣлъ въ Москвѣ: Большой театръ, Третьяковскую галлерею, Кремль, Василія Блаженнаго, Часовню Иверской Божьей Матери, Царь—Колоколъ, Сандуновскія бани, и пр. Видя, какъ онъ горячо любитъ, а главное понимаетъ Россію, я невольно спросилъ его, почему Англія такъ не любитъ Россію. «Послюшай», отвѣтилъ онъ мнѣ на своемъ смѣшномъ языкѣ, «Ти нэ можешь себѣ представить, какіе больваны сидять въ Лондонѣ въ министерству—

это только англичанинъ можетъ быть такой больванъ».

Мы съ нимъ разстались и больше я Егорушки не видѣлъ.

Чѣмъ объяснить поведеніе Англіи, въ тѣ страшныя минуты, когда Россіа истекала кровью въ 1917 году? Тѣмъ-ли, что въ Лондонѣ сидѣли такіе «больваны» или тѣмъ, что тамъ были очень умные и дальновидные люди, которымъ нуженъ былъ развалъ Россіи и возвращеніе ее къ эпохѣ Каменнаго вѣка?

«Францолька».

Это былъ прелестный маленькій щенокъ.

Онъ появился у насъ въ гардемаринской каютъ-компаніи въ самый день ухода — «Отдѣльнаго отряда судовъ, назначенныхъ для плаванія съ корабельными гардемаринами», изъ Либавы заграницу.

Принесъ его на «Цесаревичъ» одинъ изъ насъ, корабельныхъ гардемаринъ, имѣвшій въ Либавѣ родственниковъ, которые и подарили намъ этого щеночка — чистокровнаго фокс-террьера въ качествѣ porte bonheur на дальнее плаваніе.

«Представленный» каютъ — компаніи, песикъ оказался фактически безъ хозяина. Будучи еще очень малъ, онъ былъ водворенъ въ «пѣтушью яму»*, гдѣ частымъ пискомъ напоминалъ каждому, что онъ голоденъ. Мы давали этому крохотному созданію ѣсть, когда и что попало, руководствуясь больше его пискомъ, чѣмъ какой-либо системой кормленія. Спалъ онъ на койкѣ одного изъ насъ не потому, что особенно привязался къ нему, а видимо лишь потому, что эта койка разстилалась прямо на палубѣ и вдали отъ пугающаго его піанино.

Такимъ образомъ, въ періодѣ ранней юности, внѣшній міръ этого щенка ограничивался гардемаринскимъ помѣщеніемъ, лишеннымъ дневного свѣта и освѣщаемымъ лишь электричествомъ, и тѣми людьми, которые въ немъ находились. Онъ ихъ любилъ, такъ какъ они кормили, его, а одинъ изъ

* Шутливое названіе гардемаринскаго помѣщенія въ отдѣленіи кормового миннаго аппарата.

нихъ согрѣвалъ его ночью, большой-же черный ный ящикъ (піанино), издававшій непріятные звуки, отъ которыхъ щеночекъ заползалъ куда нибудь подальше—приводилъ его въ трепетъ.

Что творилось внѣ этого міра, на кораблѣ—онъ еще не зналъ.

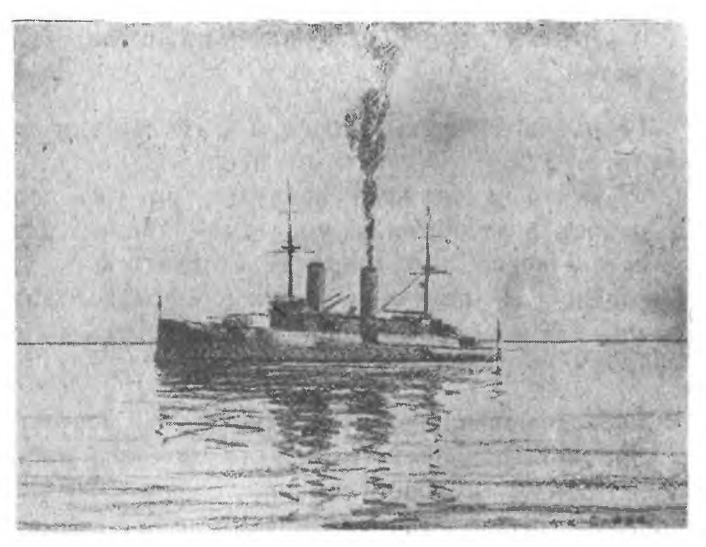
Ему были непонятны голоса в звуки, доносившіяся до его преисподней. Иногда были слышны какіе-то крики, то шумъ и гудѣніе, то стукъ бѣгущихъ многочисленныхъ ногъ, то шарканье какихъ-то веревокъ. То слышались наверху непріятные сигналы горновъ, то звонки, то звуки военной музыки, то пушечные выстрѣлы. Довольно часто помѣщеніе, гдѣ онъ жилъ наполнялось запахомъ машинного масла и мятаго пара и послѣ этого, гдѣ-то еще ниже, что-то ворочалось и кряхтѣло.

За переборками помѣщенія булькала и шипѣла вода, случалось, что при этомъ палуба переставала быть горизонтальной и то уходила изъ подъ ногъ, то качалась справа налѣво.

Бѣдный щеночекъ не зналъ, что за этотъ періодъ его жизни, «Цесаревичъ», въ нѣдрахъ котораго онъ жилъ, уже далеко ушелъ отъ Россіи...

Въ одинъ прекрасный день, одинъ изъ насъ, носившій кличку «родитель» вошелъ въ гардемаринскую каютъ-компанію съ нашимъ щеночкомъ на рукахъ. Кличка эта установилась за нимъ еще съ памятнаго дня поступленія въ младшій классъ Морского Корпуса въ Петербугѣ. Мы всѣ тогда были малыши 12-14 лѣтъ отъ роду. Большинство имѣло видъ еще совсѣмъ

дѣтскій, онъ же былъ и старше и выше насъ, одѣтъ какъ взрослый и къ тому-же былъ обладателемъ большихъ усовъ. Насъ выстроили, въ первый разъ въ жизни, во фронтъ. Наши родители стояли въ томъ-же залѣ, въ сторонѣ. Наши матери съ любовью, гордостью и жалостью смотрѣли на насъ. Черезъ часъ

Лин. Кор. «Слава».
Постройки 1903 года. 13.516 тоннъ. 17.6 узла.
4-12 дм., 12-6 дм, 20-75 м/м, 20-47 м/м.
10 пулеметовъ и 4 десантныхъ пушки.

наши панталончики и курточки будутъ замѣнены «казеннымъ обмундированіемъ». Усатый мальчикъ стоялъ на правомъ флангѣ. Сейчасъ войдетъ нашъ директоръ, энергичный контръ-адмиралъ Доможировъ.

Воспитатели суетятся, чтобы выровнять насъ, не привыкшихъ еще къ военному строю.

Въ это время одинъ изъ нихъ, близорукій N. подошелъ къ правому флангу и сказалъ «Простите, здѣсь нельзя... Сейчасъ выйдетъ директоръ. Прошу васъ отойти къ родителямъ». Слова его относились къ усатому мальчику который при общемъ смѣхѣ, первый изъ насъ получилъ корпусную кличку «родитель». Несмотря на свою могучую силу, какъ часто бываетъ, онъ былъ рѣдко добрымъ человѣкомъ, рыцаремъ до мозга костей.

«Господа», сказалъ «родитель», я больше не могу смотрѣть, что этотъ несчастный песикъ живетъ безъ дневного свѣта и свѣжаго воздуха. Онъ ужъ достаточно выросъ и за бортъ не упадетъ». Общимъ совѣтомъ было рѣшено, что «родитель» правъ и съ этой минуты щеночекъ получилъ кличку «Франзолька», а «родитель» сталъ завѣдующимъ обученіемъ «Франзольки».

Скоро «Франзолька» превратился въ хорошенькаго, породистаго фоксъ-терьера. Онъ сталъ вполнѣ благовоспитанной судовой собакой, твердо знавшей, что принадлежитъ къ гардемаринской каютъ-компаніи. Онъ обожалъ «родителя», любилъ гардемаринъ и былъ сухо вѣжливъ по отношенію къ офицерамъ и командѣ. Въ своей собачьей душѣ онъ точно чувствовалъ нѣкоторую обиду за своихъ хозяевъ—корабельныхъ гардемаринъ.

Чинъ корабельнаго гардемарина былъ введенъ у насъ во флотѣ послѣ Русско-Японской войны и, будучи прекраснымъ и полезнымъ установленіемъ, былъ все-же очень непріятенъ намъ, его носителямъ. Если-бы изъ насъ кто нибудь былъ-бы женатъ, то къ нему

вполнѣ могла-бы примѣняться формула Петра Великаго: «курица не птица, прапорщикъ не офицеръ, жена его не барыня—ручку цѣловать не надобно».

Помнится какъ то нашъ Отрядъ стоялъ въ Гельсингфорсѣ. На «Цесаревичъ» прибылъ Финляндскій Генералъ-Губернаторъ съ визитомъ къ нашему адмиралу. Офицеры, корабельные гардемарины, караулъ, музыканты и команда, какъ полагается, были вызваны во фронтъ.

Поднявшись на палубу, Генералъ-Губернаторъ началъ обходить офицеровъ, подавая каждому руку; затѣмъ онъ подошелъ къ фронту корабельныхъ гардемаринъ, стоявшихъ на лѣвомъ флангѣ офицеровъ. Увидя ихъ форму, похожую на офицерскую, онъ на секунду остановился въ нерѣшительности и собирался подать руку, стоящему на правомъ флангѣ. Въ это время флагъ - капитанъ Отряда сказалъ фразу, оставшуюся надолго на Отрядѣ въ видѣ шуточнаго опредѣленія чина Корабельнаго Гардемарина: «Ваше Высокопревосходительство», сказалъ онъ, «это корабельные гардемарины. Съ ними не здороваются и руки не подаютъ». Этими словами флагъ-капитанъ хотѣлъ сказать, что съ корабельными гардемаринами не здороваются, какъ съ воспитанниками и нижними чинами, то есть не привѣтствуютъ ихъ обращеніемъ «здавствуйте гардемарины», но съ другой стороны имъ не подаютъ руки, какъ подаютъ ее офицерамъ.

Мы имѣли, что называется «заурядъ права». Офицеры по возрасту и образованію сравнительно съ нашими сухопутными сверстниками, воспитанники по сущности, а по Гоголю мы были: «ни тѣмъ, ни сѣмъ, чертъ знаетъ чѣмъ». Мы стояли вахты, какъ простые

кочегары и машинисты, мы были и комендорами у пушекъ, и рулевыми на паровыхъ катерахъ, мы же стояли вахты, какъ младшіе штурманскіе офицеры, какъ вахтенные офицеры и какъ флагъ офицеры при адмиралѣ.

Тогда это было непріятно, но зато съ какой благодарностью теперь каждый изъ насъ вспоминаетъ о тѣхъ, кто насъ такъ воспиталъ, и въ первую голову, о нашемъ адмиралѣ А. А. Эбергардѣ.

Когда черезъ годъ такой школы мы стали офицерами, никто не могъ намъ бросить упрекъ, что мы «полотеры» или «бѣло-ручки». Каждый изъ насъ могъ практически и безукоризненно сдѣлать,—и дѣлалъ, все то, что требуется отъ матроса,—и при этомъ ни одинъ матросъ не могъ-бы сдѣлать того, что требовалось отъ насъ!

Сверхъ того, плавая гардемаринами годъ заграницей, мы пріобрѣтали ту широту взглядовъ и то воспитаніе, которыхъ не дали-бы намъ никакія книги и никакія теоріи.

Если сурово и страшно бываетъ море, когда ревет̂ъ штормъ, когда холодныя и жестокія волны безпощадно набрасываются на корабль, съ шумомъ и грохотомъ разбиваясь о бортъ, обливая его пѣной и брызгами, то неописуемо прекрасно, ласково и привлекательно оно въ тихую погоду въ чудный яркій солнечный день.

Рѣдко, гдѣ эти контрасты такъ рѣзки, какъ въ Средиземномъ морѣ, рѣдко красивъ цвѣтъ его воды, — точно густой растворъ индиго.

Въ одинъ изъ такихъ дней линейный корабль «Цесаревичъ», подъ флагомъ контръ-адмирала А. А.

Эбергарда, шелъ во главѣ отряда на пути изъ Виго (Испанія) въ Мармарисъ (Малая Азія). Переходъ большой, 8 сутокъ. Отрядъ идетъ въ самой серединѣ Средиземнаго моря. Береговъ ни видно. Кругомъ необъятная гладь. Яркое солнце обливаетъ своими жгучими лучами корабль. Ясная погода позволяетъ произвести приборку. Верхняя палуба и «мѣдяшка» надраены и блестятъ чистотой. До обѣда остается еще часа полтора.

Адмиралъ, въ черной тужуркѣ съ вшитыми на ней «Скосоревскими» погонами съ двуглавымъ чернымъ орломъ, въ сѣрыхъ перчаткахъ, въ бѣлой фуражкѣ отъ Вотье, гуляетъ по заднему мостику, изрѣдка прикладывая къ глазамъ прекрасный цейсовскій бинокль, висящій у него на шеѣ, осматривая горизонтъ и идущіе намъ въ кильватеръ «Славу» и «Богатырь».

Отрядъ хорошъ, идетъ отлично, на тонкихъ губахъ адмирала играетъ добрая радостная улыбка. Не то бывало, если случался какой нибудь безпорядокъ. Адмиралъ тогда, по нашему выраженію,«давалъ слабину» и разражался гнѣвными криками, отъ которыхъ все сыпалось въ разныя стороны.

На ютѣ «Цесаревича», позади 12" башни нашъ капельмейстеръ, чехъ, Нурикъ училъ свой оркестръ. Могучіе звуки марша изъ оперы «Тангейзеръ» неслись надъ роскошной синевой моря.

Свободные отъ службы «гардешки» вылѣзли на ютъ полюбоваться хорошимъ утромъ и послушать музыку. «Францолька» радостно носился между ними, бросаясь то къ одному, то къ другому, выражая свой восторгъ уморительными прыжками... «Братцы», ска-

залъ «родитель», «вотъ у Чехова одинъ мастеровой говоритъ, что заяцъ, ежели его бить, спичку зажигать можетъ, а кошка, извините—огурцы жретъ, а вотъ вы посмотрите какія штуки выдѣлываетъ «Франзолька» безъ всякихъ побоевъ».

«Родитель» свистнулъ «Франзольку», погладилъ его, посадилъ на заднія лапки и поставилъ ему между лапокъ палочку. Послѣ этого, отойдя въ сторону онъ скомандовалъ: «смирно! Равненіе направо!» «Франзолька» повернулъ голову направо. «Теперь ты часовой подъ флагомъ», сказалъ «родитель», «отдай мнѣ ружье». Когда «родитель» протянулъ руку къ палочкѣ, «Франзолька» зарычалъ, дѣлая видъ, что собирается укусить. «Попробуйте-ка взять у него палочку, ни за что не отдастъ». «Теперь», продолжалъ «родитель», «шлюпка подходитъ къ кораблю—окликай!» «У-у-у-у» протяжно завылъ «Франзолька». «Гардешки» съ интересомъ смотрѣли за представленіемъ. Нурикъ прервалъ игру оркестра. Вдрутъ съ задняго мостика раздался гнѣвный крикъ: «Собаку мучаете, а кормить не кормите; безобразіе».

Услышавъ знакомый голосъ, «гардешки» съ «Франзолькой» удрали внизъ.

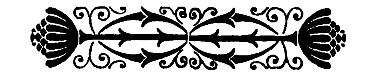
Наступило время обѣда. Въ кають-компанію явился красавецъ адмиральскій вѣстовой, матросъ первой статьи, Архиповъ. Съ чуть слышной, ноткой ироніи, въ которой чувствовалось, что онъ обращается не къ офицерамъ, онъ доложилъ: «Господа гардемарины, его превосходительство прислали «Франзолькѣ» бифштексъ». На тарелкѣ, которую онъ держалъ въ рукахъ, лежалъ маленькій аппетитно зажаренный бифштексъ.

Съ этого дня «Франзолька» сталъ получать ежедневно отъ адмирала «морское довольствіе» въ видѣ бифштекса.

Отрядъ вернулся въ Россію. «Франзолька», ставшій общимъ любимцемъ корабля, «съѣхалъ» на берегъ съ кѣмъ-то изъ насъ и тутъ съ нимъ случилось несчастіе.

Какъ часто бываетъ съ фоксъ—терьерами, долго плававшими на кораблѣ, гдѣ такъ велико электрическое напряженіе, съ нимъ сдѣлался на берегу припадокъ, и онъ погибъ.

Очень мы горевали о немъ и особенно «родитель». Этотъ, послѣдній, сдѣлался доблестнымъ офицеромъ, обожаемымъ своей командой. Онъ блестяще себя держалъ во время войны и погибъ отъ рукъ «красы и гордости» во время «великой и безкровной» революціи.

Крестины.

Въ широкой публикѣ часто совсѣмъ не знаютъ, что такое военный корабль. А между тѣмъ это цѣлый міръ, живущій особенной жизнью. Представимъ себѣ его размѣры.

На линейномъ кораблѣ живетъ 800-1200 человѣкъ экипажа. Водоизмѣщеніе, т. е. вѣсъ этого плавучаго городка, въ наше время доходитъ до 35.000 тоннъ. Тонна вѣситъ 60 пудовъ. Въ довоенное время каждая 1000 тоннъ такого корабля стоила 1 милліонъ, рублей. Иначе говоря, напримѣръ, нашъ «Цесаревичъ», имѣвшій 13.000 тоннъ водоизмѣщенія, стоилъ около 13 милліоновъ золотыхъ рублей. А возьмите грандіозность размѣровъ пушекъ, которыми вооруженъ корабль. Длина 12" орудія доходитъ до 52 футъ, т.е. болѣе 7 саженъ. Одинъ замокъ такой пушки вѣситъ 30 пудовъ. Снарядъ который она бросаетъ на разстояніе 30 верстъ, вѣситъ 25 пудовъ. Зарядъ бездымнаго пороха, взрывомъ котораго этотъ снарядъ выбрасывается, вѣситъ 5 пудовъ. Прибавьте къ этому, что эта чудовищная пушка дѣлаетъ 2 выстрѣла въ минуту, — и вы поймете, сколько техническихъ приспособленій необходимо только для управленія и дѣйствія артиллеріей корабля. А чтобы двигать этотъ плавучій городъ? Тотъ же «Цесаревичъ», въ нынѣшнее время «маленькій» корабль, имѣлъ машины, силою въ 16.300 лошадиныхъ силъ, которыя давали ему скорость въ 18 узловъ. Сухопутные люди часто путаютъ понятіе о мѣрахъ скорости на морѣ. Узелъ равенъ 1/120 мили, 1 миля равняется 1,7362 версты. Скорость въ узлахъ мѣрится въ промежутокъ времени равный 1/120 часа. Слѣдовательно сколько узловъ прошелъ корабль, столько миль въ

часъ онъ дѣлаетъ. Поэтому нельзя говорить: «Мы идемъ 12 узловъ въ часъ», надо говорить: «Мы идемъ 12 узловъ» или «мы дѣлаемъ 12 миль въ часъ».

Разобравшись въ этой краткой морской номенклатурѣ, перенеситесь, мои юные читатели, вашимъ воображеніемъ вмѣстѣ со мной въ далекій Атлантическій океанъ.

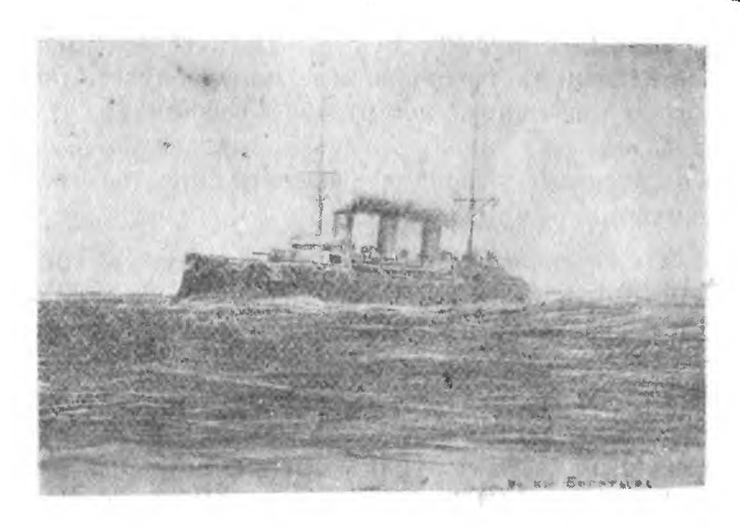
Солнечный, прекрасный день. Почти нѣтъ вѣтра. Широкая «океанская» зыбь. Кругомъ безбрежный синій просторъ. Океанъ съ ласковымъ рокотомъ баюкаетъ на своей могучей груди три корабля, которые среди этой лазоревой пустыни кажутся маленькими, а между тѣмъ на каждомъ изъ нихъ живетъ и работаетъ по нѣсколько сотъ русскихъ людей. Каждый такой корабль, по морскому международному праву,представляетъ собою территорію Россійской Имперіи. Каждый актъ,совершаемый на русскомъ военномъ кораблѣ за—границей,заключается на основаніи рускихъ законовъ, каждое преступленіе, совершенное на немъ, карается по русскимъ законамъ. Поэтому вы поймете, что въ прежнее время означалъ бѣлый съ синимъ крестомъ Андреевскій флагъ, подымаемый на военныхъ корабляхъ.

Статья 1284 Морского Устава* гласитъ: «Военный флагъ — бѣлый флагъ съ синимъ Андреевскимъ крестомъ почитается, какъ знамя въ полку, и всѣ служащіе на кораблѣ, должны охранять этотъ флагъ до послѣдней капли крови, какъ хоругвь Русскаго Государя. Военный флагъ на корабляхъ подымается на гафелѣ или на кормовомъ флагштокѣ.»

---

* Книга X Свода Морскихъ Постановленій.

На этихъ трехъ корабляхъ, о которыхъ я пишу выше, развѣвались на гафеляхъ Андреевскіе флаги, а сами корабли составляли «Отдѣльный отрядъ судовъ, назначенныхъ для плаванія съ корабельными гардемаринами.»

Крейсеръ «Богатырь».
Постройки 1901 г. 6,645 тоннъ, 23 узла.
12-6 дм., 12-75 м/м, 4-47 м/м, 4-пулемета.

Въ тотъ моментъ, когда мы съ вами увидѣли ихъ въ Атлантическомъ океанѣ, отрядъ шелъ въ портъ Виго на сѣверо-западномъ берегу Испаніи.

Скоро синій цвѣтъ воды началъ переходить въ зеленоватый, по носу открылись красивыя горы, окружающія бухту Виго. Все ближе и ближе желанные берега. Все красивѣе вырисовываются складки горъ и бѣлая лента прибоя у берега.

Отрядъ вошелъ въ прекрасную бухту и всталъ на якорь «всѣ вдругъ» на рейдѣ противъ города Виго. Громъ салюта, обмѣнъ визитами и жизнь отряда вошла въ обычную норму «якорнаго расписанія».

Мѣстный русскій нештатный консулъ, оказавшійся испанцемъ, говорившимъ по-французски, но ни слова не знавшимъ по-русски, сообщилъ, что въ городѣ имѣется одинъ русскій подданный. Будемъ этого русскаго человѣка называть просто Василій Ивановичъ.

Онъ былъ владѣльцемъ одного изъ здѣшнихъ кинематографовъ и, вѣроятно, первой жертвой «великой и безкровной» въ 1905 году. Увидѣвъ въ одной изъ внутреннихъ губерній Россіи, какъ рвущійся къ свободѣ народъ перебивалъ ноги породистымъ лошадямъ, рвалъ, загаживалъ и топталъ красивыя цвѣточныя клумбы, жегъ и рубилъ топорами дорогія картины, хрусталь, фарфоръ и пр. въ какомъ-то помѣстьи, Василій Ивановичъ возмутился душою. Ему стало стыдно, что онъ принадлежитъ къ этому варварскому народу. Ему стало стыдно за Россію. Онъ распродалъ свой скарбъ, уѣхалъ изъ Россіи; и оказался въ Виго, гдѣ женился на чистокровной испанкѣ. Здѣсь на свои гроши онъ открылъ кинематографъ; у него родился мальчикъ, и тутъ голосъ крови пересилилъ у бѣднаго отца чувство негодованія и презрѣнія къ своему народу. Ему захотѣлось, чтобы его сынъ былъ русскимъ. Онъ мечталъ, какъ нибудь, найти русскаго священника, чтобы окрестить ребенка въ православной вѣрѣ.

Когда адмиралъ, начальникъ отряда, узналъ о скромномъ желаніи Василія Ивановича, онъ заявилъ, что мальчикъ будетъ крещенъ на флагманскомъ кораблѣ «Цесаревичъ», что самъ адмиралъ будетъ крестнымъ отцомъ, и въ его лицѣ весь отрядъ, и, что актъ о крещеніи будетъ записанъ въ судовой вахтенный журналъ.

Вь назначенный день, какъ въ городѣ, такъ и на «Цесаревичѣ» было общее волненіе. Яркій солнечный день вполнѣ благопріятствовалъ торжеству. Къ правому трапу «Цесаревича» подошелъ катеръ съ родителями малютки и съ консуломъ. Взволнованный, счастливый отецъ, былъ одѣтъ въ старенькій потертый сюртучекъ, самый парадный, какой у него былъ,мать-въ красочный испанскій костюмъ, съ черной шалью, съ вѣеромъ, съ ярко-красной розой и гребнемъ въ изсине-черныхъ волосахъ. Въ это же время, съ лѣваго трапа на палубу поднялась масса гостей испанцевъ мужчинъ и женщинъ. Послѣднія въ мантильяхъ, съ вѣерами, сверкая, точно жемчугами, бѣлыми зубками, и бросая направо и налѣво любопытные взгляды своихъ горящихъ, черныхъ глазъ.

Среди мужчинъ, тоже виднѣлись, отдѣльными пятнами, яркіе національные костюмы. Команда на «Цесаревичѣ» была одѣта по праздничному. Адмиралъ и офицеры въ мундирахъ съ эполетами.

Принявъ бережно изъ рукъ смущенной матери плачущаго малютку, адмиралъ спросилъ отца, кто будетъ крестной матерью? Василій Ивановичъ что-то сказалъ по-испански группѣ гостей и изъ ихъ рядовъ вышла молодая женщина, такъ и просящаяся на по-

третъ и своимъ костюмомъ, и своей очаровательной улыбкой, и своими сверкающими глазами.

Пока происходила эта рѣдкая, на военномъ кораблѣ, сцена, адмиральскій и офицерскіе вѣстовые, подъ руководствомъ младшаго флагъ-офицера, дѣлали послѣднія приготовленія къ пріему гостей въ роскошномъ адмиральскомъ помѣщеніи «Цесаревича». Цвѣты, бѣлоснѣжныя скатерти, хрустальныя вазы съ фруктами, печенье, конфекты обильно украшали большіе столы.

«На молитвенный флагъ! Молитвенный флагъ поднять!» — раздалась на верхней палубѣ громкая команда вахтеннаго начальника.

Въ жилой палубѣ «собрана» церковь стоитъ большая купель. Всѣ три священника отряда соборне совершаютъ обрядъ крещенія.

Адмиралъ съ «кумой», съ малюткой на рукахъ стоятъ передъ купелью. Большой хоръ, человѣкъ въ 60 матросовъ - пѣвчихъ, готовится къ пѣнію. Жилая палуба наполнена гостями - испанцами, съ удивленіемъ глядящими на невиданное зрѣлище.

«Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ», начинаетъ спокойно, проникновеннымъ голосомъ, пожилой іеромонахъ, судовой священникъ «Цесаревича» и одновременно флагманскій благочинный отряда.

«Аминь»—несутся могучіе раскаты прекраснаго ра. На подвижныхъ лицахъ испанцевъ-гостей поятся изумленіе, затѣмъ выраженіе восторга. Они

музыкальны, чувствительны и ихъ трогаетъ и волнуетъ красота русскаго православнаго обряда.

«Имя младенца Борисъ» — шопотомъ передаетъ батюшкѣ адмиралъ.

«Крещается рабъ Божій младенецъ Борисъ», слышенъ тихій голосъ батюшки, «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». И опять трогательное пѣніе мощнаго хора: «Елицы во Христа крестишеся, во Христа облекостеся. Аллилуя».

Обрядъ крещенія заканчивается. «На молитвенный флагъ! Молитвенный флагъ спустить!»—раздается команда съ верхней палубы.

На кораблѣ вновь слышны звуки обычной жизни, заглушенные на время богослуженія.

Адмиралъ идетъ впереди съ крестной матерью, сзади родители, пестрая толпа гостей въ перемѣшку съ золотомъ офицерскихъ мунидировъ и эполетъ. Уставшій малютка полудремлетъ на рукахъ адмирала, на подушкѣ, съ голубыми атласными ленточками. Вся эта толпа направляется въ адмиральское помѣщеніе. Золотистое шипящее вино розлито въ бокалы. Адмиралъ передаетъ ребенка въ руки матери, лицо которой сіяетъ гордостью и счастьемъ.

Василію Ивановичу адмиралъ вручаетъ отъ имени отряда ларецъ, въ которомъ положены на «зубокъ» въ большомъ количествѣ русскіе золотые десятирублевики. Василій Ивановичъ, тронутый до глубины души, рыдаетъ.

Затѣмъ, старшій штурманъ передаетъ ему «выписку изъ вахтеннаго журнала» объ актѣ крещенія,

и церемонія оканчивается. Адмиралъ, при общемъ во-сторгѣ, трижды поцѣловался, по русскому обычаю, съ «кумой» и подарилъ ей хорошую испанскую шаль.

«Караулъ и музыканты наверхъ! Команда на-верхъ, по вахтенно во фронтъ»—командуютъ наверху. Когда все готово, адмиралъ, взявъ опять малютку, со всѣми гостями поднялся наверхъ. Держа передъ собою «крестника отряда» адмиралъ пошелъ по фронту команды.

«Поздравляю Васъ, молодцы!»—слышался его голосъ у первой и второй вахты! «Покорно благода-римъ, Ваше Превосходительство!» гремѣли въ отвѣтъ сотни голосовъ. «Нашему крестнику—Ура!»

«Ура-а-а!» далеко по рейду понеслось могучее русское ура, сквозь которое прорывались звуки туша. Подъ бодрый маршъ катеръ съ крестникомъ отвалилъ на берегъ.

Вечеромъ того-же дня кинематографъ Василія Ивановича былъ набитъ до отказа.

Адмиралъ, офицеры, гардемарины, команда отряда явились туда. Всѣ свободныя мѣста были заняты экспансивной, жизнерадостной веселой испан-ской толпой.

У входа въ кинематографъ игралъ оркестръ съ «Цесаревича».

Внутри балалаечники и пѣсенники со «Славы» и съ «Богатыря».

Надо-ли говорить о томъ, какой успѣхъ имѣлъ этотъ спектакль?!

Въ каждомъ антрактѣ Василій Ивановичъ подбѣгалъ то къ одному, то къ другому, говоря сквозь слезы: «Я горжусь, что я русскій! Я Бога благодарю, что мой сынъ будетъ русскимъ!»

Громомъ апплодисментовъ и криками «Да здравствуютъ Русскіе!»—встрѣчали испанцы и испанки каждое исполненіе русской пѣсни, каждую русскую мелодію.

Шумно расходились изъ кинематографа.

«Буэносъ ночесъ»,* звонкимъ голосомъ провожала русскихъ моряковъ молодая мать. «Добро пожаловать, не забывайте!» кричалъ счастливый, взволнованный Василій Ивановичъ.

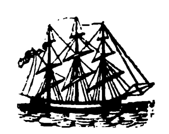
«Доброй ночи донъ Базильо.
Всѣ мы вамъ желаемъ
Всѣ мы вамъ желаемъ»...**

Хоромъ пропѣли ему мичманы и гардемарины, направляясь къ порту.

Кинематографъ «Дона Базильо» сдѣлался самымъ моднымъ въ Виго.

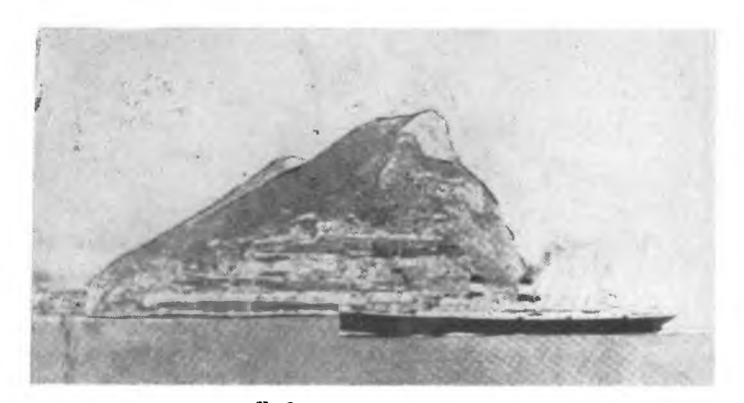
* Доброй ночи—по испански.

** Пѣсенка изъ оперы «Севильскій Цирульникъ».

Корабельный гардемаринъ.

Гибралтарская скала.

Погрузка угля на учебномъ кораблѣ.

Маршъ-маневръ.

Почти мѣсяцъ стоитъ на якорѣ «Отдѣльный Отрядъ Судовъ, назначенныхъ для плаванія съ корабельными гардемаринами», на живописномъ рейдѣ города Виго. Уже кончились очередныя репетиціи гардемаринъ. Прошли отрядныя гонки—парусныя и гребныя. Было произведено ученіе своза десанта на берегъ. Занимались пробной постановкой миннаго загражденія съ плотика. Производили завозку верповъ. Гардемарины даже занимались уничтоженіемъ девіаціи на паровомъ катерѣ, — ну, однимъ словомъ, продѣлали все, что можно было придумать для «использованія времени» стоянки отряда въ удобныхъ условіяхъ на якорѣ...А отрядъ все стоитъ да стоитъ, и адмиралъ, какъ будто, и не думаетъ о походѣ. Гардемарины и офицеры осмотрѣли не только Виго, но и его живописныя окресмности—Байону и Реданделлу. Многіе познакомились съ мѣстнымъ богачемъ и весельчакомъ, фабрикантомъ сардинъ, который прислалъ въ подарокъ на всѣ корабли рѣдкія по качеству консервы сардинъ. Всѣ побывали въ маленькомъ погребкѣ дона Бандейра, славящагося своими винами — портвейномъ, малагой, мазанильей.

Въ этомъ погребкѣ на огромныхъ бочкахъ съ виномъ красовались портреты русскихъ писателей. И въ доказательство того, что портреты никогда не снимались, даже при приходѣ эскадръ и судовъ другихъ націй, они были приклеены къ днищамъ бочекъ, а на карточкѣ господина Бандейра красовалась надпись — «поставщикъ Русскаго Флота». Въ мѣстное казино, прослышавъ о любви къ веселью и

щедрости русскихъ, пріѣхали двѣ тогдашнія знаменитости, красавицы пѣвицы, изъ знойной Андалузіи — кончита Ледесма и кончита Ойра.

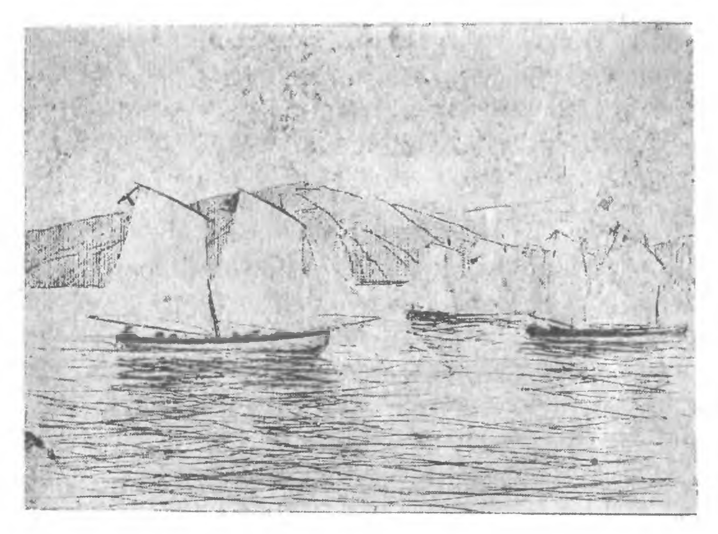
Портреты ихъ, раскрашенные и не раскрашенные, появились въ каютахъ мичмановъ. Какая-то болѣе предпріимчивая группа офицеровъ и гардемаринъ успѣла съѣздить въ Мадридъ и привезла оттуда разсказы о боѣ быковъ и о знаменитомъ торреодорѣ Бомбито-Чико. Говорили, что ему всего 19 лѣтъ; онъ такой ловкій, что, когда разъяренный быкъ бросается на него, онъ передъ застывшей отъ ужаса толпой отбрасываетъ въ сторону шпагу и красный плащъ, берется руками за громадные рога быка, приподнимается на нихъ, какъ на брусьяхъ, и быкъ бѣшеннымъ галопомъ несетъ отважнаго торреодора черезъ всю арену... еще секунда, и онъ ударитъ его о барьеръ, — но ловкій Бомбито-Чико, какъ гимнастъ, кувыркается черезъ голову, на спину быка, соскакиваетъ съ его крупа, беретъ свою шпагу и плащъ и, когда взбѣшенный быкъ повернувшись снова атакуетъ его, вонзаетъ ему, при крикахъ всего цирка, шпагу въ загривокъ.

На отрядѣ появился маршъ «Бомбито-Чико», который разучили и музыканты и балалаечники.

«Нѣтъ, господа, рѣшительно пора уходить», горячился въ каютъ-компаніи «Цесаревича» энергичный, живой лейтенантъ, ревизоръ корабля.

«Мы стоимъ ужъ мѣсяцъ. Вотъ увидите: въ казино появится рулетка, и наши мичманки и гардемарины будутъ просаживать тамъ свое жалованіе—это ужъ старая исторія. А главное намъ надо какъ

нибудь отдѣлаться отъ нашего отряднаго поставщика Врioниса. — Я не говорю, что онъ недобросовѣстный, но онъ опуталъ насъ, какъ паукъ. Безъ него ничего купить нельзя: ни угля, ни масла. А между тѣмъ, только при свободной конкуренцiи можно дѣлать покупки болѣе выгодно и дешево».

Парусныя гонки.

«Ну что-же штабъ думаетъ»? отвѣтилъ ревизору чей-то голосъ.

«Да, что дѣлать? куда мы не придемъ, Врioнисъ ужъ за день или за два—въ этомъ порту, и всѣ цѣны устанавливаются имъ».

«Ура»! крикнулъ вбѣжавшiй въ этотъ моментъ въ каютъ-компанiю мичманъ «идемъ на Мадеру! Я только что съ берега; шелъ на катерѣ съ младшимъ

флагъ-офицеромъ, съ Мишенькой. Какъ онъ ни крѣпился, а по дружбѣ мнѣ сообщилъ, что адмиралъ рѣшилъ уходить на Мадеру».

«Ахъ! Онъ просилъ никому не говорить? Вотъ такъ фунтъ»!

«А вы, Пончикъ», флегматично замѣтилъ старшій офицеръ, «хоть и молоды, а должны помнить, что если по оплошности флагъ - офицера вамъ стало извѣстно предположеніе адмирала, то вы должны молчать. Болтовня, это худшій изъ пороковъ: изъ-за нея во время войны люди гибнутъ».

Вечеромъ того-же дня донъ Бандейра сообщилъ кому-то изъ офицеровъ съ «Богатыря», что онъ совсѣмъ разстроенъ узнавъ, что отрядъ уходитъ на Мадеру и не купитъ у него этого вина. Вѣстовой старшаго штурманскаго офицера со «Славы», ѣздившій на берегъ отдавать бѣлье прачкѣ, вернулся сказавъ, что она отказывается брать бѣлье, т. к. отрядъ уходитъ на Мадеру: не успѣетъ выстирать.

Въ каютъ - компаніяхъ кораблей стало извѣстно, что адмиралъ очень недоволенъ тѣмъ, что личный составъ отряда до сихъ поръ не проникся сознаніемъ необходимости и въ мирное и въ военное время молчать о всякихъ передвиженіяхъ флота и его частей. Однако, разъ предположеніе о походѣ стало извѣстно, адмиралъ подтверждаетъ, что черезъ три дня отрядъ уходитъ.

На отрядѣ закипѣла бурная дѣятельность. Приняты полные запасы угля и провизіи. Пользуясь каждой свободной минутой, офицеры и гардемарины

жадно читаютъ все, что касается Мадеры. Любители мистики зачитываются легендами о потонувшей Атлантидѣ, остатками которой, можетъ быть, являются острова Атлантическаго океана.

Наканунѣ ухода пароходъ поставщика Врiониса снялся съ якоря и вышелъ въ море. Съ чуть замѣтной усмѣшкой флагъ-капитанъ, гулявшiй по палубѣ съ командиромъ «Цесаревича», сказалъ, указывая глазами на уходившiй пароходъ: «Полюбуйтесь-ка, какъ у него все налажено: вѣдь мы ему ничего не сообщали, куда идемъ, а придемъ на Мадеру—онъ тутъ, какъ тутъ, ровно на сутки раньше насъ, и всѣ цѣны въ его рукахъ».

Въ 6 часовъ вечера наканунѣ ухода «Цесаревичъ» передалъ сигналъ по отряду: «Отряду завтра въ 10 ч. утра быть готовымъ къ походу. Имѣть пары разведенными для 12 узлового хода».

На другой день, въ 9 часовъ утра, изъ трубъ судовъ отряда подымался дымокъ, шлюпки подняты, машины опробованы.

Вокругъ кораблей толпятся «вольныя» шлюпки, и на каждой изъ нихъ двѣ, три женскiя фигуры въ мантильяхъ, съ вѣерами; видны пиджаки, канотье и панамы мужчинъ. Лица провожающихъ печальны...

Населенiе Виго очень подружилось съ отрядомъ, и проводы были поистинѣ грустные.

Въ 10 часовъ утра отрядъ стройно снялся съ якоря, имѣя головнымъ «Цесаревича», въ кильватеръ ему «Славу» и концевымъ «Богатыря».

Въ ходовой рубкѣ, на мостикѣ «Цесаревича», на видномъ мѣстѣ появился большой матерчатый конвертъ съ надписью: «Весьма секретно. Вскрыть по сигналу—командиру линейнаго корабля «Цесаревичъ». Пакетъ былъ запечатанъ пятью красными печатями.

Едва отрядъ вышелъ въ океанъ, какъ на «Цесаревичѣ» взвился сигналъ: «Вскрыть секретные пакеты». Въ нихъ оказалась инструкція адмирала на походъ: изъ Виго—въ бухту Мармарисъ, лежащую на берегу Малой Азіи противъ о-ва Родосъ. Походъ будетъ до самаго Мармариса, не заходя ни въ какой портъ. На походѣ будутъ произведены такія-то ученія и занятія.

Когда эта новость стала извѣстна въ каютъ-компаніи, она произвела эффектъ разорвавшейся бомбы.

«Ай-да штабъ!» слышались голоса: «это называется игра на психологіи противника. Что-то теперь будетъ дѣлать Вріонисъ на Мадерѣ?»

Сожалѣніе, что не удастся повидать Мадеру, улеглось быстро, ибо «маршъ-маневръ» въ бухту Мармарисъ казался не менѣе, если не болѣе, интереснымъ. Объ этой бухтѣ даже много плававшіе офицеры ничего не слышали. Изъ лоціи Средиземнаго моря прочли: бухта очень удобная, закрытая горами, что въ ней нельзя достать ни угля, ни масла; что въ маленькой деревушкѣ, расположенной на берегу, небольшія суда могутъ получать провизію, что прѣсная вода на берегу здорова и вкусна, но брать ее трудно, т.к. надо наполнять шлангами съ берега судовые барказы и ихъ подводить къ кораблю. На берегу

имѣется турецкій телеграфъ. Въ горахъ, окружающихъ бухту, много шакаловъ, пернатой дичи и кабановъ.

«Однако, господа», говорилъ въ каютъ-компаніи «Цесаревича» солидный лейтенантъ, старшій артиллерійскій офицеръ—«согласно научнаго опредѣленія «маршъ-маневръ» означаетъ—отдѣльное передвиженіе вооруженной силы, въ связи съ общимъ стратегическимъ маневрированіемъ. Ну, хорошо; мы придемъ въ Мармарисъ, сожжемъ по пути уголь, а дальше что? Какіе-же и чьи еще передвиженія предполагаются на нашемъ театрѣ?»

«Ну, дорогой мой, не безпокойся, штабъ не глупѣе насъ съ тобой»,—возразилъ ему ревизоръ.—«Мы теперь въ морѣ и поэтому это не секретъ, операція задумана чрезвычайно тонко. Противникъ—Вріонисъ-ушелъ на Мадеру.—Мы идемъ въ Мармарисъ. Туда, же стянутся канонерскія лодки «Хивинецъ» и «Кубанецъ»—съ Крита и изъ Пирея. Къ нашему приходу въ Мармарисѣ будутъ транспорты «Батумъ» и «Поти» изъ Севастополя, которые пройдутъ черезъ Дарданеллы въ Мармарисъ съ грузомъ угля, масла и провизіи. Уголь будетъ нашъ—донецкій, который мы испытаемъ практически, для сравненія съ кардифомъ. Затѣмъ мы пойдемъ гулять по портамъ Средиземнаго моря, совершенно независимые отъ Вріониса».

«Да, это интересно», — замѣтилъ скептикъ старшій артиллеристъ, — «но только сложно. Знаешь: организація не терпитъ импровизаціи. Какъ бы насъ ни связывалъ Вріонисъ, но съ нимъ мы были, какъ у Христа за пазухой, всегда все было во время и сравнительно дешево. Ну, поживемъ—увидимъ».

Отрядъ прошелъ Гибралтаръ и вышелъ въ Средиземное море, встрѣтившее его тихой ясной погодой. Это море побаловало отрядъ сравнительно недолго, и въ Эгейскомъ морѣ задулъ свѣжій N.O., который развелъ порядочную волну.

Каскады соленыхъ брызгъ, сверкая блестками въ лучахъ солнца и, играя всѣми цвѣтами радуги, непрерывно проносятся съ навѣтреннаго борта, осыпая иногда точно дождемъ и верхній мостикъ. То вдругъ синій валъ, съ бѣлой гривой шипящей пѣны на гребнѣ, лизнетъ, точно играя, бортъ корабля, добравшись чуть не до крыши 6" башни, а затѣмъ, обрадовавшись удавшейся шалости, съ шипѣніемъ и рокотомъ отхлынетъ обратно въ синюю бездну...

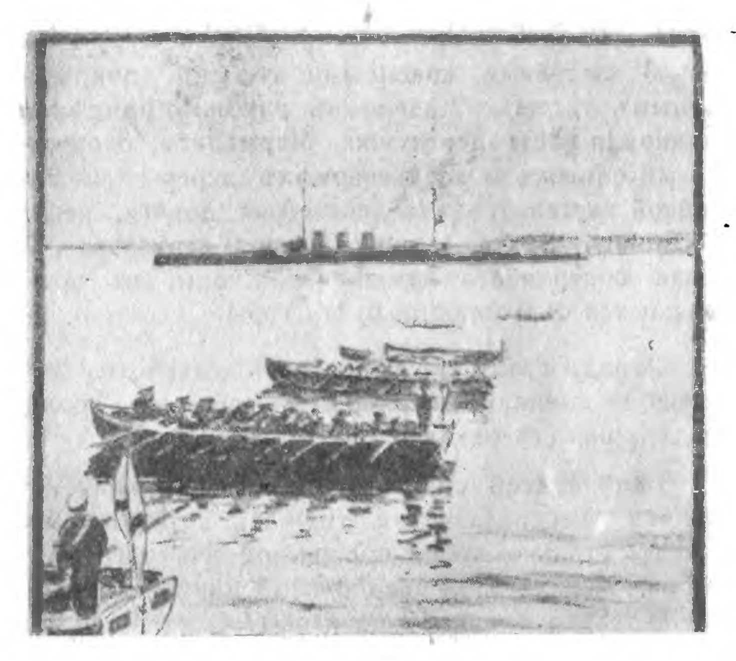
«Цесаревичъ», будто съ досады на подобное съ собой обращеніе, тяжело вздохнетъ своимъ могучимъ стальнымъ корпусомъ и начнетъ крениться въ сторону убѣжавшаго вала, точно старается поймать его... Но нѣтъ, тотъ уже исчезъ, а корабль, повинуясь закону устойчивости, съ кряхтѣніемъ начинаетъ выравнивать свой кренъ, чтобы черезъ нѣкоторое время повалиться на другой бортъ.

«Житьишко»,—ворчатъ гардемарины въ своемъ полутемномъ, безъ достаточнаго количества воздуха отдѣленіи кормового миннаго аппарата.—«Полѣзъ за мыломъ», говоритъ одинъ: «а тутъ, какъ мотнетъ, меня отбросило, упалъ въ какую то грязь и измазался такъ, что въ банѣ теперь не вымоешься».

«А у меня хуже», — слышенъ голосъ откуда-то изъ угла: «открылъ свой шкапикъ, а оттуда вылетѣла чернильница, открылась и вылилась, подлая, прямо мнѣ

за шиворотъ».

«Охъ», доносится стонъ съ другой стороны: кто-то страдаетъ морской болѣзнью...—«Хорошо море съ берега».

Гребныя гонки.

А корабли, упорно буравя непокорныя волны своими винтами, все дальше идутъ на Востокъ.

Уже семь дней непрерывно работаютъ ихъ машины. Уже много сотенъ миль осталось позади...Послѣ восьми дней похода отрядъ подходитъ ко входу въ бухту Мармарисъ. Море успокоилось. «Цесаревичъ»

входитъ въ проходъ, ведущій въ бухту и кажется, будто корабль идетъ въ ущеліи, до того узокъ проходъ и такъ высоки окружающія горы.

«Боже, какая красота»! невольно вырвалось у тѣхъ, кто въ этотъ моментъ находился на верхней палубѣ. Отрядъ вошелъ въ огромную бухту, окруженную высокими красивыми горами, покрытыми зеленымъ лѣсомъ. Далеко въ глубинѣ прилѣпилась у подножія горы деревушка Мармарисъ, окруженная рощами оливокъ и апельсиновыхъ деревьевъ. Бѣлой змѣйкой вьется отъ нея шоссейная дорога, ведущая въ Смирну. Бухта — точно озеро; зеркальная, спокойная поверхность темно-синей воды, въ которой отражаются окружающія бухту горы.

Отрядъ сталъ на якорь очень далеко отъ берега, и корабли принялись приводить себя въ порядокъ послѣ бурнаго перехода.

Надъ бухтой спустилась темная, южная ночь... Кругомъ непередаваемая тишина, которую можно ощущать только среди прекрасной дѣвственной природы, не испорченной современной цивилизаціей. Пожалуй, только морякамъ понятно то блаженство покоя, которое наступаетъ послѣ бурнаго морского перехода, когда корабль войдетъ въ тихое, спокойное убѣжище... Такъ было и тутъ.

Смывшіе угольную пыль въ горячей банѣ кочегары и машинисты съ наслажденіемъ спали въ своихъ койкахъ. Вымылась и заснула крѣпкимъ сномъ остальная команда. Мирно заснули гардемарины и офицеры, и только вахтенный начальникъ, вахтенные офицеры и гардемарины да вахтенное отдѣленіе бодр-

ствовали на верхней палубѣ, зорко охраняя безопасность корабля и покой остальныхъ.

Глубокой ночью съ берега доносились до кораблей странные звуки, точно стоны и плачъ ребенка: это шакалы выли въ горахъ.

Наступившее утро застало отрядъ въ нормальныхъ условіяхъ обычной якорной жизни. Какъ всегда, при утреннемъ рапортѣ корабли показали сигналами наличіе у каждаго изъ нихъ угля, прѣсной воды, машиннаго масла, больныхъ, арестованныхъ и т.д. Угля было маловато у всѣхъ, особенно у «Богатыря», а ожидавшихся транспортовъ «Поти» и «Батума» все нѣтъ и нѣтъ.

Черезъ день пришла изъ Пирея канонерская лодка «Кубанецъ», которая доставила на отрядъ почту, Черезъ нѣсколько дней съ о-ва Крита пришелъ «Хивинецъ», задержавшійся благодаря неисправности машинъ.

Смутно стали носиться слухи, что между Россіей и Турціей имѣются дипломатическія осложненія. Чувствовалось, что въ штабѣ отряда всѣ очень озабочены. Младшій флагъ-офицеръ, ѣздившій на берегъ для отправки какой-то телеграммы, сообщилъ, что турки держатъ себя въ Мармарисѣ весьма недоброжелательно по отношенію къ отряду.

Въ каютъ-компаніи «Цесаревича», какъ всегда, всѣ были бодры и веселы и только смѣялись, что въ нашъ «маршъ-маневръ», какъ это иногда бываетъ въ сухопутныхъ маневрахъ, введено добавочное условіе, что «жители враждебны и по-русски не говорятъ».

Однако, положеніе становилось дѣйствительно глупымъ. Изъ-за недостатка угля на корабляхъ было приказано перейти съ электрическаго на масляное освѣщеніе, имѣя, однако, въ готовности по одной динамо-машинѣ, на всякій случай. На «Богатырѣ» пришлось подгрузить уголь со «Славы» и «Цесаревича», перевозя его на барказахъ.

Такъ прошло еще нѣсколько дней. Неожиданно въ 11 ч. вечера, когда уже всѣ спали, по кораблю пронеслись рѣзкіе звуки горновъ: «Тра-татата-татата-тата»... «отраженіе минной атаки» !

Съ быстротою, которую можно увидать только на военныхъ судахъ, офицеры, гардемарины и команда оказались на своихъ мѣстахъ — по боевому расписанію.

«Слушайте всѣ», запѣли снова горны. «Орудія зарядить боевыми снарядами и зарядами», передана команда изъ боевой рубки.

«Что это? — повидимому не ученіе, а дѣло серьезное».

Комендоры - наводчики прилипли глазами къ прицѣламъ и жадно смо́трятъ въ темную даль.

«Точка наводки—проходъ», слышно из рубки.

Когда первый эффектъ неожиданности прошелъ, въ казематахъ и башняхъ увидѣли, что какъ офицеры, такъ и команда выбѣжали по тревогѣ, кто въ чемъ былъ, кто въ рубашкѣ, кто въ кальсонахъ, кто въ тѣльняшкѣ.

Провѣрка боевого расписанія оказалась блестящей. Корабли готовы въ отраженію минной атаки буквально въ нѣсколько минутъ.

«Но гдѣ-же противникъ? Въ чемъ дѣло?» — А дѣло оказалось серьезное. Скоро стало извѣстно, что адмиралъ получилъ срочную шифрованную телеграмму за подписью министровъ морского и иностранныхъ дѣлъ: отношенія между Россіей и Турціей настолько осложнились, что можно опасаться внезапной атаки отряда турецкими миноносцами. Транспорты «Поти» и «Батумъ» задержаны въ Севастополѣ и могутъ придти къ отряду только послѣ разрѣшенія конфликта. Адмиралу предлагалось принять мѣры особой осторожности и возможно скорѣе уходить изъ Мармариса. —Но какъ уйдешь, когда нѣтъ угля?

Кажется, никогда, какъ въ эту минуту, живо не почувствовалось всѣми, до самаго послѣдняго матроса, какое значеніе для Россіи имѣютъ Босфоръ и Дарданеллы. Будь они наши, «Поти» и «Батумъ» стояли-бы уже здѣсь, въ Мармарисѣ, и отрядъ грузился бы углемъ.

Ежедневно послѣ захода солнца въ проходъ направлялись въ дозоръ паровые катера съ отряда, вооруженные 47 мм. пушкой и пулеметами. На катера давались фалшфейера* и ракеты, которыми дозоръ

* Бумажная гильза, набитая горючимъ составомъ; употребляются на судахъ для показанія своего мѣста ночью и для иллюминаціи. Сообразно времени горѣнія бываютъ: 6, 2, 1 и 1/2 минутные. Для всѣхъ фалщфейеровъ употребляются гильзы одинаковаго діаметра, но разной длины.

долженъ былъ предупреждать отрядъ о появленіи непріятеля. Всю ночь бѣдные дозорные катера, разсыпавшись вѣеромъ передъ входомъ въ бухту, мотались на зыби. Съ восходомъ солнца они возвращались обратно въ отрядъ. Расходъ угля сократили до минимума: лишь бы хватило на несеніе дозорной службы и на дѣйствіе артиллеріи. Но и эти скудные запасы уже были близки къ концу.

Яркій солнечный день. Въ бухтѣ спокойно, какъ въ закрытомъ озерѣ. Зеленыя горы отражаются въ тихой водѣ. Настроеніе на отрядѣ напряженное. Это видно и на озабоченномъ лицѣ адмирала, мѣрно шагающаго на заднемъ мостикѣ... Рядомъ съ нимъ флагъ-капитанъ, вся фигура котораго выражаетъ нѣкоторую виноватость, ибо вѣдь онъ авторъ этого марша-маневра. Хоть онъ и разработалъ его, отражая общее желаніе отряда, но такова сущность штабной службы—за всякую неудачу бранятъ штабъ,—за всякую удачу благодарятъ отдѣльныхъ начальниковъ, выполнившихъ заданіе.

Стоящій на вахтѣ, на переднемъ мостикѣ, юркій сигнальщикъ встрепенулся и впился своими острыми глазами въ сѣдловинку между горъ, упирающихся въ проходъ; чтобы провѣрить себя онъ поднесъ къ глазамъ бинокль. Сомнѣнія нѣтъ: въ сѣдловинкѣ что то двигается! Это клотикъ на стеньгѣ какого-то судна, идущаго въ проходѣ.

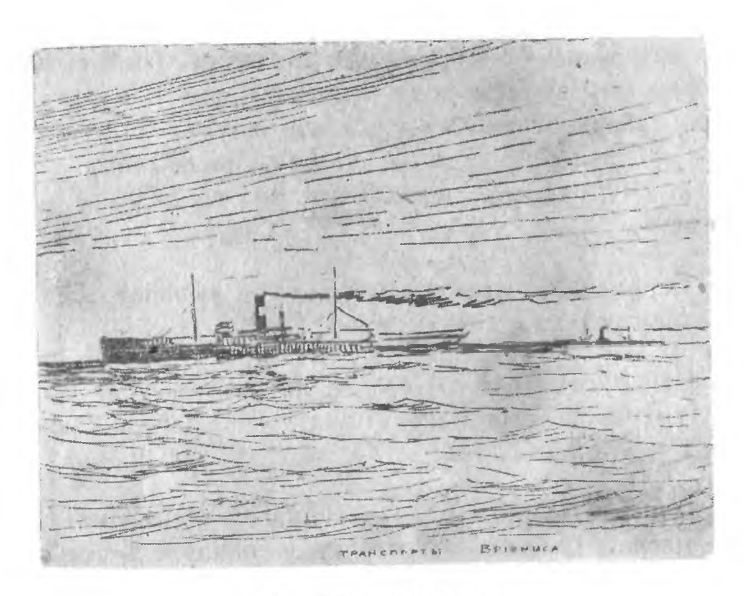
«Ваше Высокоблагородіе», раздался голосъ сигнальщика: «неизвѣстное судно входитъ на рейдъ».

«Днемъ не атакуютъ», мелькнуло въ головѣ вахтеннаго начальника, но тотчасъ-же привычный

инстинктъ осторожности подсказалъ ему команду.

«Горнистъ! Слушайте всѣ». По кораблю пронесся звенящій звукъ горна. «У дежурныхъ орудій, слѣди за проходомъ. Безъ команды не стрѣлять».

Черезъ секунду звуки горновъ, и такія же команды понеслись съ другихъ судовъ отряда. Сотни глазъ смотрятъ въ проходъ...

Транспорты Вріониса.

Изъ-за ближайшаго мыска появилась носовая часть обыкновеннаго коммерческаго парохода. Вотъ онъ входитъ въ бухту, за нимъ второй.

«Вріонисъ! ура-а-а»! понеслось со всѣхъ судовъ

отряда. «Нашелъ—таки», вырвалось съ досадой и одновременно съ облегченіемъ у флагъ-капитана.

«Господа», торжествовалъ старшій артиллеристъ: «я вамъ говорилъ—организація не терпитъ импровизаціи.»

Черезъ полъ-часа сіяющій Вріонисъ былъ съ тріумфомъ встрѣченъ на «Цесаревичѣ». На его пароходѣ оказался запасъ угля, машинное масло и провизія.—«И дазе»,—говорилъ онъ съ своимъ греческимъ акцентомъ «я привезъ вамъ мадеры Крона и Вельча и на Кронстадское Морское Собраніе взялъ. Ой, какъ зе я испугался, какъ испугался, когда васъ потерялъ. Ну, теперь дастъ Богъ, мы никогда не разстанемся».

Черезъ два часа «Богатырь» и «Слава» жадно грузились углемъ.

На другой день около полдня новое «ура» огласило тихую Мармарискую бухту: на рейдъ вошли «Поти» и «Батумъ».

Они доставили грузъ донецкаго угля и машиннаго масла. Сверхъ того, у нихъ оказалось то, что даже Вріонисъ не могъ бы достать—русская водка, икра, балыки и, къ Рождественскимъ праздникамъ, для всей команды тамбовскіе окорока.

Отрядъ погрузилъ нужные запасы съ «Поти» и «Батума», передалъ на нихъ всѣхъ своихъ тяжело больныхъ и отпустилъ ихъ обратно въ Севастополь.

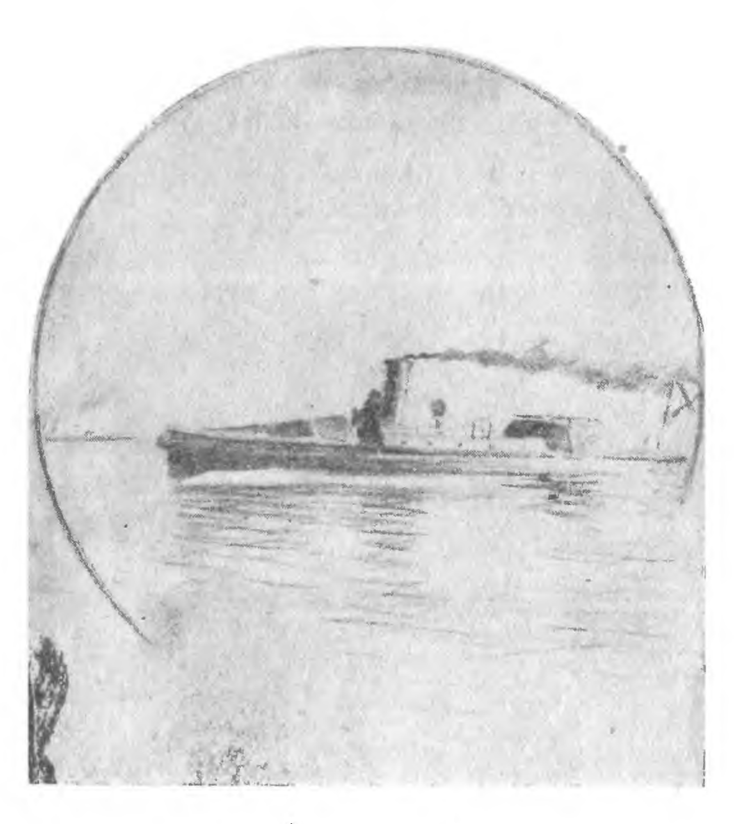
Адмиралъ незамедлительно снялся съ якоря и покинулъ бухту Мармарисъ, едва не ставшую ловушкой для отряда.

«Эскадра» Вріониса уже неотлучно слѣдовала за нимъ. Такъ окончился «маршъ-маневръ».

Въ 1910 году бѣдный Вріонисъ погибъ въ Мессинѣ во время землетрясенія.

Минный катеръ.

Минный катеръ.

«Горе отъ ума».

Въ каютъ-компаніи линейнаго корабля «Цесаревичъ» оживленное совѣщаніе трехъ страстныхъ любителей охоты: лейтенантовъ Ломанова и Павлова и мичмана Косиковскаго. Всѣ трое собираются идти на ночную охоту на кабановъ, которые, по словамъ охотника турка, каждую ночь собираются на болотѣ, расположенномъ въ лѣсистой долинѣ, верстахъ въ двухъ отъ деревушки Мармарисъ. «Цесаревичъ», «Слава» и «Богатырь» уже нѣсколько дней стоятъ въ бухтѣ Мармарисъ,которая врѣзывается въ берегъ Малой Азіи. Эта бухта оказалась первой на пути отряда, гдѣ можно было наблюдать прекрасную дѣвственную природу, гдѣ не было ни заводовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, и гдѣ лѣсистыя ущелья и долины горныхъ потоковъ давали пріютъ различной дичи.Для нашихъ охотниковъ трудность заключалась въ томъ, что отношеніе мѣстныхъ жителей къ русскимъ было въ этотъ моментъ враждебнымъ, а потому адміралъ—Начальникъ Отряда—запретилъ съѣздъ на берегъ иначе, какъ по его личному разрѣшенію. Однако послѣ долгихъ уговоровъ, нашимъ охотникамъ удалось убѣдить добрѣйшаго старшаго офицера пойти просить за нихъ командира.

Послѣ нѣкотораго колебанія командиръ пошелъ къ адміралу, и скоро стало извѣстнымъ, что адміралъ разрѣшилъ эту охоту, но при условіи, что штабъ предварительно предупредитъ объ этомъ мѣстнаго турецкаго каймакана.*

---

* Губернатора.

Сверхъ того, адмиралъ требовалъ, чтобы охотники высадились на берегъ вдали отъ селенія Мармарисъ, и чтобы на всякій случай ихъ ожидалъ у берега паровой катеръ, вооруженный пушкой и пулеметомъ и снабженный фалшфеерами и ракетами. Прислуга катера должна была имѣть съ собой винтовки, револьверы и достаточное количество патроновъ.

Описанное выше совѣщаніе и происходило по поводу увѣдомленія каймакана, что онъ будетъ радъ, если охота доставитъ удовольствіе русскимъ офицерамъ, но что онъ не беретъ на себя отвѣтственности за то, если въ горахъ русскіе охотники встрѣтятъ, по его выраженію, «нехорошихъ людей».

«Ну-съ, господа», говорилъ оживленно лейтенантъ Ломановъ: «что касается нехорошихъ людей, то это—ерунда: одинъ добрый залпъ разгонитъ какую угодно шайку, если только самъ каймаканъ не вышлетъ противъ насъ имѣющуюся у него роту аскеровъ*. Но этого онъ, конечно, не сдѣлаетъ, великолѣпно понимая, что въ такомъ случаѣ адмиралъ шутить не будетъ и пуститъ въ Мармарисъ добрую порцію 12" и 6" снарядовъ со всѣхъ нашихъ судовъ; а тогда отъ селенія и самого каймакана останется только мокрое мѣсто».

«Что важно обдумать—это, какъ подойти намъ къ кабаньему болоту: во-первыхъ, съ подвѣтра, ибо кабаны очень чутки, а во-вторыхъ, такъ, чтобы захватить болото въ моментъ, когда оно освѣщено луной».

---

* Солдатъ.

«Да, это очень важно», подтвердилъ лейтенантъ Павловъ: «турокъ охотникъ говоритъ, что кабаны пасутся на этомъ болотѣ только ночью, а затѣмъ уходятъ въ лѣсистыя заросли, гдѣ на нихъ можно нарваться только случайно или дѣлая загонъ, что для насъ невозможно».

«Господа», сказалъ мичманъ Косиковскій: «что касается вѣтра, то выбрать направленіе относительно него легко. Здѣсь въ бухтѣ ночью, когда погода тихая, дуетъ легкій береговой бризъ. Вотъ смотрите по картѣ: если мы высадимся въ этомъ заливчикѣ, то окажемся ниже болота и у него подъ вѣтромъ, а отсюда начнемъ подниматься къ нему противъ вѣтра. Что касается луны, то тутъ надо сообразить. Полнолуніе уже къ сожалѣнію прошло, слѣдовательно луна кульминируетъ* послѣ полночи, и у насъ можетъ оказаться очень мало времени до восхода солнца».

«Вотъ что, братцы!» вскрикнулъ лейтенантъ Ломановъ: «а гардемарины у насъ на что? Вѣдь они четвертую репетицію проваливаются по астрономіи. Они на ней собаку съѣли. У нихъ тамъ есть группа изъ 12 «старательныхъ», которыхъ Павлуша Гольмсенъ** взбодрилъ. Они такъ и называются: 12 апостоловъ и одинъ нѣмецъ. Такъ вотъ выберемъ изъ нихъ троихъ лучшихъ и дадимъ имъ задачу—опредѣлить моментъ восхода луны въ бухтѣ Мармарисъ, а въ награду всѣхъ троихъ возьмемъ на охоту съ собой.»

---

* Проходитъ черезъ меридіанъ.

** Лейтенантъ, обучавшій гардемаринъ.

Сказано—сдѣлано. Мичманъ Косиковскій побѣжалъ въ гардемаринское помѣщеніе, а въ каютъ - компаніи тѣмъ временемъ происходилъ споръ о выборѣ оружія для охоты.

«Я беру съ собой трехстволку Зауэра», говорилъ Ломановъ: «изъ штуцернаго ствола можно слона повалить, не то что кабана. А оба ея дробовыхъ ствола разсверлены у меня подъ чокъ - боръ, такъ я ихъ заряжу патронами съ Жакановскими пулями».

«Ну, знаешь, не совѣтую», возразилъ Павловъ: «Жакановская пуля хороша на козу, на оленя, но для кабана ея убойность слишкомъ мала. Возьми лучше патроны съ самой крупной картечью, она изъ чокъ-боровъ ложится кучно. Я лично думаю взять винчестеръ: онъ для охоты на крупную дичь лучше всего».

«Ну, какъ гардешки?» обратились оба лейтенанта къ вошедшему въ каютъ—компанію мичману Косиковскому.

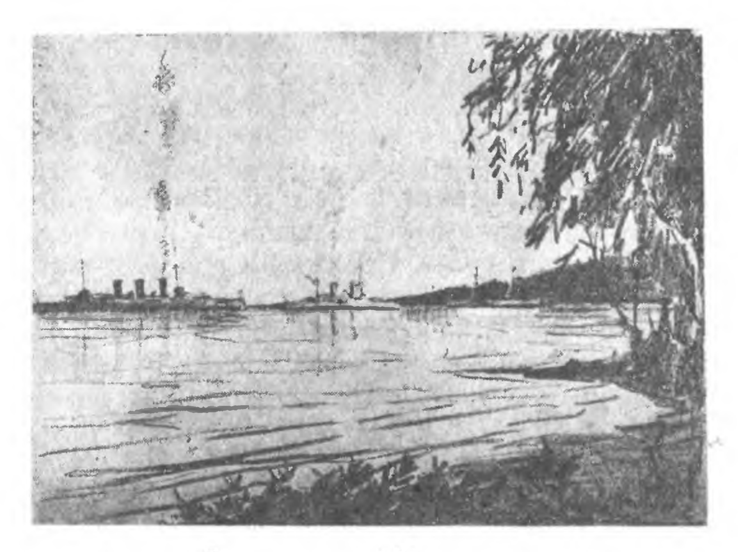
«Засѣли», отвѣтилъ послѣдній: «вытащили Nautical Almanach, мореходныя таблицы, таблицы Бардвуда, звѣздный глобусъ и вычисляютъ, прямо какъ астрологи.»

«А кого же изъ нихъ ты выбралъ?»

«Да первыхъ троихъ изъ 12 апостоловъ: Шуру, Борю и Петю».

«Ну, эти вычислятъ», сказалъ Ломановъ: «Му-

ринъ* говоритъ, что ихъ вычисленіямъ онъ вѣритъ больше, чѣмъ своимъ собственнымъ».

Отрядъ въ бухтѣ Мармарисъ.

Въ то время, когда происходилъ этотъ разговоръ, три, помянутыхъ выше, гардемарина сидѣли въ гардемаринской каютъ-компаніи и съ жаромъ углубились въ заданную имъ работу. Гардемаринъ Шура выбралъ для себя методъ вычисленія по таблицамъ Бардвуда, по которымъ можно опредѣлить моментъ истиннаго восхода и захода солнца. Онъ воспользовался тѣмъ, что склоненіе луны не выходило въ этотъ день изъ предѣловъ, въ которыхъ мѣняется склоненіе солнца.

---

* Старшій штурманскій офицеръ.

Гардемаринъ Боря взялъ формулу полярнаго треугольника.

Гардемаринъ Петя рѣшилъ продѣлать эту-же задачу на звѣздномъ глобусѣ.

Установивъ по даннымъ полярнаго треугольника линеечки глобуса, онъ могъ бы опредѣлить часовой уголъ луны въ моментъ ея истиннаго восхода, съ «достаточной для практики точностью», какъ говорится въ курсахъ астрономіи. Провѣривъ еще разъ по учебнику «Мореходной астрономіи» Шульгина правильность своихъ разсужденій, ревностные вычислители углубились въ выборку логарифмовъ и эфемеридъ луны.

Вскорѣ Петя и Шура почти одновременно заявили, что, по ихъ вычисленіямъ, среднее астрономическое мѣстное время истиннаго восхода луны въ Мармарисѣ равно—13 h 50,5 m или по гражданскому счету I ч 50,5 м. ночи.

Затѣмъ вычисленіе полярнаго треугольника, произведенное гардемариномъ Борей, показало, что этотъ моментъ равенъ 13 h 50 m 28,5 s.

Столь удачно совпавшія вычисленія дали полное основаніе удовлетвореннымъ вычислителямъ послать въ офицерскую каютъ-компанію записку, сообщающую, что истинный восходъ луны въ бухтѣ Мармарисъ сегодня ночью, съ точностью до одной минуты, по среднему мѣстному времени совершится въ I ч. 50 м. ночи.

Эта записка вызвала бурю восторга среди офицеровъ.

«Вотъ вамъ, господа, живое доказательство той громадной пользы, которую приноситъ отрядъ», говорилъ лейтенантъ Гольмсенъ.

«Такихъ офицеровъ, какъ эти три гардемарина», вторилъ ему старшій штурманскій офицеръ лейтенантъ Муринъ: «любой командиръ тотчасъ-же возьметъ младшими штурманами; они насъ, стариковъ, за поясъ заткнутъ».

«А если бъ вы знали, какъ они разбираются въ артиллеріи, какъ они стрѣляютъ», подтвердилъ старшій артиллерійскій офицеръ. Далѣе посыпались похвалы инженеръ-механиковъ, корабельнаго инженера и другихъ.

Гардемарины вычислители были вызваны въ каютъ-компанію, гдѣ ихъ поблагодарили за работу и объявили, что сегодня ночью берутъ съ собой на охоту.

Въ 10 часовъ вечера группа охотниковъ въ составѣ трехъ офицеровъ, трехъ гардемаринъ и трехъ матросовъ, выбранныхъ изъ массы желающихъ, собралась у лѣваго трапа на верхней палубѣ. Гардемарины и матросы были вооружены трехъ-линейными винтовками. У всѣхъ, кромѣ ружей, были еще кобуры съ револьверами системы Нагана. Всѣ были въ высокихъ сапогахъ. Проводникъ турокъ-охотникъ, съ окутанной какимъ то тряпьемъ головой и въ кожаныхъ туфляхъ, стоялъ въ сторонѣ, держа въ рукахъ старую винтовку. Паровой катеръ покачивался у трапа... На носу его грозно чернѣлъ силуэтъ пушки Гочкиса, на кормѣ, на тумбочкѣ, виднѣлся пулеметъ Максима.

Пора отваливать... «Ну, съ Богомъ! Ни пуха, ни пера!» напутствовали провожающіе охотниковъ.

Катеръ запыхтѣлъ и отвалилъ отъ трапа, оставляя за собой струю пѣны, свѣтящуюся фосфорическими блестками. Темное небо бархатнымъ сводомъ раскинулось надъ бухтой, усыпанное яркими точками звѣздъ. Форштевень катера, врѣзаясь, точно ножъ, въ черную, какъ вороненая сталь, воду, разворачивалъ ее передъ собой на двѣ струи, обтекавшія борта и несущія на своихъ гребняхъ сверкающую таинственными зеленоватыми огоньками пѣну. Громады горъ, благодаря обманчивости ночной темноты, казались совсѣмъ близкими...Катеръ сбавилъ ходъ до самаго малаго. На бакѣ крючковые все время нащупываютъ глубину. Вотъ уже совсѣмъ мелко. Катеръ самымъ малымъ ходомъ идетъ вдоль берега, стараясь выбрать мѣстечко, гдѣ удобно подойти возможно ближе.

Наконецъ, мѣсто выбрано. Охотники по сходнѣ перебрались къ берегу. Пришлось все-таки замочить ноги.

Высадивъ охотниковъ, катеръ отходитъ на болѣе глубокое мѣсто и становится на дрекъ.*

Охотники, имѣя впереди турка - проводника, углубились въ лѣсъ. Густая тьма охватила ихъ. Кругомъ пахло мокрой землей и какими то душистыми травами.Въ лѣсной чащѣ слышались повсюду шорохи,

---

* Шлюпочный якорь.

и пискъ. Иногда по лѣсу проносился раздирающій душу хохотъ совы.

«Правильно - ли у насъ поставлены часы по мѣстному времени?» сказалъ Ломановъ, взглянувъ на свои часы-браслетъ со свѣтящимся циферблатомъ. «Правильно, мы провѣрили», полушопотомъ дружно отвѣтили гардемарины.

«Уже 11 часовъ. До восхода луны остается 2 ч. 50 м.», замѣтилъ лейтенантъ Павловъ: «надо успѣть подойти къ болоту съ подвѣтра».

Проводникъ - турокъ, влекомый непонятнымъ чутьемъ, вывелъ охотниковъ на узенькую лѣсную тропку, по которой они начали пробираться вверхъ, вдоль по лѣсистому ущелью.

Болѣе часа—шли въ абсолютной темнотѣ. Наконецъ, лѣсъ сталъ рѣдѣть. Вотъ и опушка и полянка, которая должна быть передъ болотомъ.

Надъ головой опять засверкали звѣзды. На противоположной сторонѣ полянки въ густыхъ заросляхъ мелькнуло нѣсколько блестящихъ точекъ и послышались жалобные крики и вой: ай-ай-у-у.

«Шакалы, подлюги», сказалъ мичманъ Косиковскій: «до болота ужъ близко, спугнутъ еще кабановъ».

Провожаемые воемъ шакаловъ, охотники начали опять подниматься, идя по порослямъ кустарника. Запахло сыростью. Послышался многоголосый хоръ квакающихъ лягушекъ. Почва стала влажной. Кругомъ зашуршали стебли тростника. Болото было

расположено въ котловинѣ между горами и образовалось изъ ручейковъ, стекающихъ съ нихъ.

Охотники, стараясь не шумѣть, пробирались среди тростниковъ, торопясь выйти поскорѣе къ тому мѣсту, куда, по словамъ турка - охотника, приходятъ пастись по ночамъ кабаны. Вышли удачно. Густыя заросли тростника кончились. Охотники подошли къ мѣсту, гдѣ почва была покрыта сплошь водой. Окружающія болото горы дѣлали ночную темноту еще темнѣе, и впереди абсолютно ничего не было видно.

Сквозь концертъ лягушекъ слышалось иногда уханье выпей и крики болотныхъ птицъ. Вдругъ легкій вѣтерокъ донесъ до ушей охотниковъ какой то странный шумъ и хлюпанье. «Кабаны!» сдавленнымъ голосомъ прошепталъ Ломановъ. «Тссс... Теперь ни звука, ни шевеленія ! Всѣ замрите ! Уже часъ ночи, черезъ 50 минутъ все будетъ видно».

Шумъ замѣтно приближался. Скоро впереди и, какъ казалось, очень близко послышалась возня, чавканье, сквозь которое прорывалось хрюканье.

Охотники замерли, не выдавая себя ни единымъ движеніемъ. Часъ пятьдесятъ минутъ ночи. Кругомъ, по прежнему, густая тьма.

«Гардемарины, гдѣ луна?!» послышался злобный шопотъ Ломанова. Глухое молчаніе было ему отвѣтомъ... Прошло еще минутъ 20. Небо надъ горами освѣтилось слабымъ голубоватымъ свѣтомъ. «Луна», пронесся тихій шопотъ среди охотниковъ.

Напрасныя надежды... Луна не появлялась, а кругомъ стало, будто, еще темнѣе.

Впереди попрежнему слышались возня, плесканье и хрюканье.

«Тутъ ихъ цѣлое стадо», прошепталъ Павловъ: «но что за несчастье: ничего не видно, нельзя стрѣлять!»

Прошло еще мучительныхъ три четверти часа. Небо въ восточной части начало свѣтлѣть. Возня и шумъ, хрюканье и визгъ усилились. Турокъ-охотникъ сообщилъ, что кабаны сейчасъ уйдутъ.

Бахъ-бахъ!—раздались два оглушительныхъ выстрѣла. Ломановъ, не глядя, разрядилъ свой Зауэръ по направленію шума. Запахло порохомъ. Впереди на болотѣ послышался удаляющійся грохотъ, затѣмъ трескъ ломаемыхъ сучьевъ... и все замолкло.

«Гардемарины!» трагическимъ голосомъ сказалъ Ломановъ: «я, старый офицеръ, но подобной наглости, такого очковтирательства я за всю свою жизнь не видалъ!» Съ этими словами онъ вскинулъ свое ружье на ремень и рѣшительнымъ шагомъ направился обратно.

По небу побѣжали розовые лучи утренней зари. Злополучное болото стало вырисовываться среди темноты, и уходившіе охотники могли замѣтить, что впереди того мѣста, гдѣ они стояли, были видны слѣды ночного пиршества кабановъ. Охотники уж порядочно отошли отъ болота, когда, точно дра ихъ, надъ вершинами поднялась луна на ущербѣ.

Возмущеніе и злоба однихъ, стыдъ и угрызенія совѣсти другихъ были столь сильны, что до самаго «Цесаревича» никто не промолвилъ ни слова.

Однако, когда охотничьи доспѣхи были сняты, все пережитое за ночь прорвалось бурно наружу.

Въ офицерской каютъ-компаніи слышался шумъ негодующихъ голосовъ:

«Это безобразіе! Государство тратитъ громадныя деньги на образованіе и воспитаніе этихъ типовъ—и вотъ результатъ! Понятно, что послѣ этого флотъ не можетъ быть популяренъ. Отрядъ даетъ только очковтирателей, которымъ нельзя поручить самаго малаго дѣла! Подобныхъ господъ нельзя выпустить въ офицеры! Имъ не видать мичманскихъ эполетъ, какъ своихъ ушей!»

Въ гардемаринской каютъ-компаніи въ это время бѣдные вычислители, схватившись за голову, судорожно перелистывали Nautical Almanach, мореходныя таблицы и таблицы Бардвуда. Отъ этого безплоднаго занятія ихъ оторвалъ гнѣвный голосъ вошедшаго лейтенанта Мурина.

«Благодарю-съ!... Все могъ ожидать, но не этого. Въ чемъ у васъ дѣло? Какъ вы дѣлали вычисленія?» Дрожащими голосами «астрономы» начали объяснять.

«Ну да...такъ...такъ», отрывисто говорилъ Му-
чнъ. «Хорошо, $h = o$. Вѣрно. Истинный восходъ. А
осы, горы гдѣ, чортъ возьми?! Я васъ спрашиваю?
про, пока луна поднялась съ истиннаго горизонта до
ины горы, время то прошло. Гдѣ оно у васъ, это

время? Вотъ и вышло, что луна взошла, когда уже была утренняя заря. Вмѣсто того, чтобы разводить всю эту канитель, справились бы у вахтеннаго сигнальщика, когда вчера луна взошла надъ горами да подкинули бы къ этому три четверти часа, вотъ и увидѣли бы, что нечего и на охоту ѣхать. Прямо горе отъ ума, прости Господи!».

По уходѣ Мурина нѣсколько отлегло на душѣ у бѣдныхъ вычислителей. Никогда не унывающій гардемаринъ «Октава» собралъ потихоньку всѣхъ поющихъ гардемаринъ, которые незамѣтно окружили злополучныхъ «астрономовъ», и въ гардемаринской каютъ-компаніи грянула старая веселая солдатская пѣсня:

«Какъ четвертаго числа
«Насъ нелегкая несла
«Горы занимать»..
«Наѣзжали князья, графы
«Да чертили топографы
«Многіе планы»..
«Ладно вышло на бумагѣ
«Да забыли про овраги,
«А по нимъ ходить»...
«На Федюхины высоты
«Насъ пришло всего двѣ роты,
«А пошли полки»...

Въ офицерской каютъ-компаніи было рѣшено простить гардемаринъ, ибо задачу они рѣшили все-таки правильно, и только показали вѣчное расхожденіе между теоріей и практикой.

Въ офицерской и гардемаринской каютъ-компаніяхъ кончаютъ завтракать.

И здѣсь и тамъ разсказаны, разобраны и осмѣяны всѣ эпизоды неудачной охоты.

Неожиданно въ гардемаринской каютъ-компаніи появляются иниціаторы этой охоты: лейтенанты Ломановъ, Павловъ и мичманъ Косиковскій. Каждый изъ нихъ держитъ въ рукахъ золоченый подносикъ съ поставленными на нихъ серебряными чарочками.

Офицеры толпой входятъ за ними. Лейтенантъ Гольмсенъ дирижируетъ, и стройный хоръ поетъ:

«Чарочка моя, серебряная,
«На золотомъ блюдцѣ поставленная.
«Кому чару пить?
«Кому здравымъ быть?
«Тремъ астрономамъ вычислителямъ
«Чару выпивать,
«Горъ не забывать!»

При громкихъ крикахъ «ура» три офицера-охотника расцѣловались съ гардемаринами - вычислителями.

«Горъ не забывать, главное горъ не забывать!» «ура!» слышались кругомъ крики.

Примиреніе состоялось полное. А гардемарины получили новый опытъ и подтвержденіе того, что офицерскіе эполеты даются не только за знаніе, но и за умѣніе его примѣнить.

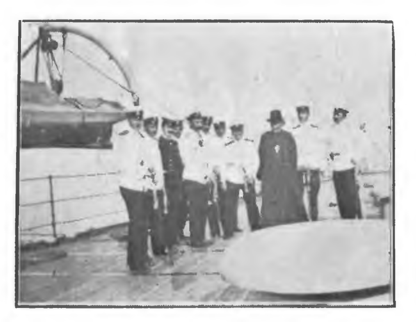

Е. К. В. Королева Эллиновъ Ольга Константиновна, Е. И. В. Великая Княгиня Елена Владиміровна и члены Королевскаго Дома на «Цесаревичѣ».

Въ бухтѣ Мармарисъ.

Судовая церковь.

Послѣ Богослуженія.

Елка на кораблѣ.

Приближается Рождество...

У каждаго изъ насъ канунъ этого праздника связанъ съ воспоминаніемъ о рождественской елкѣ. Пріятное потрескиваніе разноцвѣтныхъ горящихъ свѣчекъ, смолистый запахъ, струящіяся ниточки золотого и серебрянаго дождя на украшенномъ деревѣ, серебристая вата изображающая снѣгъ, и игрушки, масса игрушекъ... Таковы воспоминанія счастливаго дѣтства.

Въ былое время на нашихъ судахъ праздновались рождественскіе праздники и для команды устраивалась елка.

Линейные корабли «Цесаревичъ», «Слава» и крейсеръ «Богатырь» пришли изъ Мармариса (Малая Азія)—въ Пирей (Греція). Корабли втянулись въ гавань и ошвартовились у стѣнки. Хотя по календарю середина зимы, но погода такая теплая, что можно ходить безъ пальто. Въ разстояніи менѣе часа ѣзды отъ Пирея — Афины, столица Греціи съ ея древнимъ Акрополемъ, храмомъ Тезея и другими воспоминаніями объ античной Греціи. Совсѣмъ близко отъ гавани знаменитый Саламинскій рейдъ, славный въ исторіи по бывшему на немъ сраженію греческаго флота Фемистокла съ персидскимъ флотомъ. А надъ всѣмъ этимъ нѣжнолазоревое небо. Красивые берега ярко вырисовываются на фонѣ ласкающаго ихъ, синяго спокойнаго южнаго моря.

Но ревизорамъ, баталерамъ, артельщикамъ и

буфетчикамъ не до красотъ природы и не до историческихъ воспоминiй объ античныхъ герояхъ.

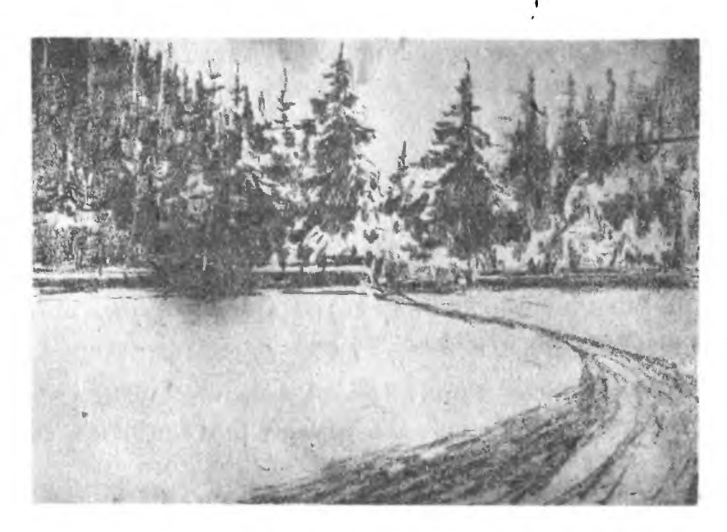
Прежде всего имъ нужно достать елки, а гдѣ ихъ достанешь?.. Оливка не годится, кипарисы напоминаютъ кладбище...

Затѣмъ «улучшенный столъ» для команды. Вѣдь это не празднованiе тринадцатой годовщины октябрьской революцiи, когда выдача одной селедки на человѣка въ нынѣшней Москвѣ вызвала искреннiй восторгъ «трудящихся»,а телеграфныя агентства всего мiра разнесли повсюду вѣсти о «достиженiяхъ» соцiалистическаго строительства. Нѣтъ, въ то доброе старое время на одной селедкѣ отыграться было нельзя. И тогдашнее начальство смотрѣло на подчиненныхъ не какъ на рабочую скотину, а какъ на братьевъ во Христѣ, считая себя отвѣтственнымъ за нихъ.

Поэтому ревизоры, баталеры, артельщики и буфетчики сбились съ ногъ, чтобы достать все, что нужно для этого «улучшеннаго» стола. На всю команду отряда (свыше 2-хъ тысячъ человѣкъ) были доставлены изъ Россiи копченые тамбовскiе окорока, достаточное количество копченой рыбы, хорошiя русскiя папиросы. Здѣсь в Пиреѣ докупили индѣекъ, апельсиновъ, мандариновъ и сладости. По части ѣды все было блестяще... Но гдѣ достать елки?..

Рано утромъ 24-го декабря на «Цесаревичѣ» появился нѣкiй греческiй человѣкъ, который ломанымъ французскимъ языкомъ, что-то пытался объяснить ревизору. Среди каскада словъ у него прорывалось «базилесса Ольга». Наконецъ удалось понять, что наша «Королевушка», какъ называли русскiе моряки

Е. К. В. Королеву Эллиновъ Ольгу Константиновну, прислала изъ своего имѣнія «Татой» по чудной пушистой елкѣ на каждый корабль отряда.

Еловая роща.

Началось спѣшное украшеніе этихъ драгоцѣнныхъ подарковъ, доставленныхъ на корабли общими усиліями возчиковъ-грековъ и командъ кораблей.

Елки поставлены на ютахъ кораблей подъ тентами. Поручни на ютѣ забраны сигнальными флагами. Минеры-электрики разносятъ по всему борту, по мачтамъ, по трубамъ провода иллюминаціи, украшаютъ елки маленькими электрическими свѣчечками. Въ жилыхъ палубахъ спущены столы съ приборами. На каждомъ столѣ полагается старшина стола и человѣкъ 6-8 подчиненныхъ ему матросовъ. «Коки» въ камбузѣ заготовляютъ всѣ необходимыя яства. Вѣдь

надо, чтобы каждый изъ этихъ сотенъ людей получилъ то-же самое, что и всѣ, и въ одинаковомъ количествѣ. На ютахъ приготовлены большіе столы съ рождественскими подарками для команды. Каждый матросъ въ эту святую ночь получитъ съ елки или смѣну новаго бѣлья, или полъ-дюжины носовыхъ платковъ, или форменку, или тѣльняшку, или хорошій матроскій ножъ.

На корабляхъ было все готово, когда изъ Афинъ сообщили по телефону, что Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна въ сопровожденіи Е.И.В. Великой Княгини Елены Владимировны прибудетъ на елку на отрядъ.

Спустилась ночь. Темное южное небо усѣяно блестящими звѣздами. Въ эту ночь XIX вѣковъ тому назадъ въ убогихъ ясляхъ, на постояломъ дворѣ въ Вифлеемѣ, родился Спаситель міра и Ангелы ликующими небесными голосами сообщили бѣднымъ пастухамъ радостную вѣсть: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе».

На всѣхъ судахъ отряда началось богослуженіе.

Королева съ Великой Княгиней, обѣ радостныя, сверкающія красотой и изяществомъ нарядовъ, прибыли на вокзалъ въ Пирей, гдѣ были встрѣчены адмираломъ, флагъ-капитаномъ и командирами судовъ. Онѣ проѣхали на «Богатырь», гдѣ горячо молились вмѣстѣ съ офицерами, гардемаринами и командой.

Съ пѣніемъ Рождественскаго тропаря: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія міровы Свѣтъ

разума».. на «Цесаревичѣ» зажглась роскошная иллюминація, и немедленно столь же красиво освѣтились «Слава» и «Богатырь».

Сотни яркихъ электрическихъ лампочекъ прямыми, точно по линейкѣ выведенными линіями, опоясывали мачты, реи, пушки, трубы, борта. Между мачтами, будто плавающій на черномъ фонѣ, виднѣлся ярко-горящій крестъ—символъ страданія и воскресенія людей. Лампочки иллюминаціи дрожащими полосками отражались въ зеркальной поверхности воды.

«Наша Королевушка», отстоявъ всю всеношную на «Богатырѣ», переѣхала на «Славу», гдѣ присутствовала при трапезѣ команды, затѣмъ она прибыла на «Цесаревичъ», какъ разъ къ моменту, когда зажглась елка

«Когда будешь подходить получать подарокъ», давали послѣднія наставленія офицеры командѣ: «вѣжливенько, какъ слѣдуетъ, поклонись, правой рукой и губами коснись правой ручки Ея Величества или Ея Императорскаго Высочества, смотря, кто изъ нихъ будетъ раздавать подарки, лѣвой рукой возьми подарокъ, а затѣмъ, поднявъ голову, прямо смотря въ глаза, назови свое имя».

Елка горитъ сверкающими огнями, отсвѣчивающими въ блесткахъ украшеній. Королева, съ доброй улыбкой на устахъ, съ глазами, въ которыхъ отражается вся ея безконечная доброта и ласка, стоитъ на ютѣ рядомъ съ адмираломъ, на плечахъ котораго красуются густые золотые эполеты съ вышитыми на нихъ черными двуглавыми орлами. Офицеры блестящей толпой группируются за ней и за Великой Княги-

ней, стоящей у противоположнаго борта. Великая Княгиня сіяетъ своей красотой; она—точно живое воплощеніе Россіи.

«Ну, что-же, адмиралъ,» говоритъ Королева: «мои милые матросики, навѣрное, уже ждутъ не дождутся получить подарки». Молодые мичманы и гардемарины изящной цѣпью вытянулись вдоль столовъ съ подарками, чтобы непрерывно передавать ихъ Королевѣ и Великой Княгинѣ.

«Команда, по-вахтенно на ютъ, въ затылокъ, подарки получать», раздалась команда вахтеннаго начальника. Балалаечники у кормовой 12" башни заиграли нѣжный вальсъ.

«Сигнальный боцманматъ Иванъ Костюковъ. Покорно благодарю, Ваше Королевское Величество!» слышно изъ «головы колонны», двигающейся по направленію къ Королевѣ.

«Матросъ первой статьи Петръ Архиповъ. Покорно благодарю, Ваше Императорское Высочество!» доносится со стороны вереницы людей, направляющихся къ Великой Княгинѣ. И такъ одинъ за однимъ, двумя потоками, съ праваго и лѣваго борта, текутъ эти русскіе крестьяне въ матроскихъ курткахъ, къ этимъ русскимъ Царственнымъ женщинамъ, получая изъ ихъ рукъ подарки на елку.

Если теперь, много лѣтъ спустя, возстановить передъ умственнымъ взоромъ лица этихъ людей—безъ ложнаго пафоса съ одной стороны и безъ такого же скептицизма съ другой—не преувеличивая, можно сказать, что эти лица горѣли дѣтской радостью, любо-

вью и оживленіемъ. Ихъ глаза встрѣчали тѣ же чувства въ глазахъ Королевы и Великой Княгини. Здѣсь, на палубѣ «Цесаревича», въ эту минуту была большая любящая другъ друга русская сéмья, объединенная въ эту Святую ночь Великаго Христіанскаго праздника.

Не было дйссонансомъ и то, что нѣкоторые матросы, вмѣсто того, чтобы поцѣловать, какъ ихъ учили, ручку, осѣнивъ себя крестнымъ знаменьемъ, «прикладывались» къ ней.

Послѣ раздачи подарковъ начались пѣсни пѣсенниковъ, была сыграна матросами маленькая пьеска. Уже поздно ночью гавань огласилась могучимъ «ура»...

Русскіе моряки провожали «свою Королевушку». Она и Великая Княгиня уѣхали въ Афины. Елки и иллюминація потушены, корабли заснули мирнымъ сномъ.

Прошло много лѣтъ. Надъ міромъ слышны стоны и проклятья. Голодъ и нищета, ненависть и злоба плетутся вслѣдъ за современнымъ человѣчествомъ, желающимъ безъ Бога устроить свое счастье на землѣ.

Господь былъ милостивъ къ «нашей Королевушкѣ»—она скончалась.

Мой разсказъ—быль законченъ. Въ воображеніи потухаетъ счастливая елка на «Цесаревичѣ».

Въ моихъ рукахъ послѣднее воспоминаніе о «нашей Королевушкѣ»—связанная ея руками маленькая теплая шапочка, присланная мнѣ во время

войны въ Бѣлое море, «чтобы носить подъ фуражкой» во время полярныхъ холодовъ. Она меня знала не больше, чѣмъ любого изъ тѣхъ матросовъ, о которыхъ я пишу выше. Но скольким и скольким людямъ въ своей земной жизни она помогла, о сколькихъ она подумала! Казалось—ея сердце хотѣло обнять, любить и утѣшить всѣхъ людей....

Молитвенно вспоминая о ней, мнѣ вѣрится, что въ эту ночь, когда родился Спаситель міра, ея чистая душа слышитъ ту пѣсню Ангеловъ, которая нынѣ не доходитъ до нашей грѣшной земли: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе».

Званый вечеръ съ итальянцами.

«Vedere Napoli e poi morire»*, говорятъ итальянцы. Не знаю, какъ это показалось бы теперь, но тогда, лѣтъ за семь до Европейской войны, это чувство охватывало многихъ мичмановъ и гардемаринъ, плававшихъ на знакомыхъ уже намъ «Цесаревичѣ», «Славѣ» и «Богатырѣ». Эти три корабля шли изъ Пирея въ Неаполь, гдѣ адмиралъ, начальникъ отряда, предполагалъ дать офицерамъ, гардемаринамъ и командѣ отдыхъ и возможность осмотрѣть историческія окрестности этого чуднаго города.

Рано утромъ, идя отъ Мессинскаго пролива, отрядъ подходилъ къ Неаполитанскому заливу.

Красновато-желтые лучи уже позолотили червоннымъ золотомъ вершины горъ и возвышающуюся надъ ними темную коническую шапку Везувія, надъ которымъ поднималась синевато-черная струйка дыма. Склоны Везувія и горъ, обращенныхъ къ морю, еще были погружены въ темно-синюю тѣнь. Команда встала и позавтракала. Прекрасная погода дала возможность произвести на корабляхъ обычную утреннюю приборку, дабы корабли, къ моменту постановки на якорь, сіяли, какъ полагается, щегольской чистотой.

Вахтенный офицеръ—мичманъ — по прозвищу «Снѣжокъ», съ большими голубыми глазами, нѣжными губами и бѣлокуро-золотистыми волосами ходитъ

---

* Увидѣть Неаполь и умереть.

по шканцамъ «Цесаревича», распоряжаясь приборкой. На немъ фуражка съ бѣлымъ чехломъ, черная тужурка, брюки, заправленные въ высокіе резиновые сапоги. Въ помощь ему хлопочутъ съ приборкой два вахтенныхъ гердемарина—одинъ на бакѣ, другой на ютѣ. Вахтенный начальникъ, бравый лейтенантъ, закаленный въ бояхъ Артурской эскадры и много плававшій, мѣрно шагаетъ на переднемъ ходовомъ мостикѣ, посматривая въ бинокль на постепенно открывающуюся передъ нимъ дивную панораму голубого залива. Сзади, въ кильватеръ, стройно идутъ «Слава» и «Богатырь». Приборка въ полномъ разгарѣ. За долгій переходъ всюду осѣлъ соленый налетъ, всюду забилась противная угольная пыль, которую несетъ изъ трубъ, «мѣдяшка» стала сѣро-зеленаго цвѣта. Все это надо вычистить, привести въ порядокъ. Каскады воды изъ привинченныхъ и разнесенныхъ по палубѣ шланговъ съ пипками и безъ нихъ забираются всюду, смывая весь этотъ соръ и грязь. Команда работаетъ весело. Забортная вода, льющаяся изъ шланговъ, теплая. Люди всѣ босикомъ, съ завернутыми выше колѣнъ брюками рабочаго платья. А солнце поднялось уже надъ горами, и лучи его быстро прогоняютъ тѣни изъ самыхъ глубокихъ складокъ.

Неаполитанскій заливъ предсталъ передъ русскими моряками во всей своей сказочной красотѣ. Точно въ волнахъ голубого газа видны на берегу Сорренто, Кастеламаре, Розина, Портичи и широко раскинувшійся Неаполь. Слѣва, ярко освѣщенный солнцемъ, островъ Капри, знаменитый своимъ голубымъ гротомъ и нынѣ—еще тѣмъ, что на немъ была школа, мало тогда кому извѣстныхъ, русскихъ соціалъ-

демократовъ, среди которыхъ крупной фигурой являлся писатель Максимъ Алексѣевичъ Пѣшковъ, писавшій подъ псевдонимомъ Максимъ Горькій. Теперь этотъ «буревѣстникъ» русской революціи служитъ «Максимомъ вѣрнымъ, холопомъ примѣрнымъ» совѣтской власти.

Тогда никто на отрядѣ не думалъ о томъ злѣ, которое сдѣлаютъ эти люди нашей родинѣ. Изъ нихъ извѣстенъ былъ только Маскимъ Горькій, произведенія котораго были въ судовыхъ библіотекахъ. Кстати сказать, эти произведенія не безъ увлеченія читались офицерами и гардемаринами и совершенно не нравились командѣ.

А приборка идетъ все дальше и дальше. Палубы скачены, протерты и пролопачены. «Мѣдь и желѣзо чистить», слышна команда.

И вотъ позеленѣвшія грязныя части начинаютъ блестѣть, какъ хорошо вычищенный самоваръ.

Къ подъему флага караулъ переодѣтъ въ черные брюки, бѣлыя рубашки; офицеры и команда вызваны во фронтъ. Ровно въ 8 часовъ, съ обычной торжественностью, на судахъ подняты флаги. Далеко кругомъ съ «Цесаревича» льются могучіе звуки нашаго безподобнаго гимна. Такъ какъ корабль на ходу, то рапортъ старшихъ спеціалистовъ* командиръ принимаетъ на переднемъ мостикѣ.

---

* Ст. штурманъ, ст. артиллеристъ, ст. минный офицеръ, ревизоръ, ст. инженеръ-механикъ и ст. врачъ.

Видъ Неаполитанскаго залива все роскошнѣе и роскошнѣе раскрывается вокругъ отряда. Громада Везувія все выше поднимается къ синимъ небесамъ. Вотъ и рейдъ Неаполя.

«Унтеръ-офицеры къ люкамъ», запѣлъ съ передняго мостика звучный баритонъ вахтеннаго начальника. «Тью-тью-тью-тью-тью»...трелью залились унтеръ-офицерскія дудки. Секунда молчанія. «Всѣ наверхъ, на якорь становиться», слышится тотъ же баритонъ съ мостика, и вслѣдъ затѣмъ спѣтый, какъ хорошій хоръ, могучій призывъ унтеръ-офицеровъ—«всѣ наверхъ, на якорь становиться».

Отрядъ входитъ на рейдъ. На рейдѣ стоятъ нѣсколько военныхъ судовъ другихъ націй, а также большой пассажирскій пароходъ компаніи «Hamburg American Line» съ туристами.

«Правый якорь къ отдачѣ изготовить», командуетъ старшій офицеръ съ мостика. «Караулъ и музыканты наверхъ».

На адмиральскомъ заднемъ мостикѣ адмиралъ, флагъ-капитанъ, * флагъ - офицеры, чины штаба, Флагманскій сигнальный кондукторъ Шелепинъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, фуражка набекрень, басомъ распоряжается сигнальщиками.

«Сигналъ поднять !» Сигналъ «разорванъ», —онъ гласитъ: «Приготовиться стать на якорь всѣмъ вдругъ». «Слава» и «Богатырь» репетируютъ сигналъ.

Начальникъ штаба въ чинѣ штабъ-офицера.

Отрядъ подходитъ къ якорному мѣсту. На «Цесаревичѣ» поднятъ флагъ «Щ»—исполнительный. При проходѣ мимо стоящихъ на рейдѣ иностранныхъ судовъ, горнистъ играетъ «захожденіе», караулъ беретъ «на-караулъ», музыканты исполняютъ соотвѣтствующій гимнъ. Отрядъ подошелъ на якорное мѣсто. «Исполнительный долой», слышно съ адмиральскаго мостика, и тотчасъ же звонко на весь рейдъ раздаются команды на всѣхъ корабляхъ: «Изъ правой бухты вонъ! Отдать якорь!» Грузно шлепается въ воду 800 пудовый якорь, поднявъ столбъ брызгъ. Съ лязгомъ начинаетъ травиться изъ клюза тяжелый канатъ. «Канатъ травить до столькихъ то саженъ», слышно съ мостика и—одновременно: «На итальянскій флагъ. Итальянскій флагъ поднять»!

Итальянскій флагъ медленно ползетъ развернутымъ на форъ-брамъ-стеньгу «Цесаревича». Музыканты начинаютъ на ютѣ итальянскій гимнъ. Съ праваго шкафута срывается облачко дыма и по рейду прокатывается тяжелый ударъ пушечнаго выстрѣла. Черезъ пять секундъ-такой же дымокъ и ударъ съ лѣваго борта, потомъ опять съ праваго и т.д.—двадцать одинъ разъ. Это—«салютъ націи» съ флагманскаго корабля. Облачка дыма,* относимыя вѣтромъ, крутясь плывутъ по синему рейду.

Какъ только кончилъ салютовать «Цесаревичъ», на высокой мачтѣ береговаго форта Molosiglio медленно взвился развернутый русскій флагъ, на веркахъ форта видны клубы бѣло-чернаго дыма и доносится грохотъ

* Салютъ производится всегда дымнымъ порохомъ.

выстрѣловъ—это отвѣтный салютъ русскому флагу въ 21 выстрѣлъ.

Салюты окончены: начинаются офиціальные визиты. Наконецъ, на «Цесаревичѣ» поднимается долгожданный сигналъ: «разрѣшается имѣть сообщеніе съ берегомъ». На корабль врываются, толкая другъ друга, поставщики и представители различныхъ фирмъ. Этотъ суетъ карточку, предлагая совершенно исключительные кораллы, тотъ—уголь и машинное масло, другой—вина, шелка и галантерею, слѣдующій—«антикитэ», вынимая изъ кармана подозрительную камею, якобы найденную при раскопкахъ Помпеи и т.д. Ревизоры, наученные опытомъ, по всѣмъ крупнымъ закупкамъ для корабля имѣютъ дѣло лишь съ тѣми поставщиками, которыхъ рекомендуетъ нашъ консулъ.

Это обычная картина каждаго порта. Въ Неаполѣ же столько интереснаго на берегу! И вотъ со всѣхъ кораблей, въ положенное время, отваливаютъ шлюпки съ офицерами, гардемаринами и командой, на берегъ. Тамъ всѣ разбиваются на группы и направляются въ разныя стороны. Одни—въ экскурсію на Везувій, другіе—въ Помпею и Геркуланумъ, слѣдующіе на Капри, въ Неаполитанскій музей, на Международную Біологическую станцію. Эта станція является соперницей Монакскому Океанографическому музею и заключаетъ въ себѣ рѣдкую коллекцію живыхъ образцовъ подводнаго царства Средиземнаго моря. Одинъ изъ отдѣловъ этой станціи былъ подъ управленіемъ русскаго врача.

Многіе по вечерамъ отправлялись въ оперу. Гардемаринамъ предстояли еще осмотры орудійнаго

завода Армстронга въ Поцуоли и судостроительнаго завода въ Кастеламаре.

Прошло нѣсколько дней стоянки отряда въ Неаполѣ, и всѣ, начиная отъ старшихъ офицеровъ и кончая самыми молодыми матросами—первогодками, были охвачены его чарующей красотой. Двѣ отрасли этой красоты особенно захватили всѣхъ—это древности и музыка. Послѣдняя оказалась особенно родственной русской душѣ.

Молодой изящный мичманъ, обладатель недурного тенора, знакомый уже намъ «Снѣжокъ», поддался, какъ и всѣ, чарамъ Неаполя. Но къ этому у него прибавилось еще жгуче-пріятное и мучительное чувство. Онъ влюбился! Въ кого—онъ и самъ не зналъ. Онъ встрѣтилъ ее на Santa Lucia, среди шумной южной толпы. Она промелькнула мимо него, сверкнувъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ, и пропала въ толпѣ. Бѣдный мичманъ потратилъ не мало времени, чтобы увидѣть вновь плѣнившій его образъ; онъ искалъ ее во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ толпился народъ вездѣ, гдѣ играла музыка... но все напрасно!

Мичманъ «заскучалъ», какъ говорятъ матросы. Несмотря на насмѣшки своихъ пріятелей по каютъ-компаніи, онъ грустно сидѣлъ за общимъ столомъ, едва притрагиваясь къ блюдамъ. Задумчиво смотрѣлъ онъ, стоя на вахтѣ, на волшебный Неаполь.

Не моему слабому перу передать красоту луннаго вечера на Неаполитанскомъ рейдѣ... Въ синевато-серебристой дымкѣ точно призрачные, высятся Везувій и окружающія его горы. Отдаленный шумъ соблазнительнаго города доносится до рейда. Тихій,

спокойный заливъ нѣжится, облитый свѣтомъ луны.... Кой-гдѣ плеснетъ иногда рыба, да серебристой морщинкой пробѣжитъ рябь подъ дыханіемъ слабаго вѣтерка.

Душный роскошный южный вечеръ! На «Цесаревичѣ», въ отличіе отъ большинства нашихъ судовъ, въ каютъ-компаніи были не круглые иллюминаторы, а длинные, вдоль всего борта, полупортики. Когда они всѣ открывались, то сидя на креслѣ возлѣ такого полупортика, казалось, что сидишь на берегу моря, такъ оно было близко. Это впечатлѣніе создавалось благодаря тому, что кормовая часть корабля приходилась очень низко надъ ватеръ-линіей.

Въ этотъ роскошный лунный вечеръ всѣ полупортики «Цесаревича» были открыты. Офицеры и гардемарины, въ бѣлыхъ кителяхъ, сидѣли въ каютъ-компаніи, кто на диванахъ, кто на креслахъ, кто за шахматными столиками. Мичманъ «Снѣжокъ», стоя у полупортика, съ тоской смотрѣлъ своими красивыми, синими глазами на залитый серебристымъ свѣтомъ заливъ.

Неожиданно подъ самымъ полупортикомъ, съ воды, донеслось нѣсколько звучныхъ аккордовъ гитары; слегка надтреснутый, но пріятный теноръ запѣлъ по-итальянски:

La donna e mobile,
Qual piuma al vento.
Muci dacento
E di pensiere.*

---

* Арія изъ оперы «Риголетто».

Услышавъ знакомые звуки, гардемаринъ, по прозвищу «Октава», вступилъ своимъ мощнымъ басомъ:

«Плачетъ, смѣется,
Съ нами играетъ,
Намъ измѣняетъ
Тоже шутя...»

Голоса «Октавы», итальянскаго тенора и хора итальянскихъ мужскихъ и женскихъ голосовъ слились въ красивый, звучный аккордъ!

Эта пѣсня изъ оперы «Риголетто» наэлектризовала обитателей каютъ-компаніи, и всѣ бросились къ полупортику, откуда неслись эти чудные звуки. Оказалось, къ борту незамѣтно подошла шлюпка съ итальянскими бродячими музыкантами.

Мичманъ «Снѣжокъ», стоя у полупортика. густо покраснѣлъ. Въ шлюпкѣ онъ увидѣлъ «ее»! Она была прекрасна, эта дочь Неаполя, примадонна маленькаго, плавучаго хора. Очаровательная улыбка озаряла ея лицо, освѣщенное луной; густые черные волосы оттѣняли ея прелестныя черты. Тонкая, стройная, она стояла въ шлюпкѣ, держа высоко надъ головой вывернутый зонтикъ. Звонкій, какъ колокольчикъ, голосъ обращался къ группѣ офицеровъ у полупортика:

Signore! Prego di dare qualcosa a una povera piccola cantatrice.*

Первымъ полетѣлъ въ зонтикъ золотой фунтъ,

---

* Господа! Дайте что нибудь бѣдной, маленькой пѣвичкѣ.

брошенный «Снѣжкомъ». А за нимъ-лиры, бросаемыя другими.

Трудно описать восторгъ, какой вызвалъ этотъ дождь на шлюпкѣ бѣдныхъ музыкантовъ. Съ какой радостью и какъ хорошо запѣли они:

«Che bella cosa una giornata a sole
N'aria serena pare gia una festo»*

Едва кончилась пѣсня, бурные апплодисменты каютъ-компаніи потребовали еще и еще. Весьма быстро всѣмъ на «Цесаревичѣ» стало извѣстно, что примадонну зовутъ синьорина Regina, что она дочь тенора синьора Giovanni, что двѣ другихъ пѣвицы на шлюпкѣ ея подруги Beatrice и Lucia и что первый гитаристъ баритонъ Arturo, а второй—басъ Marco.

Музыкальность этого маленькаго хора, его способность схватывать любую мелодію изъ любой оперы, любовь къ музыкѣ офицеровъ и гардемаринъ невидимыми нитями связали музыкантовъ на шлюпкѣ съ каютъ-компаніей «Цесаревича». Волшебная обстановка луннаго вечера на рейдѣ, въ рамкѣ окружающихъ заливъ, горъ, еще усиливали впечатлѣніе.

Точно привлеченные магнитическимъ токомъ, у кормы «Цесаревича» появились еще шлюпки съ музыкантами и по рейду понеслись звуки роскошной вечерней серенады нѣсколькихъ десятковъ голосовъ подъ аккомпаниментъ гитаръ. Чистое звонкое сопрано Реджины Ивановны, какъ окрестили въ каютъ-компаніи примадонну первой шлюпки, выдѣлялось на фонѣ красиваго соединеннаго хора.

---

* Какая прекрасная вещь солнечный день. Въ самомъ ясномъ воздухѣ уже праздникъ...

Залюбовавшись пѣніемъ, адмиралъ разрѣшилъ то, что въ то время показалось-бы страннымъ для военныхъ кораблей демократическихъ странъ и что было совершенно естественно и просто для Императорской Россіи: бѣдные пѣвцы со всѣхъ шлюпокъ по окончаніи пѣсни были приглашены на «Цесаревичъ». Поднявшись на палубу, они были увѣрены, что щедрые русскіе синьоры просто пожелали ихъ выслушать у себя на кораблѣ.

Но каково-же было ихъ удивленіе, какою благодарностью заблестѣли ихъ глаза, когда они поняли, что русскіе адмиралъ и офицеры пригласили ихъ въ каютъ-компанію поужинать, что русскіе не считаютъ ихъ низкимъ классомъ, а искренно восторгаются ихъ пѣніемъ и музыкальностью.

Совсѣмъ ослѣпленные сконфуженные вошли полуголодные пѣвцы, въ блестящую каютъ-компанію «Цесаревича». Несказанно поразили ихъ многочисленныя вкусныя блюда, обиліе вина, среди котораго они увидѣли свои родные: марсалу, асти, лакримакристи и кіанти. Но что ихъ совершенно потрясло—это молодецкій хоръ балалаечниковъ и пѣсенниковъ «Цесаревича», подъ управленіемъ лихого матроса первой статьи Мухина, удальца и мастера на всѣ руки.

Онъ и матросъ былъ на-рѣдкость хорошій, и голосъ у него былъ такой, что хоть въ оперу, и плясалъ онъ такъ, что, смотря на него, ноги сами хотѣли пуститься въ плясъ.

Съ какимъ благоговѣніемъ слушали итальянцы, когда чистый голосъ Мухина завелъ:

«Внизъ по Волгѣ-рѣкѣ
«Съ Нижня-Города»......
И въ него вошли густымъ рокотомъ басы:
«Снаряженъ стружокъ
«Что стрѣла летитъ»...

«Che bellisima musica!»* дрожащимъ отъ волненія голосомъ говорила прекрасная Реджина Ивановна сидѣвшему около нея мичману «Снѣжку». Весело проходилъ для бѣдныхъ пѣвцовъ обѣдъ. Они чувствовали себя, какъ дома, среди русскихъ моряковъ, при чуждомъ имъ русскомъ радушіи. Кофе перешли пить на верхнюю палубу, на ютъ, откуда открывался роскошный видъ на залитый луннымъ свѣтомъ заливъ. Туда-же поднялись закусившіе и « прочистившіе » горло пѣсенники и балалаечники.

Въ этой волшебной обстановкѣ молодежи невольно захотѣлось танцевать. Чуткій Мухинъ поймалъ настроеніе и изъ хора балалаечниковъ полились нѣжные звуки вальса «Серебристыя волны». Мичманы и гардемарины подхватили молодыхъ неаполитанскихъ пѣвицъ, и на палубѣ, ярко освѣщенной луной, закружились пары въ поэтическомъ, томномъ танцѣ.

«Боже, какъ у васъ хорошо! Какіе вы всѣ чудные, добрые», шептала прелестная синьорина Реджина танцующему съ ней «Снѣжку». «Вы знаете—вотъ на томъ большомъ пароходѣ, гдѣ столько туристовъ, мнѣ бросили въ зонтикъ всего только нѣсколько мѣдныхъ монетъ, а вотъ съ этого американскаго крейсера мнѣ выбросили изъ каютъ - компаніи вмѣсто денегъ,

* Какая прекрасная музыка.

корки банановъ и апельсиновъ. Che bellisima paese deve esser la Russia.»*

Вальсъ оконченъ. «Cosa vuole che io canti per lei?»** обратилась синьорина Реджина къ офицерамъ. Попросили: «Io parte».***

Блестящая Неаполитанская пѣсня, подъ аккомпаниментъ гитаръ, вдохновила какъ итальяцевъ, такъ и русскихъ.

«Братцы», сказалъ уязвленный въ своемъ музыкальномъ самолюбіи «maestro» Мухинъ: «неужель мы итальянцамъ дадимъ насъ обогнать? Ваше Высокоблагородіе! дозвольте намъ пѣсню спѣть». «Валяй, Мухинъ», послышался голосъ старшаго изъ офицеровъ. Въ воздухѣ пронесся ударъ въ бубенъ и звонъ тарелокъ, заставившій всѣхъ вздрогнуть, и сразу же высокій теноръ съ подголоскомъ подхватили:

«Ой на горѣ калина,
«Подъ горой малина
«Ну что жъ» (вплелись баритоны)
«Кому дѣло калина?
«Ну кому» (зарокотали басы и октавы)
«Какое дѣло малина?»

Лихая пѣсня со звономъ тарелокъ, треугольниковъ и бубнами, захватила всѣхъ. Восторженно-удивленно смотрѣли итальянцы на вдохновленное лицо Мухина, на горящіе весельемъ и удалью глаза рус-

* Какая должно быть чудная страна Россія.
** Что Вамъ спѣть?
*** «Я уѣзжаю» (извѣстная неаполитанская пѣсня.)

скихъ пѣсенниковъ. А лихіе тенора уже вели дальше:

«Какъ дѣвицы гуляли,
«Красавицы гуляли»

И могучій хоръ опять подхватывалъ во всю ширь необъятную мелодію русской пѣсни:

«Ну, что-жъ кому дѣло гуляли?
Ну, кому какое дѣло—гуляли?»

Изъ хора кубаремъ вылетѣли плясуны съ бубнами во главѣ съ самимъ Мухинымъ. Бубны пошли у нихъ гулять и по головамъ, и по локтямъ, и по пяткамъ, — неподражаемая, ни съ чѣмъ несравнимая своей удалью и разгуломъ, русская пляска развернулась красивой картиной на фонѣ этой волшебной декораціи.

А хоръ, наростающимъ темпомъ, все шире и шире ведетъ ту-же задорную мелодію, въ которую врываются свистъ и гиканье:

«Калинушку ломали,
«Калинушку ломали.
«Ну, что-жъ кому дѣло ломали?
«Ну, кому какое дѣло-ломали?»

Рѣзко оборвалась пѣсня! Замерли плясуны. «Ну, и молодчага Мухинъ!»—слышалось среди офицеровъ. «Bravissimo!» неистовствовали итальянцы. Однако они не хотѣли сложить оружіе передъ Мухинымъ. «Vuole signore che balliamo la tarantella per lei?»* спросилъ старикъ Джіовани.

* Угодно-ли господа, чтобы мы протанцевали для Васъ тарантеллу?

И подъ неаполитанскій хоръ и гитары старикъ съ дочерью начали этотъ танецъ, напоминающій движеніе человѣка укушеннаго тарантуломъ, откуда и происходитъ его названіе.

Конечно, лишь въ Неаполѣ надо смотрѣть тарантеллу, въ рамкѣ того пейзажа, который представляетъ собой Неаполитанскій заливъ въ лунную ночь.

Шумно апплодировали старику и юной синьоринѣ Реджинѣ, но...... въ душѣ и русскіе и итальянцы поняли, что моральная побѣда осталась за Мухинымъ. Тарантелла все-таки только Европа,—русская пляска отражаетъ въ себѣ душу и порывы народа, выходящіе изъ рамокъ, доступныхъ для Европы. Чтобы примирить два начала въ музыкѣ—«русское и итальянское»—офицеры наскоро обучили итальянцевъ написанной какимъ то москвичемъ опереткѣ «Неаполитанская каморра». Солистомъ выступилъ гардемаринъ «Октава» и началъ подъ аккомпаниментъ балалаечниковъ:

«Всѣ въ Неаполѣ на сушѣ и на морѣ,
Отъ лачугъ и до дворцовъ,
Подчиняются безропотно каморрѣ
По преданію отцовъ».

Пѣсенники и итальянцы, подхватили веселый припѣвъ:

«Тра ла-ла-ла-ла-
Тра ла-ла-ла-ла» и т.д.
«Экселенца, не скупитесь на даянія,
Если жизнь вамъ дорога,

А не то зарѣжетъ васъ безъ состраданія
Вашъ покорнѣйшій слуга».
«Тра-ла-ла-ла-ла» и т. д.

Вечеръ конченъ. Веселые, благодарные до глубины души, итальянцы отвалили на берегъ. Съ посеребреной лунными лучами поверхности залива, вновь и въ послѣдній разъ понеслась поэтическая серенада въ честь «Цесаревича».

Мичманъ «Снѣжокъ» съ тоской смотрѣлъ на шлюпку, увозящую его кумиръ. Неаполитанская сказка для него кончилась.

Черезъ два дня отрядъ уходилъ въ Гибралтаръ. Берега Италіи скрывались въ синей дымкѣ за кормою. Впереди необъятное, прекрасное море. «Addio bella Napoli!»*

* Прощай прекрасный Неаполь!

Приборка на кораблѣ.

На берегу Неаполитанскаго залива.

Везувій.

Въ морѣ.

Изъ другого вѣдомства;

Одного не достаетъ ему.
Въ законахъ не твердъ.
Изъ другого вѣдомства.
(Изъ «Доходнаго мѣста», Островскаго).

Конецъ января 1904 года. Хорошая русская зима. Окрестности блистательнаго С.-Петербурга покрыты густымъ пушистымъ снѣжнымъ ковромъ. Устье Невы до самаго Кронштадта заковано въ толстую броню льда, занесеннаго снѣгомъ. По «Маркизовой Лужѣ», какъ называлась у насъ въ шутку эта часть Финскаго залива,—гдѣ лѣтомъ бѣлѣли паруса многочисленныхъ яхтъ и лайбъ,да виднѣлись дымки идущихъ въ Петербургъ и уходящихъ изъ него пароходовъ—теперь можно было запросто проѣхать на тройкѣ въ саняхъ, точно по степи.

Въ это именно время, въ одинъ изъ роскошныхъ лунныхъ зимнихъ вечеровъ, мы съ вами, мои читатели, перенесемся въ царственный Петергофъ.

Вѣковыя, суровыя, зеленыя сосны, длинныя черныя тѣни, на освѣщенномъ луной снѣгѣ аллей стариннаго парка...Тихій, точно застывшій Петергофъ... Мы съ вами проѣдемъ къ офицерскому собранію одного изъ блестящихъ кавалерійскихъ полковъ Россійской Императорской гвардіи.

Въ то время мы могли гордиться тѣмъ, что мы русскіе. Россія была такой могучей, и красота ея, невѣдомая на Западѣ, была ни съ чѣмъ не сравнима.

Только что началась Русско-Японская война. Наши гвардейскіе полки, квартировавшіе въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, страдали отъ сознанія, что они не попадутъ на войну. Эта война казалась такой далекой, что смертоносное дыханіе ея совсѣмъ не чувствовалось въ блестящей сѣверной столицѣ.

Въ этотъ вечеръ, въ офицерскомъ собраніи полка былъ обычный общій ужинъ, во время котораго играли и пѣли пѣсенники. Нынѣ—и блескъ этихъ собраній, и красота убранства, и безподобный подборъ музыкантовъ и пѣсенниковъ, и роскошныя одежды гвардейскихъ частей—отошли въ область преданія.

Все это было неразрывно связано съ красотой и духомъ величія, которыми была проникнута исторія нашей Родины за время ея Императорскаго періода. Мы теперь можемъ только особенно беречь эту ушедшую и можетъ быть, неповторимую красоту,—какъ старую дорогую картину.

Такъ вотъ. Беззаботный ужинъ въ офицерскомъ собраніи въ Петергофѣ кончился. Командиръ полка и старшіе офицеры уже разошлись. Осталась юная молодежь, которая рѣшила «посидѣть» съ пѣсенниками за стаканами добраго вина. Снопы яркаго электрическаго свѣта заливали роскошный столовый залъ собранія. Лишняя посуда убрана. Передъ каждымъ появились чашечки чернаго кофе, рюмки съ ликерами и стопочки съ холоднымъ, искрящимся золотомъ, виномъ.

Трубачи закончили попурри изъ модной, тогда оперетки. Пѣсенники «подбодрились», и изъ ихъ среды вырвался нѣжный тоноръ запѣвалы.

Дорогимъ, безпредѣльнымъ просторомъ Россіи повѣяло въ этомъ роскошномъ залѣ:

«Ходила я дѣвица во садо-очкѣ
Наколола ноженьку на пене-очкѣ.»

Молча слушали офицеры родные звуки. Всѣ затихли ..

Сейчасъ начнется слѣдующая и слѣдующая пѣснь. Вѣдь наша Россія такъ безгранично богата ими.

«Господа», сообщилъ дежурный офицеръ: «получены свѣдѣнія съ театра военныхъ дѣйствій о боѣ «Варяга» и «Корейца»! Всѣ съ живостью вскочили, стараясь сразу узнать въ чемъ дѣло.

Свѣдѣнія были какого-то частнаго телеграфнаго агентства, непровѣренныя, но сообщающія, что «Варягъ» и «Кореецъ» блестяще себя держали въ бою.

«Нашему доблестному флоту—ура!»—крикнулъ старшій изъ этой юной молодежи.

Могучее «ура», подхваченное всѣми, заглушило звуки флотскаго «Николаевскаго марша», который «рванули» трубачи.

«Господа», волновались самые юные корнеты: «надо кому нибудь изъ насъ ѣхать въ Кронштадтъ поздравить моряковъ».

«Я ѣду», вскрикнулъ пылкій, молодой корнетъ, князь А. «Молодцы-трубачи, кто со мной?»

«Всѣ, ваше сіятельство!» загрохотали трубачи.

«Да ты спятилъ!» урезонивали корнета его пріятели: «вѣдь теперь ночь, вѣтеръ, куда же по льду добраться до Кронштадта?»

«Ерунда! На то мы и уланы. Трубачи, по конямъ!»

Черезъ четверть часа корнетъ князь А. съ трубачами «выступилъ въ походъ». Лошади поеживались отъ холода и осторожно ступали по непривычной для нихъ ледяной поверхности, покрывавшей море.

Поздней ночью немногочисленная публика, еще попадающаяся на Господской улицѣ Кронштадта, съ изумленіемъ увидѣла конный отрядъ, двигающійся по направленію къ Морскому Собранію.

Тамъ еще горѣли огни, и было человѣкъ пять «засидѣвшихся» мичмановъ. Корнетъ князь А. явился среди нихъ. Громкія взаимныя привѣтствія. Черезъ минуту, спѣшившіеся трубачи оказались въ залѣ. Замерзшій корнетъ и трубачи были быстро отогрѣты «морскимъ грогомъ», рецептъ котораго чрезвычайно простъ и передается во флотѣ изъ устъ въ уста:

«Возьми воду—возьми ромъ,
«Нагрѣй воду—нагрѣй ромъ,
«Вылей воду—выпей ромъ.»

Черезъ полчаса накормленные и согрѣвшіеся трубачи играли въ Морскомъ Собраніи.

Дѣло близилось къ восходу солнца. Уже нѣсколько разъ собранскій буфетчикъ «Федотычъ», съ таинственнымъ видомъ, вытянувъ шею, подходилъ къ старшему изъ мичмановъ, что-то сообщая ему на ухо, но видя полное равнодушіе къ его предупрежденіямъ, сокрушенно уходилъ обратно въ буфетную.

Утромъ корнетъ, мичманы и трубачи оказались на учебномъ плацу флотскаго экипажа, гдѣ корнетъ

отъ имени гвардейской конницы поздравилъ новобранцевъ-матросовъ.

Затѣмъ онъ расписался въ книгѣ «являющихся» у Главнаго Командира и, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся съ трубачами въ Петергофъ.

На другой день въ Петергофѣ къ командиру этого лихого полка явилась депутація отъ флота въ составѣ двухъ штабъ и одного оберъ-офицеровъ, которые отъ имени Главнаго Командира Кронштадскаго порта принесли ему глубокую благодарность. Ничего не подозрѣвавшій командиръ полка, не моргнувши глазомъ, поблагодарилъ ихъ за вниманіе и пригласилъ завтракать въ собраніе.

По отъѣздѣ депутаціи въ Кронштадтъ, выяснилась вся исторія «похода» корнета князя А.

Вызванный къ командиру полка, корнетъ получилъ строгій выговоръ съ сухимъ прибавленіемъ: «на пять сутокъ на гауптвахту».

Когда полковой адъютантъ привезъ злосчастнаго корнета на главную гауптвахту С.-Петербурга,—тамъ встрѣтили его веселые возгласы всѣхъ мичмановъ, которыхъ онъ поздравлялъ въ Морскомъ Собраніи въ Кронштадтѣ.

«Наконецъ-то васъ привезли, а то мы ужъ сутки сидимъ!»...

«Вы на сколько посажены?»
«На пять».
«И мы на пять!»...

«Вотъ это называется согласованность двухъ вѣдомствъ», воскликнулъ смѣющійся корнетъ.

«Это всегда можетъ случиться, когда кавалерія ходитъ по морю, аки по суху»,вразумительно добавилъ плацъ-адъютантъ, «принимавшій» корнета на гауптвахту.

Салютъ.

Кончилась Русско-Японская война. Отрядъ крейсеровъ: «Громобой», «Россія» и «Богатырь» подъ флагомъ свиты Его Величества контръ-адмирала К. П. Iессенъ возвращался изъ Владивостока въ Балтійское море.

Изъ русскихъ военныхъ судовъ «Громобой» въ то время былъ замѣчательнымъ кораблемъ: онъ строился по проекту русскихъ корабельныхъ инженеровъ на Балтійскомъ Судостроительномъ Заводѣ въ Санктъ-Петербургѣ. Въ свою эпоху этотъ крейсеръ, равно, какъ ранѣе построенная «Россія», составлялъ своего рода чудо судостроенія. Соперниками нашихъ «Россіи» и «Громобоя» у англичанъ были, построенные нѣсколько ранѣе бронепалубные крейсеры «Terrible» и «Powerful». Однако «Громобой» считался все же болѣе сильнымъ. Онъ былъ бронированъ и имѣлъ очень сильную артиллерію.

Съ окончаніемъ войны на Дальнемъ Востокѣ «Громобой», «Россія» и «Богатырь» должны были вернуться въ Балтійское море и тамъ войти въ составъ дѣйствующаго флота.

Въ эту же эпоху Германія владѣла на Тихомъ Океанѣ станціей Кіа-Чао (Циндао), на которую базировался отрядъ ея крейсеровъ. Англичане опирались тогда на Гонконгъ и Вей-ха-вей.

Англійская эскадра, послѣ японскаго флота была

самой сильной въ западной части Тихаго океана. Французы держали на Востокѣ небольшія силы стоявшія въ Сайгонѣ. Наконецъ, рядъ другихъ націй, какъ Италія, Австро-Венгрія, Испанія имѣли на Востокѣ станціонеровъ для защиты своихъ интересовъ въ Китаѣ.

Получивъ приказъ о возвращеніи въ Россію адмиралъ Іессенъ, держа флагъ на «Громобоѣ», отправился въ Іокогаму, затѣмъ, въ Гонъ-Конгъ, а оттуда далѣе по «большой дорогѣ», ведущей черезъ Маллакскій проливъ въ Индійскій океанъ, Красное море, Суэцкій каналъ и Средиземное море.

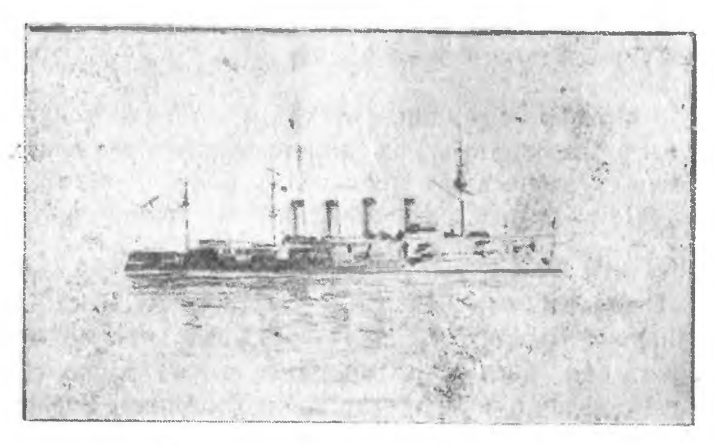
Случайно совпало, что къ моменту прихода отряда въ Гонъ-Конгъ, тамъ собралось очень много иностранныхъ военныхъ судовъ: стояла большая англійская эскадра, командующій которой былъ «старшимъ на рейдѣ», затѣмъ французскій крейсеръ и маленькіе крейсеры итальянскій и испанскій. Наконецъ тамъ же стоялъ германскій броненосный крейсеръ «Фюрстъ Бисмаркъ».

Войдя на рейдъ, «Громобой», какъ полагается, отсалютовалъ Націи—21 выстрѣлъ, потомъ «старшему на рейдѣ» по чину, затѣмъ адмиралъ и командиры сдѣлали необходимые визиты, начиная съ англійскаго адмирала.

Въ свою очередь иностранныя суда привѣтствовали отрядъ салютами и обмѣнялись съ нимъ визатами.

Черезъ нѣсколько дней офицеры и команда отряда стали уже знакомыми этой собравшей вмѣстѣ большой международной семьи.

Наступилъ канунъ 6-го декабря по старому стилю. Какъ извѣстно 6-ое декабря было днемъ Тезоименитства покойнаго Государя Императора Николая Александровича.

Броненосный крейсеръ «Громобой».
Постр. въ 1899 г., 13.880 тоннъ, 20 узловъ, 4 - 8 дм., 16—6 дм., 24 — 75 м/м., 12 - 47 м/м., 18—37 м/м., 4 пулемета и 2 десантныхъ пушки.

По всей Россіи въ былое время къ этому дню готовились Высочайшіе приказы о наградахъ, назначеніяхъ и милостяхъ Государя Императора. Корабли наши, бывшіе заграницей, праздновали тоже этотъ день. Съ подъемомъ флага въ 8 часовъ утра они «расцвѣчивались» флагами и производили Императорскій салютъ въ 31 выстрѣлъ. Если на рейдѣ стояли иностранныя суда, то согласно правилъ морской международной вѣжливости, они предупреждались наканунѣ о днѣ нашего праздника и съ подъемомъ флага, въ свою очередь, расцвѣчивались флагами и производили салютъ.

Такъ было и въ этотъ разъ. Командиръ «Громобоя» вызвалъ къ себѣ мичмана Теренина, прекрасно владѣвшаго англійскимъ и французскимъ языками, приказалъ ему взять паровой катеръ и обойти начальниковъ отдѣльныхъ частей всѣхъ иностранныхъ морскихъ силъ, стоящихъ на рейдѣ.

Мичманъ одѣвшись въ форму «обыкновенную», т. е. въ вицъ-мундиръ, въ лакированныхъ ботинкахъ, въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ и съ треугольной шляпой на головѣ, отправился съ этимъ порученіемъ.

Первымъ онъ явился къ «старшему на рейдѣ» англійскому адмиралу. Тамъ, увидѣвъ, что мичманъ говоритъ по-англійски, приняли его съ распростертыми объятіями, поблагодарили за сообщеніе и флагъ-капитанъ объявилъ, что завтра въ 8 часовъ утра британская эскадра расцвѣтится флагами и произведетъ установленный салютъ.

На французскомъ крейсерѣ мичманъ былъ встрѣченъ еще болѣе тепло, какъ представитель союзной націи. «Jour de fête de Sa Mejeste l'Empereur de Russie», заявилъ командиръ крейсера, «c'est une fête de la France, Amie et Alliée».

Далѣе мичманъ также блестяще выполнилъ свое дипломатическое порученіе на итальянскомъ и испанскомъ крейсерахъ. Было уже около трехъ часовъ дня, когда онъ усталый и голодный, принявшій за весь день только обычныя рюмки портвейна на корабляхъ, которые онъ посѣтилъ, шелъ на своемъ катерѣ на германскій броненосный крейсеръ.

Роскошная бухта Гонъ-Конга была по обыкновенію прекрасна, точно драгоцѣнный камень, оправленный въ золотистую рамку высокихъ, гористыхъ береговъ. Горячее тропическое солнце пылало. Военные корабли стройными, могучими силуэтами выдѣлялись на бирюзовой синевѣ залива. Мичманъ замечтался, засмотрѣлся на окружающую красоту, невольно сравнивая, по обыкновенію, кто изъ военныхъ судовъ сейчасъ по внѣшнему виду чище, изящнѣе и красивѣе. Нѣтъ, конечно «Громобой», мелькнуло у него. Пожалуй, что «Фюрстъ Бисмаркъ». Вѣдь, какъ онъ окрашенъ! Свѣтло - сѣрый, почти бѣлый. Все вытянуто точно по ниточкѣ. Мѣдныя части сверкаютъ.

Ахъ нѣтъ! слишкомъ вылизано, чисто по-нѣмецки. Корабль точно модель, а не живой организмъ. Вотъ англійскій «Cressy»—это дѣйствительно красота. Все просто, пригнано. Чистота идеальная. Цвѣтъ окраски тоже какой то особенный, характерный для британскихъ военныхъ судовъ. Выправка людей типичная для англичанъ. Люди дисциплинированы и, при этомъ видно, что они не только военные, но и прекрасные природные моряки. Катеръ бѣжитъ по рейду, оставляя за собою полоску бѣлой пѣны. Нѣтъ, «Громобой» пожалуй все-таки лучше всѣхъ, мелькаетъ горделивая мысль у мичмана! Нѣтъ «Cressy»!... Нѣтъ «Фюрстъ Бисмаркъ»!... Борьба между чувствомъ справедливости и національной гордостью не даетъ возможности мичману окончательно рѣшить этотъ вопросъ, но для него, какъ и для всѣхъ моряковъ собранныхъ сейчасъ въ Гонгъ-Конгѣ было ясно, что соперниками по чистотѣ, порядку, выправкѣ командъ могутъ быть только англійскіе, русскіе и германскій крейсеры.

Катеръ приближается къ «Фюрстъ Бисмаркъ». «Однако», думаетъ мичманъ, «вотъ скандалъ. Я ни слова не знаю по-нѣмецки. Тамъ на итальянскомъ и испанскомъ крейсерахъ прекрасно говорили и по-англійски, и по-французски. А вотъ, какъ быть здѣсь?»

Въ головѣ мучительно вертится нѣмецкая фраза изъ обрывковъ когда то слышанныхъ. «День Тезоименитства». Какъ же это? День Ангела? Нѣтъ не помню!» Катеръ подходитъ къ лѣвому трапу «Фюрстъ Бисмаркъ», слышенъ свистъ вызывающій фалрепныхъ. На губахъ мичмана мелькнула радостная улыбка —«вспомнилъ».

Бодро взбѣгаетъ онъ наверхъ. У трапа его встрѣчаетъ, вытянувшись нѣмецкій лейтенантъ, вахтенный начальникъ, съ офиціальной вѣжливой улыбкой на устахъ.

Мичманъ приподнялъ треуголку отдавая этимъ честь шканцамъ. Затѣмъ приложивъ руку къ козырьку онъ забралъ воздуха въ легкіе и выпалилъ заготовленную имъ фразу: «Моргенъ. Царенъ Гебурстагъ.»

Далѣе, видя, что словъ не хватаетъ, мичманъ опустилъ руку и показавъ указательными пальцами обѣихъ рукъ, одной на корму, другой на носъ, онъ повелъ свои пальцы по направленію къ клотикамъ мачтъ говоря: «Бите. Флагенъ. Пш-пш-пш».—Затѣмъ сжавъ въ кулакъ правую руку онъ ею произвелъ передъ лицомъ, внимательно и добросовѣстно слѣдящаго за нимъ нѣмецкаго лейтенанта, какое то движеніе и произнесъ: — «Ундъ бите эйнъ ундъ дрейцигъ маль ба-бахъ».

«Аберъ ихъ канъ нихтъ ферштейнъ, херъ лейтенантъ», вѣжливо отвѣтилъ ему нѣмецкій офицеръ, повышая его, на словахъ, въ чинѣ.

Мичманъ попробовалъ объяснить по-англійски, затѣмъ по-французски, но нѣмецкій офицеръ этихъ языковъ не зналъ. Опять началась мимика. Мичманъ взялъ нѣмецкаго офицера подъ руку и подвелъ его къ борту показывая на свой катеръ. Затѣмъ онъ крикнулъ «Медвѣдь!* подергай за флагъ». Бравый унтеръ -офицеръ исполнилъ это.

«Гутъ», началъ вновь мичманъ «Моргенъ. Царенъ Гебурстагъ. Бите флагенъ пш-пш-пш-пш. Ундъ эйнъ ундъ дрейцигъ маль ба-бахъ».

Нѣтъ опять не понялъ!... Въ это время къ трапу подошелъ старшій офицеръ крейсера—молодчага, лихой капитанъ - лейтенантъ. Оказалось, что онъ говоритъ прекрасно по-англійски. Мичманъ быстро объяснилъ ему свое дѣло. Все было понято сразу.Старшій офицеръ началъ корить вахтеннаго начальника, какъ же тотъ не понялъ, когда ему такъ наглядно объясняли и про салютъ и про флаги. Но нѣмецкій умъ точенъ, логиченъ: вахтенный начальникъ обидчиво заявилъ, что какъ же онъ могъ понять когда мичманъ ему сказалъ «Царенъ Гебурстагъ»,** когда онъ, лейтенантъ Императорскаго Германскаго флота, прекрасно знаетъ, что завтра «Наменстагъ»*** Его Императорскаго Величества Императора Россіи.

---

* Фамилія унтеръ-офицера, старшины катера.

** Царскій день рожденія.

*** День Ангела.

Наступилъ вечеръ. Суда спустили флаги. Мичманъ Теренинъ все еще не вернулся на «Громобой». Прошла ночь. Къ 8 часамъ утра «Громобой» сіялъ чистотою. Его огромная верхняя палуба была вымыта и вычищена точно хорошій паркетъ. Офицеры, при сабляхъ и орденахъ и команда одѣты во все бѣлое.

Все сверкаетъ, все блеститъ. Снасти вытянуты и уложены идеально. Безъ 5 минутъ восемь часовъ караулъ, офицеры и команда вызваны во фронтъ. Выходитъ адмиралъ. Онъ здоровается съ командой.

«На флагъ, гюйсъ и стеньговые флаги на фалы для расцвѣчиванія», слышится голосъ вахтеннаго начальника. Въ такой высокоторжественный день, кромѣ флага и гюйса на каждой мачтѣ подымается стеньговой Андреевскій флагъ, который корабли подымаютъ и въ бою, а кромѣ того отъ форъ-штевня, до ахтеръ-штевня, черезъ клотики всѣхъ мачтъ, проведены фалы, для расцвѣчиванія. Къ этимъ фаламъ пристапариваются разноцвѣтные, сигнальные флаги. Фалы и флаги до подъема флага лежатъ аккуратно разнесенными такъ, что со стороны ничего не видно.

«Флагъ, гюйсъ и флаги поднять», командуетъ вахтенный начальникъ, и вслѣдъ за тѣмъ, кромѣ кормового и стеньговыхъ флаговъ и кромѣ гюйса, корабль одѣвается красивымъ контуромъ разноцвѣтныхъ флаговъ, идущихъ отъ носа, черезъ клотики мачтъ къ кормѣ.

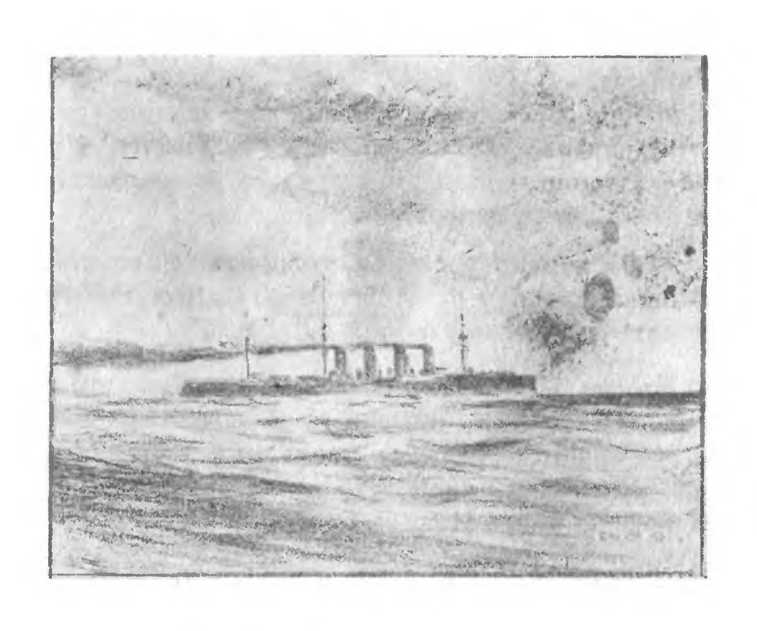
В этотъ же моментъ раздается звукъ горна — «открыть огонь», и начинается Императорскій салютъ въ 31 выстрѣлъ.

Слѣдуя движенію «Громобоя» наши и всѣ иностранные военные корабли, тоже расцвѣчиваются флагами и начинают салютъ по второй пушкѣ съ «Громобоя».

Салютуютъ и «Cressy», и «Фюрстъ Бисмаркъ», салютуютъ и французскій крейсеръ, и итальянецъ, и испанецъ. Все прошло, какъ обычно въ то время, бластяще, безъ сучка, безъ задоринки.

«Молодчина Терeнинъ», говоритъ адмиралъ, все выполнилъ правильно. «А гдѣ онъ?»—«Его еще нѣтъ», отвѣчаетъ смущенно старшій офицеръ.

Въ этотъ моментъ бѣдный мичманъ, ставшій, благодаря незнанію нѣмецкаго языка, любимцемъ каютъ-компаніи «Фюрстъ Бисмаркъ», заканчивалъ на этомъ блестящемъ крейсерѣ преждевременно начатое празднованіе «десъ Царенъ Гебурстагъ».

Броненосный крейсеръ «Россія».

Постройки 1896 г., 13.675 тоннъ, 19 узловъ, 4—8 дм., 16—6 дм., 12—75 м/м., 20—47 м/м., 16—37 м/м., 2 десантныхъ пушки.

Рождество въ тропикахъ.

Прекрасны были въ свое время русскіе броненосные крейсеры «Громобой» и «Россія». Оба они были построены на Балтійскомъ Судостроительномъ Заводѣ въ Санктъ-Петербургѣ. «Громобой» былъ 13.880 тоннъ водоизмѣщенія и 20-ть узловъ хода, а «Россія»—13.675 тоннъ и 19.7 узла. На «Громобоѣ», было 874 человѣка команды, а на «Россіи»— 839 человѣкъ.

Кончилась Русско—Японская война... «Громобой», «Россія» и «Богатырь» взявъ на себя 2 пѣхотныхъ полка нашихъ войскъ во Владивостокѣ, вышли 30-го октября 1905 года въ портъ Александровскъ на островѣ Сахалинѣ.

Командующій отрядомъ Свиты Его Величества контръ-адмиралъ Карлъ Петровичъ Іессенъ держалъ свой флагъ на «Громобоѣ». Отрядъ долженъ былъ доставить войска на Сахалинъ и вернуться во Владивостокъ. Однако, на Сахалинѣ адмиралъ получилъ телеграмму Начальника Главнаго Морского Штаба, по которой ему предписывалось идти съ отрядомъ въ Россію обычнымъ маршрутомъ:—Сингапуръ—Коломбо—Аденъ—Средиземное море.

Отрядъ красавцевъ крейсеровъ почистился, прибрался и вышелъ, въ Японію въ портъ Нагасаки.

Морозъ въ 9 градусовъ бывшій на Сахалинѣ смѣнился все нарастающимъ тепломъ и въ Нагасаки всѣ съѣзжали на берегъ одѣтыми уже по-лѣтнему.

Адмиралъ распорядился, чтобы на всѣхъ трехъ

корабляхъ были бы взяты съ собою елки, дабы справить Рождество, гдѣ придется, по-доброму обычаю.

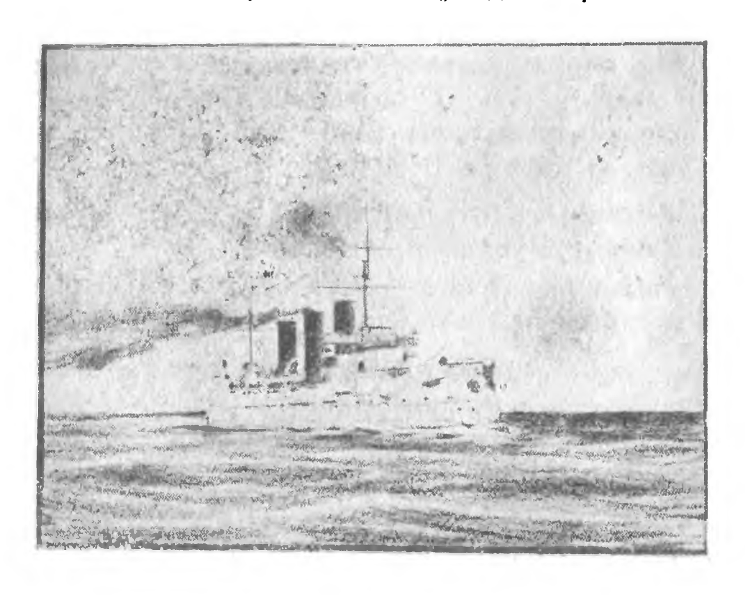
Въ Нагасаки накупили для команды разные подарки на елку. Каждый матросъ получалъ или часы, или портсигаръ, или бѣлье. Чего не нашлось въ Японіи, рѣшили выписать прямо изъ Владивостока въ Гонконгъ—слѣдующій портъ куда зашелъ отрядъ.

Стройной кильватерной колоной вошелъ Отрядъ въ огромную бухту Гонконга. Головнымъ, красиво разрѣзая форштевнемъ изумрудную воду, шелъ 4-хъ трубный «Громобой», за нимъ, тоже 4-хъ трубная «Россія», а сзади—3-хъ трубный «Богатырь».

На «Громобоѣ» взвился сигналъ—«приготовиться стать на якорь всѣмъ вдругъ». Крейсеры подошли къ якорному мѣсту. Со всѣхъ иностранныхъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ сотни ревнивыхъ глазъ слѣдили за ними. Какъ выглядятъ пришельцы? Какъ выйдетъ у нихъ маневръ? Внѣшній видъ русскихъ крейсеровъ изумительный, самый строгій морской глазъ не могъ бы ни къ чему придраться.

На «Громобоѣ» спустили «исполнительный» и немедленно на всѣхъ трехъ корабляхъ раздались команды: — «изъ, правой бухты вонъ...отдать якорь». Тяжело плюхнулись въ воду громадные якоря, подымая столбы брызгъ и пѣны. Съ лязгомъ травились канаты изъ клюзовъ. Отрядъ сталъ на якорь какъ вкопанный, не потерявъ ни равненія, ни дистанцій.

Въ Гонконгѣ его ждала большая почта. Пришли изъ Владивостока недостающіе подарки для команды на будущую елку, получены были на всѣхъ людей копченные окорока и сласти, а для «Громобоя» на

Крейсеръ «Богатырь» (въ 1905 году).
Постройки 1901 г., 6.645 тоннъ; 24,2 узла; 12—6 дм., 12—75 м/м 6—47 м/м., 2 пулемета, 4 десантныхъ пушки.

всю команду одна дама прислала изъ Россіи прекрасныя книги русскихъ классиковъ. Ихъ тоже спрятали, какъ и остальные подарки, отъ команды, дабы не испортить радости людей когда будетъ праздноваться Рождество. Полученную провизію погрузили въ рефрежираторы, гдѣ температура всегда была ниже нуля. Приняли полный запасъ угля и отрядъ вышелъ

въ море. Тропики. Тяжелая влажная жара. Сине спокойное море. Вотъ и Сингапуръ. Здѣсь опят погрузка угля. Это самая южная точка, до которо спустился отрядъ. Вѣдь Сингапуръ лежитъ всего в 1 3/4 градуса къ сѣверу отъ экватора. Опять съемк съ якоря. Отрядъ вошелъ въ Маллакскій проливъ. Адмиралъ рѣшилъ дать возможность командѣ провест Рождественскіе праздники въ спокойныхъ условіяхъ и приказалъ идти въ Пула-Вей.

Островокъ Пула-Вей лежитъ къ сѣверу отъ острова Суматра и недалеко отъ него.

Прекрасная бухта даетъ возможность стоять на якорѣ, укрывшись отъ вѣтровъ и океанской зыби.

Пула-Вей принадлежитъ Голландіи и управляется губернаторомъ, который живетъ въ маленькомъ европейскомъ городкѣ, расположенномъ на берегу бухты.

18-го декабря 1905 года по старому стилю — «Громобой», «Россія» и «Богатырь» вошли въ Пула-Вей и стали на якорь.

Щедрой рукой Господь собралъ въ этомъ прекрасномъ уголкѣ всѣ красоты растительнаго и животнаго царствъ.

Маленькій голландскій городокъ точно прилѣпился къ берегу бухты. Вокругъ дремучій тропическій лѣсъ со всѣмъ разнообразіемъ красокъ и формъ деревьевъ. Густыя кроны пальмъ не пропускаютъ жгучихъ лучей и въ лѣсу всегда царитъ влажный полумракъ, напоенный пряными ароматами.

Безчисленные попугаи наполняютъ своими

криками этотъ лѣсъ, вызывая восторгъ яркой окраской своего оперенія. Ліаны, какъ змѣи, обвиваютъ могучіе стволы деревьевъ, перекидываясь причудливыми гирляндами съ одного на другое. Юркія подвижныя обезьяны разныхъ породъ прыгаютъ въ густой листвѣ, съ любопытствомъ слѣдя за путниками съ трудомъ пробирающимися въ лѣсу. Такъ не похожъ этотъ сказочный міръ на далекую родную Россію. Немудрено, что офицеры и команда «Громобоя», «Россіи» и «Богатыря» чувствовали себя здѣсь точно въ волшебномъ царствѣ. Особенно привлекала всѣхъ туземная деревушка, лежащая въ 1 ½ верстахъ отъ городка на берегу прѣсноводнаго озера. Домики этой деревушки были выстроены изъ бамбука и покрыты соломенными крышами. Сочетаніе сине-зеленой воды озера, желтовато-сѣрыхъ причудливыхъ домиковъ и роскошной тропической растительности создавали такіе пейзажи, что даже люди равнодушные къ красотамъ природы не могли не придти въ восторгъ увидя это.

Наступило 24-е декабря 1905 года. Съ утра корабли начали готовиться къ великому празднику. На верхней, батарейной, въ жилыхъ палубахъ всюду шла приборка. Судовой священникъ «Громобоя» о. Георгій украшалъ и приготовлялъ церковь и разучивалъ съ хоромъ пѣвчихъ Рождественскія пѣснопѣнія.

Отецъ Георгій, скромный, застѣнчивый, во время Русско-Японской войны показалъ себя героемъ. Во время кроваваго боя 1-го августа 1904 года онъ, съ эпитрахилью на шеѣ, съ Крестомъ въ рукахъ, бросался въ самыя страшныя мѣста, гдѣ пылалъ пожаръ, откуда неслись крики и стоны раненыхъ, гдѣ рвались, калѣча людей, бесѣдки съ патронами и снарядами.

Онъ напутствовалъ умирающихъ; обладая огромной физической силой онъ на рукахъ выносилъ раненыхъ сквозь дымъ и пламя пожара. Казалось онъ несъ на рукахъ не матроса, а ребенка, спускаясь съ нимъ внизъ по трапу на перевязочный пунктъ.

Команда «Громобоя» обожала своего батюшку. Широкая георгiевская лента наперстнаго Креста указывала постороннему, что этотъ скромный пастырь былъ награжденъ боевой наградой за своe великое служенiе.

Минеры на всѣхъ корабляхъ готовили иллюминацiю и украшали электрическими лампочками елки. На «Громобоѣ» было установлено на верхней палубѣ три елки, чтобы вся команда могла бы легко и свободно веселиться около нихъ. Въ камбузахъ коки готовили улучшенный праздничный ужинъ, къ которому сберегались въ рефрежираторахъ полученные изъ Россiи копченные окорока.

Такъ какъ глубины въ бухтѣ Пула-Вей очень большiя, то отрядъ стоялъ совсѣмъ недалеко отъ берега. Силуэты прекрасныхъ крейсеровъ отражались, какъ въ зеркалѣ въ спокойной тихой водѣ бухты.

Въ этотъ перiодъ года въ Россiи были лютые морозы, все было занесено снѣгомъ, а здѣсь въ этомъ благодатномъ краю тепло: офицеры и команда одѣты во все бѣлое. Офицеры по праздничому въ орденахъ и при сабляхъ.

Въ 5 ½ часовъ вечера послышались команды: — «На молитвенный флагъ. Молитвенный флагъ поднять».

Началась Всенощная Рождественскаго Сочельника. Благоговѣйно служилъ на «Громобоѣ» о. Георгій. Здѣсь, вдали отъ Родины, да еще въ такой великій праздникъ, особенно дороги каждому часы молитвы и родныя пѣснопѣнія.

Не даромъ говорится:—«кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался». Истово молились матросы на «Громобоѣ». Солнышко уже закатилось. Флагъ и гюйсъ спустили безъ церемоніи и безъ командъ, а все еще идетъ всенощная на «Громобоѣ» и на другихъ судахъ отряда. Запѣлъ хоръ вечернюю пѣсню Сыну Божію, священно-мученика Афиногена — «Свѣте тихій, святыя славы......» Просвѣтленными кажутся лица офицеровъ и команды. Точно въ эту святую ночь, когда родился Спаситель Міра пропало у вѣрующихъ людей представленіе о времени и пространствѣ. Вездѣ сейчасъ Спаситель, взявшій на себя наши грѣхи и рожденіемъ Своимъ несущій людямъ обѣтованіе о воскресеніи всей плоти.

«Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй мя грѣшнаго», шепчетъ суровый квартирмейстеръ съ двумя георгіевскими крестами на груди, осѣняя себя, узловатыми закорузлыми пальцами, крестнымъ знаменіемъ.

И вотъ среди этого благоговѣйнаго состоянія офицеровъ и команды «Громобоя» раздался надъ волшебной бухтой Пула-Вея ликующій Рождественскій тропарь: «Рождество Твое Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума, въ немъ бо звѣздамъ служащіи, звѣздою учахуся, Тебѣ кланятися Солнцу Правды и Тебѣ вѣдѣти съ высоты Востока: Господи Слава Тебѣ».

Щелкнули въ отдѣленіи динамо-машинъ рубильники - выключатели и на всѣхъ трехъ русскихъ крейсерахъ зажглась раскошная иллюминація. Прямыя линіи свѣтящихся электрическихъ лампочекъ опоясали ватеръ - линіи, фалшборты, мостики, орудія, мачты, реи. Между мачтами на каждомъ кораблѣ вспыхнулъ Крестъ, выдѣляющійся на черномъ фонѣ и точно парящій въ воздухѣ. Мильонами дрожащихъ струекъ отразилась иллюминація въ темной, какъ вороново крыло, гладкой поверхности воды.

Чудная, дивная картина и трудно ее описать для того, кто не видѣлъ ее лично. А сверху сіяли надъ «Громобоемъ», «Россіей» и «Богатыремъ» яркія, не наши, южныя созвѣздія и казалось молящимся, что осуществилась на землѣ пѣсня Ангеловъ восходящихъ на небо — «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ въ человѣкахъ благоволеніе».

Въ тѣ часы, когда молились русскіе моряки въ Пула-Веѣ, десятки туземныхъ пирогъ какъ тѣни скользили вокругъ кораблей и толпы туземцевъ на берегу любовались невиданнымъ зрѣлищемъ. Въ 7-мь часовъ вечера окончилась всенощная и на корабляхъ зажглись елки. На «Громобой» прибылъ губернаторъ Пула-Вея съ семьей.

Вновь оживилась жизнь на корабляхъ. «Команда по-вахтенно во фронтъ». Адмиралъ поздравилъ команду съ великимъ праздникомъ Рождества Христова и напоминая ей о далекой Россіи провозгласилъ «ура» въ честь Государя Императора.

Могучее «ура» раскатилось по бухтѣ, отдаваясь эхомъ въ темномъ лѣсу и сливаясь съ восторжен-

ными кликами туземцевъ на берегу. Сквозь крики «ура» слышались плавные аккорды нашего гимна «Боже Царя храни» который игралъ оркестръ «Громобоя». Затѣмъ музыканты заиграли «Николаевскій флотскій маршъ». Команда пошла къ елкамъ получать подарки.

На «Громобоѣ» у одной елки раздавалъ подарки адмиралъ, у другой—командиръ, а у третьей—старшій офицеръ. Музыка въ это время играла произведенія русскихъ композиторовъ. Поппури изъ народныхъ пѣсенъ, отрывки изъ оперъ «Жизнь за Царя», «Русланъ и Людмила» и т. д.

Какъ только были розданы подарки, музыканты были отпущены, дабы и они приняли участіе въ общемъ весельи. Команда, точно взрослые дѣти, радовалась и веселилась около елокъ. Образовались импровизированные хоры пѣсенниковъ. Понеслись русскія и малороссійскія пѣсни. Задорно весело танцевали камаринскую и гопака.

Общую радость раздѣлили и любимцы «Громобоя» плававшіе на немъ: бѣлый какаду «Пашка» и двѣ обезьянки «Яшка» и «Маргарита», которымъ матросы наперерывъ давали орѣхи и сладости.

Къ ужину адмиралъ приказалъ выдать командѣ по чаркѣ рому. Ужинъ кончился. Команда возбужденная, радостная разобрала койки и начала укладываться спать. Иллюминація и елки были потушены. Только въ офицерской каютъ - кампаніи еще до 2 чесовъ ночи горѣла маленькая елочка на столѣ въ гостинной, уставленной глубокими кожаными креслами. Тамъ вѣстовые разнесли горячій пуншъ, за которымъ, въ

мирной бесѣдѣ, вспоминая о родныхъ и Родинѣ, гдѣ въ это время тоже праздновали Рождество Христово, офицеры «Громобоя» любовались роскошной ночной панорамой бухты Пула-Вей.

Прошли года «Громобой», «Россія» и «Богатырь» пошли на сломъ, какъ все изломано и исковеркано въ Россіи теперь. Отошла эпоха, когда русскіе корабли показывались во всѣхъ моряхъ и океанахъ земного шара.

Но красота русской культуры, особенности ея православно-христіанскаго міровозрѣнія принадлежатъ вѣкамъ и какъ все прекрасное и духовное не могутъ, не должны погибнуть въ будущихъ русскихъ поколѣніяхъ.

Вотъ почему въ Святую ночь, когда родился Спаситель міра, мы съ умиленіемъ и радостью вспоминаемъ эту красоту нашей родной культуры; вотъ почему въ темную ночь нашего безвременія еще ярче, еще духовнѣе звучитъ для насъ пѣснь Ангеловъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ въ человѣкахъ благоволеніе».

Воля Народа.

Русско-Японская война окончилась заключеніемъ мира въ Портсмутѣ, по которому Россія уступила Японіи южную половину о-ва Сахалина. По этому поводу одинъ юмористическій журналъ* въ С.-Петербургѣ того времени писалъ: «Вниде въ градъ агарянскій—портъ-Смутъ именуемый, мужъ ризами богатъ, видомъ гнусенъ; и старѣйшины града призваша его: «чесо пришелъ еси?» и отвѣща:—«творю чудеса!» И проведя перомъ по бумагѣ—претвори островъ, въ полуостровъ. Мнози же сему чуду дивишася».

Но эти шутки, были смѣхомъ сквозь слезы. Правда, по Портсмутскому договору, уполномоченному Россіи С. Ю. Витте, удалось сравнительно благополучно ликвидировать войну, и дѣйствительно, только небольшая часть русской земли—южная часть о-ва Сахалина отошла отъ Россіи. Однако моральное и матеріальное потрясеніе нашей родины было огромно. Россія потеряла свой престижъ на Дальнемъ Востокѣ, она понесла огромныя экономическія потери. Она потеряла большую часть своего флота, бывшаго до этой войны, по количеству кораблей, третьимъ въ мірѣ. Русское, такъ называемое, прогрессивное общество въ эту злосчастную войну играло грустную роль. Всѣ тогдашнія политическія партіи Россіи, начиная отъ «кадетовъ» и до крайняго лѣваго фланга были «пораженцами». Для нихъ, пораженіе Россіи во внѣшней войнѣ—означало побѣду революціи.

---

* «Витова Пляска».

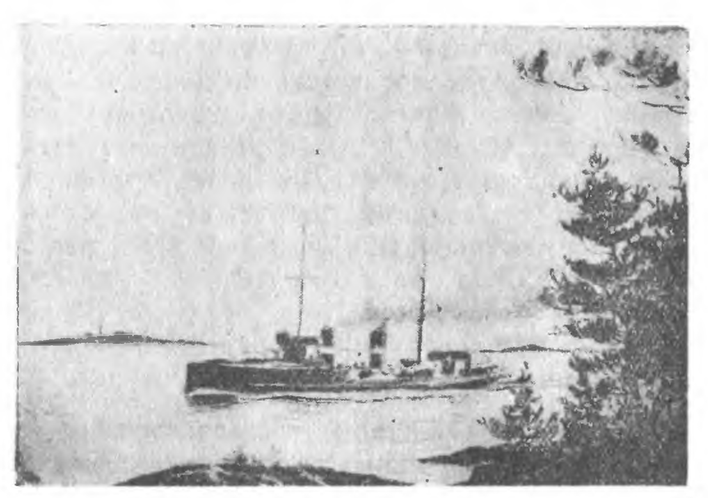
Такими «пораженцами», въ минувшую Европейскую войну, была партія большевиковъ. Теперь, когда послѣ Русско-Японской войны, прошло 25 лѣтъ, когда стали доступны почти всѣ секретные документы и матеріалы этой эпохи, можно съ увѣренностью сказать, что Русско-Японская война была нами проиграна, что называется зря. Не начнись внутри страны т. н. «освободительное движеніе», будь русское интеллигентное общество болѣе національно, болѣе культурно, съ болѣе крѣпкими нервами, война была-бы несомнѣнно выиграна.

Подрастающее нынѣ молодое русское поколѣніе должно изучать исторію этой войны. И, надо надѣяться, что, освободившись отъ злобы и ненависти нынѣшней смуты, это молодое поколѣніе сумѣетъ избавиться отъ недостатковъ русской интеллигенціи прошлаго времени. Намъ, молодымъ тогда, морскимъ офицерамъ, было особенно тяжело въ ту эпоху. флотъ и морское вѣдомство были особенно непопулярны въ этой интеллигентской средѣ Россіи. «Для чего намъ нуженъ флотъ? Зачѣмъ намъ море? Для чего бросать «народныя деньги», на эти дорогія игрушки?»

Вотъ тѣ вопросы, которыми насъ встрѣчали въ любыхъ слояхъ тогдашняго русскаго интеллигентнаго общества. Напрасно мы объясняли, что море это легкіе, которыми дышитъ страна, напрасно, съ цифрами въ рукахъ, доказывали, что **огромное тѣло Россіи** и такъ уже лишено этого живительнаго, оплодотвореннаго кислородомъ, свободнаго моря, исхода своимъ могучимъ внутреннимъ силамъ. Намъ не вѣрили. Тщетны были ссылки на исторію, подтверждающія неопровержимо, что всякая культура человѣческая развивается

гораздо нормальнѣе, спокойнѣе и быстрѣе, когда страна имѣетъ выходы къ свободному морю. Все было напрасно.—«Россіи флотъ не нуженъ. Россіи море не нужно». Таково было «общественное мнѣніе» Россіи.

Великое дѣло, столь трудно привившееся у насъ—казалось, погибало на нашихъ глазахъ.

Эскадренный миноносецъ «Пограничникъ» въ шхерахъ.

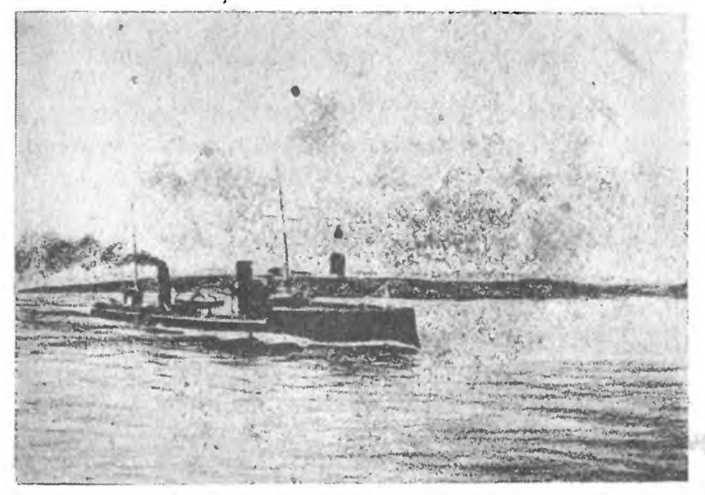
Въ 1696 году, основатель нашего флота, Императоръ Петръ Великій, записалъ въ своей книжкѣ: «Была убо Россія въ древніе оные времена довольно мужественна и храбра, но не довольно вооружена, ниже правильно расположена. И какъ политическая пословица сказуетъ о Государѣхъ морского флота не имущихъ, что тѣ токмо одну руку имѣютъ, а имѣющіе и флотъ — обѣ. Что и наша Россія одну токмо руку имѣла тогда».

И вотъ еще до окончанія Русско-Японской войны въ самыхъ нѣдрахъ нашего народа, какимъ-то необъяснимымъ инстинктомъ была понята эта простая истина. Можетъ быть я ошибаюсь, ибо это было давно, но кажется дѣло началось съ того, что откуда-то, изъ медвѣжьяго уголка нашей необъятной Россіи, въ Главный Морской Штабъ пришелъ денежный переводъ на нѣсколько рублей, адресованный: «Г-ну Марскому Мынистру въ Питирбурхъ», съ указаніемъ, что эти деньги по приговору «обчества» предназначаются на постройку новаго флота. Черезъ нѣкоторое время. такіе переводы большіе и малые начали поступать въ Морское Министерство со всѣхъ сторонъ Россіи. Очень много жертвовали солдаты, побывавшіе въ Маньчжуріи и повидимому на опытѣ уяснившіе себѣ, что будь у насъ въ эту эпоху флотъ на должной высотѣ, то можетъ быть и самой войны бы не было. Не пришлось-бы имъ ѣхать изъ какой нибуд Рязанской губерніи на далекія поля сраженій въ Маньчжурію.

Само Морское Министерство, загипнотизированное «общественнымъ» мнѣніемъ, сперва не рѣшалось повѣрить, что эти пожертвованія дѣйствительно выражаютъ волю народа къ постройкѣ флота. Однако деньги все прибывали и пришлось образовать особый комитетъ по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія. Было объявлено о существованіи этого комитета и притокъ пожертвованій еще усилился.

Изъ соотвѣтствующихъ «общественныхъ круговъ» былъ пущенъ слушокъ, что это, молъ, стараются исправники и прочіе чины администраціи. Настолько силенъ былъ гипнозъ, что русскій народъ дѣйствительно не желаетъ имѣть флотъ, что этотъ слухъ въ

Петербургѣ широко проникъ въ среду морскихъ офицеровъ, еще увеличивая моральный упадокъ, наступившій послѣ войны, но дѣйствительность показала совсѣмъ другое. Изъ жертвуемыхъ копѣекъ и рублей образовались десятки тысячъ, потомъ сотни тысячъ и,наконецъ, милліоны рублей.

Эскадренный миноносецъ 3-го Дивизіона (типа «Бдительный») у маяка Грохару.

Встали—не бужены,
Вышли—не прошены.
Жита по зернышку,
Горы наношены.
Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и безсильная,
Матушка Русь!..

(Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»).

Въ конечномъ результатѣ сумма пожертвованій достигла 18 милліоновъ рублей. Среди массы мелкихъ грошевыхъ пожертвованій были и крупныя, достигавшія нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей.

Долго думали, какъ использовать эти суммы такъ, чтобы построить на нихъ съ одной стороны дѣйствительно боевыя суда, а съ другой, чтобы удовлетворить по возможности всѣхъ жертвователей.

Рѣшили построить 18 эскадренныхъ миноносцевъ, лучшихъ по тогдашнему времени, давъ нѣкоторымъ изъ нихъ имена крупнѣйшихъ пожертвованій.

И вотъ среди этихъ 18 эскадренныхъ миноносцевъ появились: «Войсковой» (жертвы офицеровъ и солдатъ), «Донской Казакъ», «Забайкалецъ», «Уссуріецъ», «Амурецъ» (жертвы казачьихъ войскъ), «Пограничникъ» (отдѣльный корпусъ пограничной стражи), «Финнъ» (населеніе Великаго Княжества Финляндскаго), «Эмиръ Бухарскій» (отъ Эмира Бухарскаго), «Москвитянинъ» (отъ Москвы) и, наконецъ, никогда не встрѣчавшійся раньше въ спискахъ русскаго флота «Ставропольскій Трухменецъ». На эти же средства былъ выстроенъ также самый быстроходный въ то время турбинный эскадренный миноносецъ «Новикъ» (1200 тоннъ, 36 узловъ).

Сверхъ того, были построены еще 4 маленькихъ подводныхъ лодки. Когда суммы на постройку были израсходованы, то оказалось, что осталось еще 900 тысячъ рублей.

Августѣйшій Предсѣдатель Особаго Комитета по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертво

ванія Е. И. В. Великій Князь Александръ Михайловичъ обратился съ воззваніемъ къ жертвователямъ и просилъ ихъ высказаться о томъ, что долженъ ли комитетъ продолжать свою дѣятельность въ прежнемъ направленіи или же они найдутъ болѣе желательнымъ обратить оставшуюся наличность на созданіе воздушнаго флота.

Подавляющее большинство жертвователей отвѣтило, что они считаютъ необходимымъ созданіе и воздушнаго флота. На основаніи этого комитетъ озаботился прежде всего подготовкой личнаго состава авіаціи и поэтому заграницу, на его средства, были посланы обучаться воздухоплаванію первые русскіе военные летчики—8 офицеровъ и 7 нижнихъ чиновъ. А комитетъ продолжилъ сборъ пожертвованій уже на воздушный флотъ. На это дѣло, въ теченіе трехъ лѣтъ поступило пожертвованій еще 354 тысячи рублей. Комитетъ пріобрѣлъ на одинъ милліонъ рублей разнаго авіаціоннаго имущества, въ томъ числѣ 90 самолетовъ и организовалъ первыя въ Россіи авіаціонныя школы въ Севастополѣ и въ Гатчинѣ, близъ С.-Петербурга.

Въ дополненіе къ помянутымъ выше «Новику» и 18 эскадреннымъ миноносцамъ морское министерство на свои средства построило еще 18 эскадренныхъ миноносцевъ. Такимъ образомъ толчокъ, данный народнымъ подъемомъ, положилъ начало въ Россіи воздушнаго флота и создалъ ядро для возсозданія Балтійскаго флота.

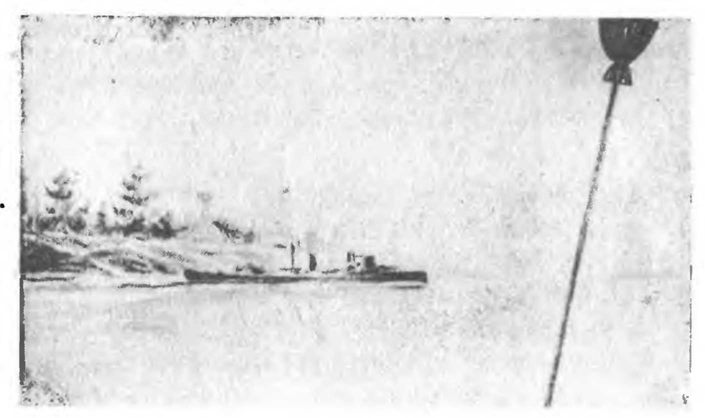
Изъ 36 эскадренныхъ миноносцевъ была сформирована первая минная дивизія подъ флагомъ Свиты Его Величества контръ-адмирала Н. О. Эссена, ставшая

школой командировъ, офицеровъ и команды возрождающагося Балтійскаго флота. Нынѣ мы можемъ съ гордостью сказать, что эта «Эссеновская школа» была одна изъ лучшихъ въ мірѣ.

Слѣдующія суда этой дивизіи были построены на добровольныя пожертвованія: эскадренные миноносцы въ 615 тоннъ съ ходомъ 25 узловъ, составившіе полудивизіонъ особаго назначенія: «Генералъ Кондратенко», «Сибирскій Стрѣлокъ», «Охотникъ» и «Пограничникъ»; 6 эск. миноносцевъ въ 570 тоннъ съ ходомъ въ 25 узловъ: «Финнъ», «Эмиръ Бухарскій», «Москвитянинъ», «Амурецъ», «Уссуріецъ» и «Доброволецъ»; 8 эск. миноносцевъ въ 500 тоннъ, съ ходомъ въ 27 узловъ: «Украйна» и «Войсковой», укомплектованные Гвардейскимъ Экипажемъ, и перваго Балтійскаго Экипажа «Казанецъ», «Страшный», «Стерегущій», «Донской Казакъ», «Забайкалецъ» и «Ставропольскій Трухменецъ».

«Ну, и ублажили», говорилъ командиръ послѣдняго, вселый, коренастый, жизнерадостный кап. 2 ранга В., прозванный во флотѣ «Николашкой». «Назначили командовать кораблемъ, а чье имя онъ носитъ такъ и не добьюсь, прямо стыдобушка. Ходилъ въ комитетъ по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія, тамъ сказали, что по Высочайшей волѣ имена «доброхотнымъ» судамъ давали въ зависимости отъ группъ населенія и отъ мѣстности, откуда были получены пожертвованія. Оказывается, какіе-то трухменцы Ставропольской губерніи пожертвовали 200 тысячъ рублей, вотъ ихъ именемъ и назвали мой корабль. А какъ теперь объяснишь ввѣренной мнѣ командѣ, чье имя съ честью долженъ носить нашъ миноносецъ?»

Вскорѣ по вступленіи въ строй, первая минная дивизія превратилась въ блестящую бревую часть. Натренированные постояннымъ плаваніемъ, ея дивизіоны изборроздили весь Финскій Заливъ, ходили безъ лоцмановъ по такимъ шхернымъ фарватерамъ, куда и на болѣе мелкихъ судахъ не рискнулъ бы сунуться самый старый и опытнный финляндецъ-лоцманъ. Вмѣсто унынія и упадка духа на ней создалась атмосфера бодрости, энергіи и трудолюбія.

Эскадренный миноносецъ Полудивизіона Особаго Назначенія въ шхерахъ.

Въ минуты отдыха въ гаваняхъ и на рейдахъ неслись веселыя пѣсни. Миноносцы щеголяли изумительнымъ внѣшнимъ видомъ, къ которому не могъ бы придраться самый строгій морской глазъ. Минныя и артиллерійскія стрѣльбы, погрузка угля, эволюціи, сигнало-производство, шлюпочное ученіе, совмѣстныя плаванія въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, маневры, — все было блестяще на первой минной дивизіи. Она заслуженно сдѣлалась образцомъ и гордостью Балтійскаго флота!

Прослышали, повидимому, про нее и безчисленные невѣдомые жертвователи, на гроши которыхъ въ своей доброй половинѣ она была создана. То «Москвитянинъ» получитъ богатый подарокъ отъ матушки Москвы, то «Донской Казакъ» икону Донской Божьей Матери, расшитую жемчугомъ нѣжными ручками казачекъ изъ области войска Донского. То «Эмиръ Бухарскій» получитъ рѣдкій по красотѣ старинный текинскій коверъ отъ Его Высочества Сеидъ-Міръ-Алима Эмира Бухарскаго. Только «Ставропольскій Трухменецъ» не получалъ ни привѣта, ни подарка по той простой причинѣ, что и самъ онъ не зналъ, кто были тѣ жертвователи, на средства которыхъ онъ зародился.

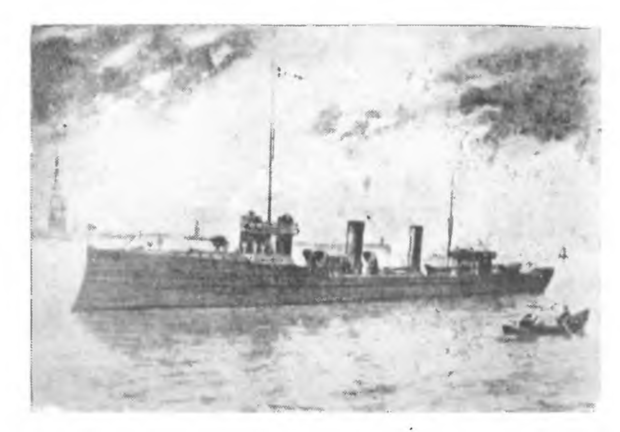
Незадолго передъ минувшей Европейской войной морскія силы Балтійского моря готовились приступить къ обычнымъ осеннимъ маневрамъ. «Новикъ» и первая минная дивизія, принявъ нужное количество нефти и угля, находились въ Ревельской гавани, «Рюрикъ», бригада крейсеровъ, бригада линейныхъ кораблей, отрядъ заградителей и учебно-артиллерійскій отрядъ стояли на Ревельскомъ рейдѣ.

*
* *

Подкатившій къ Ревельскому вокзалу утренній петербугскій «почтовый» пришелъ во-время. Яркіе лучи солнца заливали красивый готическій Ревель.

Изъ подошедшаго поѣзда высыпала шумная толпа пассажировъ съ портъ-пледами, саками и пр.

На перронѣ стояла обычная сутолока, добраго, стараго времени. Слышались призывы носильщиковъ, выкрики комиссіонеровъ гостиницъ, возгласы и поцѣлуи встрѣчающихъ и провожающихъ. Среди этой

Эскадренный миноносецъ
«Туркменецъ Ставропольскій».

4-ый Дивизіонъ 1-ой Минной
Дивизіи.

Ревельскій рейдъ.

суматохи, обратило на себя вниманіе, что изъ одного вагона III класса, вслѣдъ за эстонками съ молокомъ, русскими мужиками и нѣсколькими солдатами, вышелъ какой-то азіатецъ въ зеленомъ халатѣ, съ маленькой бѣлой чалмой на головѣ, а за нимъ человѣкъ пять людей, похожихъ на киргизовъ, въ ватныхъ халатахъ и какихъ-то малахаяхъ на головахъ. Человѣкъ въ чалмѣ со своими спутниками пошелъ къ багажному вагону, постоявши тамъ и посмотрѣвъ, какъ разгружаютъ вагонъ, онъ и «малахаи» вошли въ багажное отдѣленіе. Вскорѣ эта странная группа появилась на вокзальной площади; двое изъ нихъ несли за ручки довольно большой сундукъ, обитый зеленой жестью.

Человѣкъ въ чалмѣ—«мулла», какъ тотчасъ-же рѣшили проходившіе двое мастеровыхъ, подошелъ къ городовому и ломанымъ русскимъ языкомъ спросилъ его, гдѣ можно посмотрѣть флотъ. Слегка изумленный городовой, показалъ рукой по направленію къ порту.

Нѣсколько времени спустя, эти странные люди, со своимъ сундукомъ уже объяснялись у воротъ Ревельской военной гавани съ дежурнымъ чиномъ портовой полиціи. На просьбу послѣдняго «предъявить документъ», мулла бережно вынулъ изъ за пазухи халата удостовѣреніе главнаго Морского Штаба, въ которомъ предписывалось оказать «возможное содѣйствіе» по осмотру военныхъ судовъ въ Ревелѣ, депутаціи Туркменцевъ Ставропольской губерніи. Какъ часто бываетъ въ документахъ, выданныхъ центральными учрежденіями, въ удостовѣреніи не было упомянуто, что именно желаетъ осматривать депутація.

На основанiи этого удостовѣренiя чинъ портово полицiи любезно пропустилъ депутацiю въ портъ.

Близокъ полдень. Дивизiоны миноносцев стоятъ, ошвартовавшись кормами къ берегу. На стѣн кѣ положены сходни. Судовыя собаки, цѣлой своро гонявшiяся по стѣнкѣ, чуя наступленiе времен «харча», по одиночкѣ уже вернулись на свои миноно цы. Въ маленькой каютъ-компанiи «Ставропольска Трухменца», столь-же уютной и изящной, какъ и н другихъ миноносцахъ, собрались—командиръ* офицеры къ обѣду. «Восемь бить. Къ вину и обѣ дать», раздалось съ верхней палубы, и, когда пробил «8 склянокъ», означающiе полдень, то послышалс свистъ дудокъ и затѣмъ дружный крикъ унтеръ-офи церовъ: «Командѣ пить вино и обѣдать».

Такъ какъ тоже самое въ этотъ моментъ пр исходило на всѣхъ миноносцахъ, стоящихъ у стѣнки то—звонъ склянокъ, свистъ дудокъ и призывъ унтер офицеровъ къ обѣду—слился въ общую гармонiю столь знакомую каждому моряку, невольно возбужда аппетитъ. Дежурный офицеръ ** на «Ставропол скомъ Трухменцѣ», черезъ нѣсколько минутъ посл раздачи вина и пищи командѣ, какъ обычно, спусти ся въ каютъ-компанiю. Тамъ уже кончили закусыва и обѣдъ близился къ жаркому. «Ну, вотъ человѣчки говорилъ командиръ: «теперь похарчимъ, немнож вздремнемъ, а съ 2-хъ часовъ пожалуйте готовить

---

* На миноносцахъ командиръ обыкновенно столуется каютъ-компанiи.

** На миноносцахъ въ гаваняхъ, офицеры вмѣсто вах несутъ суточныя дежурства.

къ походу. Завтра въ 9 часовъ утра идемъ на маневры. Мы будемъ при линейныхъ корабляхъ, 2-ая дивизія при крейсерахъ. Маневры будутъ и днемъ и ночью и окончатся боишкомъ съ минными атаками съ обѣихъ сторонъ. Мнѣ въ штабѣ надавали цѣлый ворохъ письменныхъ инструкцій... такъ вы того... все это проштудируйте и значитъ завтра съ Богомъ».

«Ваше Высокоблагородіе!» крикнулъ съ трапа внизъ дежурному офицеру вахтенный унтеръ-офицеръ, «Васъ тамъ какіе-то киргизы спрашиваютъ».

На лицахъ командира и офицеровъ изумленіе— какіе могутъ быть киргизы въ Ревелѣ? Выскочивъ на верхнюю палубу, дежурный офицеръ увидѣлъ на стѣнкѣ знакомаго уже намъ муллу съ «малахаями» и зеленымъ сундукомъ. Приглашенный войти на палубу, мулла витіевато началъ объснять дежурному офицеру: «Нашъ народъ степь живи, ничего не знай, моря не знай, кибитка живи, лошадка гоняй—бѣдный народъ. Слыхалъ надо флотъ,—по I рубль съ кибитка собирай, «тамга»* человѣкъ гоняй губернскій городъ, тамъ отдавай казна, больше ничего не знай. Думалъ «тамга» пропадай. Теперь наши люди губернскій городъ былъ, слыхалъ на наша «тамга» миноноса строилъ. Насъ народъ посылай—посмотри; пожалуйста, извини». Послѣ этого мулла съ низкимъ поклономъ, подалъ офицеру удоствѣреніе Главнаго Морского Штаба. Затѣмъ молчаливые спутники муллы, бережно внесли на палубу «Ставропольскаго Трухменца» свой сундукъ и живописной группой остановились, съ любопыт-

* Тамга - деньги.

ствомъ осматривая окружающее ихъ, невиданное ими чудо современной техники. «Занятный народъ», слышалось среди матросовъ. «Въ сундукѣ надо быть ихъ монатки, вѣдь откеле ѣхали! У нихъ вѣдь все свое съ собой».

Депутація спустилась въ каютъ-компанію. Мулла опять столь - же подробно началъ объяснять командиру цѣль ихъ пріѣзда.

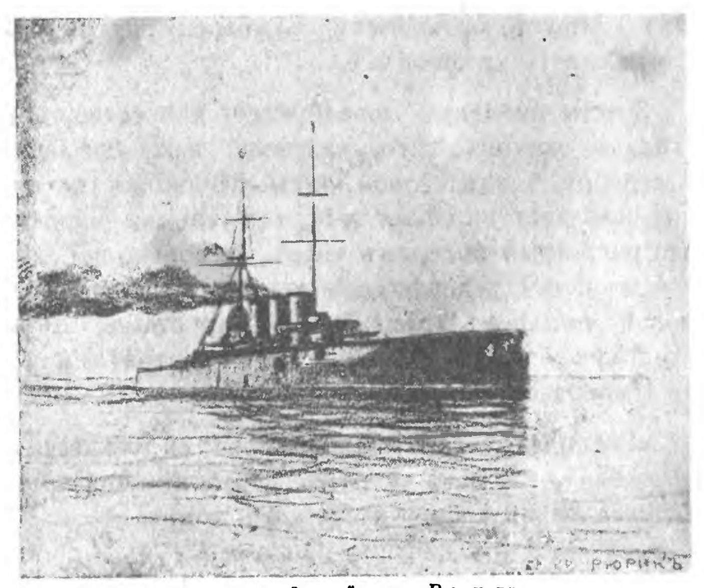
Узнавъ о ихъ блужданіяхъ, пока они нашли «Ставропольскій Трухменецъ», командиръ и офицеры прежде всего озаботились ихъ покормить.

Каютъ-компанія наполнилась небываломъ въ ней запахомъ бараньяго мѣха.

Разспрашивая подробно о ихъ житьѣ въ ставропольскихъ степяхъ, глубоко растроганные ихъ пріѣздомъ, командиръ и офицеры начали думать, какъ-бы помѣстить эту депутацію на время маневровъ. По окончаніи обѣда мулла сказалъ, что его людямъ надо пойти наверхъ; понявъ нѣчто совсѣмъ другое, командиръ мигнулъ вѣстовому, чтобы тотъ проводилъ. Черезъ нѣсколько минутъ безгласные «малахаи», грохоча по трапу, спустили въ каютъ-компанію свой сундукъ. Командиръ и офицеры съ изумленіемъ смотрѣли на это, не понимая въ чемъ дѣло. Мулла всталъ и торжественно началъ говорить:

«Нашъ народъ, бѣдный народъ. Ничего не знай, пожалуйста, прости. Намъ сказалъ, когда видишь нашъ миноноса, пожалуйста, поклонись отъ насъ; маленькій подарака присылалъ, пожалуйста, извини».

После этого «малахаи» открыли сундукъ. Въ немъ оказалась, примѣрно въ полтора пуда вѣсомъ, удивительной красоты серебрянная братина, работы Хлѣбникова,* ввидѣ юрты, у входа въ которую сидитъ туркменка, кормящая грудью маленькаго, смуглаго ребенка. Рядомъ съ юртой, чудной работы статуэтка темно-гнѣдой лошади степного типа, на кото-

Броненосный крейсеръ «Рюрикъ».
Постройки 1906 г., 16.930 тоннъ, 21 узелъ, 4 - 10 дм., 8 - 8 дм., 20 - 120 м/м, 4 - 47 м/м и 8 пулеметовъ.

рую садится верхомъ въ халатѣ туркменецъ. Вокругъ юрты, въ маленькихъ углубленіяхъ, было 12 чарочекъ, позолоченныхъ внутри, ввидѣ тибетеекъ. ** Къ брати-

* Извѣстный московскій ювелиръ.

** Тибетейка—азіатская шапочка.

нѣ, отдѣльно прилагался большой позолоченный под-носъ, на которомъ синей эмалью, русской вязью было написано: «Родной миноносецъ, гордись вѣрной службой Царю и Родинѣ и помни, что за тебя молится любящій Тебя Туркменскій народъ». Та-же надпись той-же синей эмалью, была написана съ другой стороны подноса арабскими буквами, на туркменскомъ языкѣ. Конусъ юрты былъ съемный и внутрь можно было наливать крюшонъ.

Этотъ шедевръ ювелирнаго искусства, былъ настолько хорошъ, что, казалось, юрта сдѣлана не изъ серебра, а изъ черной кошмы, рубашка на туркменкѣ изъ настоящей матеріи, а эмаль на чарочкахъ точно расшитый бисеромъ узоръ. Невольно прослезившіеся, командиръ и офицеры торжественно поставили дорогой подарокъ временнно на простомъ столикѣ, покрытымъ бѣлой скатерью, подъ портретомъ Государя Императора.

«Господа», сказалъ командиръ: «я сейчасъ ѣду въ Штабъ, а вы пока устройте депутацію такъ, чтобы они чувствовали себя у насъ, какъ дома».

Потрясенные и до глубины души растроганные, офицеры не знали, какъ усадить и устроить муллу и его спутниковъ въ тѣсныхъ миноносныхъ каютахъ.

Они показали депутаціи весь миноносецъ отъ мостика до киля. Восторженное изумленіе, не сходило съ лица муллы и «малахаевъ», когда они осматривали командирскую рубку, машины, радіотелеграфную рубку, кочегарки, минные аппараты, пушки и пр. Вернув-

шись командиръ заявилъ, что адмиралъ приказалъ просить депутацію идти на маневры на «Ставропольскомъ Трухменцѣ». Мулла, узнавъ объ этомъ радостно закивалъ головой, понявъ, что маневры—это «игра въ войну». «Хорошо, очень хорошо, балшой спасибо», говорилъ онъ. Когда онъ сообщилъ это «малахаямъ», радостныя улыбки и загорѣвшіеся глаза ихъ показали, какъ они этому обрадовались.

Странное зрѣлище, представлялъ собою мостикъ «Ставропольскаго Трухменца», выходящаго на другой день утромъ, вмѣстѣ съ остальными миноносцами І-ой дивизіи, изъ воротъ Ревельской военной гавани. Толстенькая, коренастая фигура, съ краснымъ, какъ кирпичъ, лицомъ, его командира, выдѣлялась на фонѣ халатовъ депутаціи, рядомъ съ бѣлой чалмой муллы. Выйдя на рейдъ, «Ставропольскій Трухменецъ» прибавилъ ходъ и подъ молодецкимъ управленіемъ своего командира, понесся подъ корму флагманскаго корабля, броненоснаго крейсера «Рюрикъ».

Тамъ бѣлой лентой разсыпалась вдоль бортовъ и на мостикахъ, команда. Ярко блестѣли мѣдныя трубы оркестра на ютѣ и громовое «ура» неслось на встрѣчу летящему по рейду миноносцу.

«Рюрикъ» все ближе, сквозь раскаты «ура», ясно слышны звуки «старо-Егерскаго» марша.

Кажется, миноносецъ ударится въ корму гигантскаго корабля, но нѣтъ... Повинуясь знаку, сдѣланному рукой командира, лихой рулевой слегка «отводитъ» и вотъ черезъ секунду, буквально въ нѣсколькихъ

шагахъ отъ изумленной депутаціи, стоящей на крылѣ мостика, мелькаетъ ослѣпительно чистая, громадная, точно учебный плацъ, палуба на ютѣ «Рюрика», и свѣтлымъ пятномъ выдѣляющаяся на ней группа офицеровъ штаба Командующаго морскими силами Балтійскаго моря и стоящій впереди нее—самъ Командующій вице-адмиралъ Эссенъ.

«Рюрикъ» остался позади. Вслѣдъ за «Ставропольскимъ Трухменцемъ», ему «рѣжутъ» корму остальные миноносцы дивизіи, съ которыхъ, на привѣтствіе адмирала непрерывно несется: «Здравія желаемъ Ваше Превосходительство!»

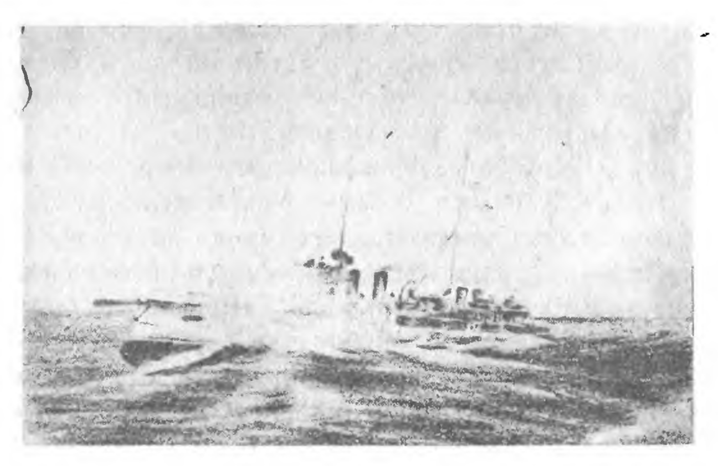
Минная дивизія подходитъ къ Наргену, «Рюрикъ», бригада линейныхъ кораблей и бригада крейсеровъ идутъ за ней въ кильватерной колоннѣ.

Флотъ уже на главномъ фарватерѣ. Бригада крейсеровъ, по сигналу съ «Рюрика», отдѣляется, направляясь въ портъ, гдѣ она соединившись со 2-ой минной дивизіей, станетъ «противникомъ» бригады линейныхъ кораблей и 1-ой минной дивизіи.

«Рюрикъ» и линейные корабли продолжаютъ свой путь, окруженные эскадренными миноносцами, направляясь въ другой портъ, откуда они начнутъ «военныя дѣйствія».

Маневры проходили какъ обычно. Развѣдчики, среди которыхъ былъ «Ставропольскій Трухменецъ», открыли развѣдчиковъ «противника». Послѣ ряда стычекъ, часть развѣдки одной изъ сторонъ, по при-

говору посредниковъ, была признана отогнанной. Главныя силы «противника» были нащупаны, и, наконецъ, на третій или четвертый день маневровъ произошло столкновеніе главныхъ силъ, во время котораго, миноносцы каждой стороны произвели атаку на большіе корабли «противника».

Эскадренный миноносецъ 4-го дивизіона (типа «Молодецкій») въ свѣжую погоду.

Собственно говоря, эта дневная атака, во время эскадреннаго боя большихъ кораблей, и была главной цѣлью этихъ маневровъ.

Однако, не эти высокія задачи тактики были интересны нашей депутаціи, крѣпко подружившейся, за время маневровъ, съ каютъ-компаніей «Ставропольскаго Трухменца», ее потрясло само зрѣлище — атаки, когда «Ставропольскій Трухменецъ» повинуясь общему сигналу, вмѣстѣ съ остальными 35-ью миноносцами, задрожалъ подъ ударами своихъ могучихъ винтовъ,

и, волоча за собой громадный бурунъ взбитой ими пѣны, весь купаясь въ брызгахъ воды, понесся по направленію, виднѣющагося вдали «Громобоя», идущаго 16-ти узловымъ ходомъ въ головѣ бригады крейсеровъ. «Ставропольскій Трухменецъ», довелъ ходъ до «полнаго». Восторженно - испуганными глазами смотрѣли бѣдныя дѣти степей на потрясающую картину общей минной атаки. «Какъ его бѣгай, ай какъ бѣгай!» тихо шепталъ мулла, стоящему около него мичману. Блески выстрѣловъ опоясывали бортъ идущаго навстрѣчу «Громобоя», обозначающаго «отраженіе минной атаки» бѣглымъ огнемъ. Удары пушечныхъ выстрѣловъ глухо раскатывались среди шума волнъ и стука машинъ. Еще нѣсколько минутъ и миноносцы на дистанціи миннаго выстрѣла. «Право на бортъ». Изъ всѣхъ минныхъ аппаратовъ грузно шлепаются въ воду мины съ учебными зарядными отдѣленіями, и нырнувъ, точно касатки, оставляя за собой струящійся слѣдъ, несутся къ «Громобою». Громкій вой сирены обозначаетъ моментъ выпуска минъ. Этого не выдержали даже молчаливые «малахаи» — дикій, воинственный крикъ, вырвался изъ ихъ устъ — нѣчто вродѣ «уръ яу!», «Попадалъ, правда попадалъ!», восторженно крикнулъ мулла. Мичоносецъ пронесся мимо траверза «Громобоя». Съ послѣдняго, условленнымъ сигналомъ, передали, что одна мина попала въ бортъ.

Маневръ оконченъ. Миноносцы обѣихъ сторонъ подбираютъ плавающія на мѣстѣ атаки, выпущенныя ими мины.

Всѣ мины выловлены. Данъ «отбой» маневра

Флотъ возвращается въ Ревель, 2-ая минная дивизія въ Гельсингфорсъ.

На пути въ Ревель, въ каютъ-компаніи «Ставропольскаго Трухменца», вновь и вновь велись безконечные разговоры съ муллой о флотѣ, о маневрахъ, о жизни ихъ народа въ степяхъ Ставропольской губеріи. Выяснилось, что настоящее названіе ихъ туркмены или туркменцы. Вѣроятно, «препроводительная бумага», посланная изъ Ставрополя съ ихъ пожертвованіемъ, заключала въ себѣ ошибку и ихъ назвали въ ней «трухменцы».

Опять Ревельская гавань. Швартовы поданы на берегъ, сходни положены на стѣнку.

Тихій луный вечеръ. Темная аллея парка Екатериненталь.

Тамъ еще тогда былъ старый деревянный домикъ, въ которомъ жилъ Императоръ Петръ Великій. Если-бы Великій основатель Россійскаго Императорскаго Флота въ этотъ вечеръ прошелъ бы по этому древнему парку, взоръ его, вмѣсто галеръ, шнявъ и прочихъ судовъ его времени, увидѣлъ-бы на Ревельскомъ рейдѣ стройныя колонны громадныхъ кораблей сѣро-серебристаго цвѣта, освѣщенные блѣднымъ свѣтомъ луны. Сердце его съ радостью почувствовало-бы, что потомки не забросили, и не забыли дѣло, имъ начатое. Еще болѣе отрадно было-бы ему, еслибы онъ видѣлъ, что происходило въ большомъ ярко освѣщенномъ морскомъ собраніи, находившемся въ серединѣ Екатеринентальскаго парка. Туда, въ этотъ

вечеръ непрерывнымъ потокомъ, въ черныхъ плащахъ-накидкахъ, стекались адмиралы, командиры и офицеры съ судовъ Балтійскаго Флота.

Здѣсь въ этотъ вечеръ вице-адмиралъ Эссенъ давалъ прощальный ужинъ депутаціи туркменцевъ Ставропольской губерніи.

Всѣ въ сборѣ. Столы накрыты ослѣпительно бѣлыми скатертями. На столахъ хрусталь. Хорошая посуда. Въ глубинѣ зала оркестръ. «Ваше Превосходительство», докладываетъ флагъ - офицеръ: «депутація прибыла».

Бодрые, радостные звуки славянскаго «Сокольскаго» марша, оглашаютъ залъ. Въ дверяхъ показывается знакомый намъ мулла, въ зеленомъ халатѣ съ бѣлой чалмой на головѣ, смущенные «малахаи», командиръ и офицеры «Ставропольскаго Трухменца». Залъ отлашается криками привѣтствій.

Ослѣпленные яркимъ свѣтомъ, массой бѣлыхъ кителей, золотомъ погонъ и серебромъ аксельбантовъ мулла и его спутники проходятъ на почетное мѣсто къ столу, противъ адмирала. Всѣ сѣли. Музыка заиграла сюиту Бородина: «Въ степяхъ Средней Азіи».

По окончаніи ужина адмиралъ передалъ депутаціи отъ имени Балтійскаго Флота большой альбомъ въ хорошемъ кожаномъ переплетѣ, украшеннымъ серебромъ, въ которомъ на первой страницѣ была прекрасная фотографія эскадреннаго миноносца «Ставропольскій Трухменецъ», затѣмъ группа коман-

дира, офицеровъ и команды этого миноносца и далѣе многочисленные снимки судовъ Балтійскаго флота и ихъ жизни.

На другой день, въ маленькомъ «служебномъ» купэ I класса, пассажирскій поѣздъ, изъ Ревеля, увозилъ въ С-Петербургъ муллу и его спутниковъ. Съ ними уѣхалъ, въ далекія степи Ставропольской губерніи и альбомъ-подарокъ Балтійскаго флота дѣтямъ степей.

Тепло, и сердечно простились на Ревельскомъ вокзалѣ морскіе офицеры съ уѣзжающей депутаціей.

Вскорѣ послѣ этого, Высочайшимъ приказомъ по флоту и Морскому Вѣдомству эскадренный миноносецъ «Ставропольскій Трухменецъ» былъ переименованъ въ «Туркменецъ Ставропольскій».

***

Въ 1906 году рабочіе нашихъ судостроительныхъ заводовъ неустанно, день и ночь, стуча молотками, строили миноносцы на средства, пожертвованныя народомъ.

Когда эти корабли вступили въ строй, любой флотъ могъ позавидовать имъ, настолько они хорошо были построены.

Въ 1917 году тѣ-же рабочіе превратили въ отхожія мѣста всѣ жилыя помѣщенія на этихъ же миноносцахъ, которые, по словамъ революціонныхъ вождей, стали «народной собственностью».

Когда-же была выражена воля народа?

Тогда ли, когда туркменцы Ставропольской губерніи въ 1906 году собирали свои трудовые гроши для созданія Россійскаго Императорскаго Флота, или когда, въ 1917 году, «рабочіе и крестьяне», подъ руководствомъ германскихъ шпіоновъ и «вождей» изъ черты еврейской осѣдлости, на радость враговъ Россіи, разрушали этотъ Флотъ?

Кто мнѣ на это отвѣтитъ?

«Бушидо».

Зима 1904 года была холодной въ Санктъ—Петербургѣ. 23-го декабря Вѣрочка Кульчицкая, дочь извѣстнаго ученаго генерала, занимавшаго высокій постъ въ морскомъ министерствѣ, каталась на каткѣ Морского корпуса на Невѣ.

Вѣрочка окончила институтъ. Она была жизнерадостной, веселой дѣвушкой съ сѣро-синими глазами, съ густыми золотистыми волосами. Ея отецъ Андрей Ивановичъ Кульчицкій прославился своими путешествіями въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ и своими работами по океанографіи и астрономіи. Вѣрочка унаслѣдовала отъ него горячую любовь къ природѣ, къ морю въ особенности.

Оба ея брата учились въ Морскомъ корпусѣ. Старшій — Борисъ уже былъ младшимъ гардемариномъ; младшій—Юрій находился въ младшемъ общемъ классѣ.

Семья генерала Кульчицкаго была дружная, хорошая. Дѣти были воспитаны блестяще. Генералъ занималъ большую квартиру въ зданіи главнаго адмиралтейства.

Накатавшись вдоволь на конькахъ, раскраснѣвшаяся, бодрая Вѣрочка вернулась домой и, вбѣжавъ въ гостинную, радостно бросилась на шею своей матери.

Матушка Вѣрочки нѣжно обняла свою единствен ную дочку и заботливо спросила ее о здоровьи и о томъ было ли ей весело на каткѣ. Мать Вѣрочки сама дочь морского офицера, требовала непремѣнно чтобы дѣти съ малыхъ лѣтъ привыкали ко всякой погодѣ, не боялись бы сквозняковъ, сырости и рѣзкихъ перемѣнъ погоды.

Однако требованія эти, исходившія изъ веленія разума, не всегда отвѣчали тому, что чувствовало ея сердце, постоянно страшившееся возможныхъ заболѣваній ея дѣтей.

Вѣрочка съ восторгомъ разсказала матери: какъ она каталась на конькахъ, какіе новые пируеты она выучила, какъ было шумно и весело на каткѣ и какъ много знакомыхъ она тамъ встрѣтила. «Вѣрочка» сказала госпожа Кульчицкая: «завтра Сочельникъ. Гдѣ мы встрѣтимъ его?» Вѣрочка на секунду задумалась — «мамочка поѣдемъ въ церковь Морского корпуса. А потомъ на елку въ Морской корпусъ, хорошо?»

24-го декабря 1904 года въ 6 часовъ вечера началась всенощная подъ Рождественскій Сочельникъ въ церкви Морского корпуса.

«Благословенъ Богъ нашъ», провозгласилъ слабымъ, тихимъ голосомъ, старенькій священникъ настоятель храма корпуса—«всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ». Прекрасный хоръ пѣвчихъ гармонично отвѣтилъ:—«Аминь». Въ церкви былъ полумракъ. Передъ иконами сіяли лампады. Слегка потрескивали восковыя свѣчи въ паникадилахъ. На стѣнахъ повсюду куда доходилъ отсвѣтъ свѣчей, были видны мрамор-

ныя доски — черныя съ именами тѣхъ питомцевъ Морского корпуса, которые были убиты въ сраженіяхъ и сѣрыя — съ именами тѣхъ, кто погибъ при кораблекрушеніяхъ. Въ правой половинѣ церкви стройными рядами стояли 50 — 60 кадетъ и гардемаринъ. Это всѣ тѣ, кому некуда было ѣхать въ Рождественскій отпускъ или же тѣ изъ отпускныхъ, кто жилъ въ Санктъ - Петербургѣ и пришелъ помолиться въ церковь корпуса. Съ лѣвой стороны церкви стояли посторонніе и впереди нихъ жена и дочь генерала Кульчицкаго. Самъ генералъ, вмѣстѣ съ другими высшими чинами морского министерства, присутствовалъ у всенощной въ морскомъ соборѣ Святого Спиридонія Святителя Тримифунскаго.

Вѣрочка всей душой ушла въ молитву. У нея съ дѣтства создалось чувство особой радости и покоя когда она молилась. Въ Святую Ночь, когда родился Спаситель Міра, ей всегда казалось, что наступаетъ время, когда люди поймутъ, что только Вѣра, Надежда и Любовь могутъ спасти міръ отъ злобы, вражды, страданій, зависти и лжи. Съ облегченной душею она ушла въ молитву, а губы ея безвучно шептали — «Господи спаси папу, маму, братьевъ, меня грѣшную и всѣхъ людей на землѣ». Она не замѣчала стоящихъ близъ нее людей. Не видѣла она и того, что невдалекѣ, около самой стѣны скромно стоялъ, небольшого роста, неказистый человѣкъ въ незнакомой иностранной морской формѣ съ рѣзко выраженными азіатскими чертами лица. Этотъ человѣкъ былъ помощникъ японскаго морского агента въ Санктъ-Петербургѣ капитанъ-лейтенантъ Асай Нирутака. Онъ пришелъ въ церковь Морского корпуса, чтобы посмотрѣть русское Рож-

дественское богослуженіе, чтобы побывать тамъ, гд[е] ему еще бывать не приходилось. Онъ не былъ хри[-] стіаниномъ, но торжественность и красота правосла[в-] наго богослуженія, нашли откликъ въ его душѣ. Он[ъ] понималъ русскій языкъ и его удивляла проникнове[н-] ность и глубина Рождественскихъ пѣснопѣній.

«Слава въ Вышнихъ Богу» ликующе запѣлъ хор[ъ] «днесь воспріемлетъ Вифлеемъ Сѣдящаго присно с[ъ] Отцемъ, днесь Ангели Младенца рожденнаго боголѣп[-] но славословятъ: Слава въ вышнихъ Богу, и на земл[и] миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе».

Всенощная кончилась — опустѣлъ красивы[й] храмъ. Семья Кульчицкихъ собралась дома. Наскор[о] закусили, ибо у нихъ, по обычаю, въ Сочельникъ н[е] не вкушали пищи «до вечерней звѣзды» — ужинъ, от[-] кладывался на позднюю ночь, когда вернутся посл[е] елки.

Въ дамской половинѣ квартиры Кульчицкихъ хлопотали надъ вечерними туалетами. Въ «кадетской» комнатѣ появились лакированные ботинки, гладко вы-глаженные собственные мундиры съ особенными по-гонами, какіе могъ изготовлять только магазинъ офи-церскихъ вещей Скосорева. Во всѣхъ комнатахъ раз-носился ароматъ тонкихъ духовъ.

Въ 10 часовъ вечера Вѣрочка съ родителями и братьями, сіяющая, веселая съ ярко блестящими гла-зами, вошла въ огромный бѣлый залъ Морского кор-пуса. Съ хоръ неслись звуки прекраснаго оркестр[а]. Елка уже была зажжена, горя сотнями электрическихъ лампочекъ. Адъютантъ корпуса—молодой лейтенантъ съ блестящимъ серебряннымъ аксельбантомъ на пр[-]

вомъ плечѣ, дирижировалъ танцами. Эти танцевальные вечера на елкѣ въ Морскомъ корпусѣ бывали очаровательны и красотой дамскихъ туалетовъ, и блескомъ военныхъ формъ, и общимъ оживленіемъ.

«Вѣра Андреевна», подошелъ къ ней, въ промежуткѣ между танцами, адъютантъ: «разрѣшите васъ пригласить на вальсъ». Вѣрочка съ улыбкой подала ему руку. Во время танца адъютантъ сообщилъ ей, что капитанъ-лейтенантъ Асай Нирутака просилъ разрѣшенія быть представленнымъ ея матушкѣ и ей. По окончаніи вальса, адъютантъ подвелъ японскаго офицера къ госпожѣ Кульчицкой и къ Вѣрочкѣ и представилъ его. «Я немножко говорю по-русски», со страннымъ акцентомъ сказалъ японскій офицеръ, «но лучше по-англійски». Вѣрочка и ея мать заговорили съ нимъ по-англійски, стараясь разсѣять его смущеніе и застѣнчивость. Среди европейцевъ онъ казался какимъ то страннымъ, чужимъ, точно игрушечнымъ.

Онъ сказалъ, что къ сожалѣнію не танцуетъ и, что онъ жалѣетъ объ этомъ. Вѣрочка веселилась и танцевала, не замѣчая того, какъ ихъ новый знакомый просидѣлъ весь вечеръ рядомъ съ ея матерью, стараясь поддерживать разговоръ и бросая иногда на Вѣрочку взглядъ, въ которомъ отражались восхищеніе и грусть. По окончаніи танцевъ, какъ то неожиданно, капитанъ-лейтенантъ Нирутака оказался приглашеннымъ къ ужину къ Кульчицкимъ.

«Какъ бы я хотѣлъ», задумчиво сказалъ онъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ жизнерадостному, энергичному лейтенанту Кедрину, «чтобы Россія и Японія были бы друзьями». «А почему же намъ надо быть врагами?» спросилъ его лейтенантъ.

Японскій офицеръ ничего не отвѣтилъ и загадочно улыбнулся. На слѣдующій день госпожа Кульчицкая съ дочерью принимала многочисленныхъ посѣтителей, пріѣзжавшихъ поздравить ее со днемъ великаго праздника. Среди прочихъ появился и капитанъ - лейтанантъ Нирутака. Онъ горячо поблагодарилъ милую хозяйку дома за ея радушіе и всячески старался показать какое незабываемое впечатлѣніе оставило у него празднованіе Рождественскаго Сочельника. «Знаете», перемѣнившимся голосомъ, переходя на русскій языкъ, обратился онъ къ Вѣрочкѣ «я никогда не забуду того чуднаго пѣнія, которое я слышалъ вчера въ церкви, я немного нехорошо понялъ слова. Я помню только начало: — Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ... а дальше какъ?» Вѣрочка съ готовностью объяснила ему, что означаютъ слова: «и въ человѣцѣхъ благоволеніе». Она сказала ему, что это церковно-славянская форма выражающая идею стремленія къ добру, къ любви, къ взаимному прощенію.

Что, если у людей будутъ эти чувства, которыя имъ указалъ Спаситель міра, то только тогда будетъ миръ на землѣ. «Какъ это вѣрно», сказалъ Нирутака, «неужели у васъ въ Россіи это понимаютъ? Я думаю, что у васъ такъ говорятъ, но не всегда понимаютъ... Простите меня», спохватился онъ. Вѣрочка отвѣтила, что законъ любви и прощенія, данный намъ Спасителемъ Міра, не можетъ быть сразу понятъ и исполненъ всей массой людей, живущихъ на землѣ. Что этотъ законъ постепенно размягчаетъ сердца, постепенно подымаетъ людей надъ уровнемъ дикаго, животнаго

состоянія, но каждый долженъ идти своимъ путемъ, по мѣрѣ способностей и силъ и по велѣнію своей совѣсти. Вѣрочкѣ было трудно говорить съ японскимъ офицеромъ — онъ ей казался чуждымъ и его слова какъ будто искусственными. Это чувство помѣшало ей продолжать разговоръ. Посидѣвъ 10 минутъ Нирутака уѣхалъ.

Въ день Новаго Года онъ вновь появился въ домѣ Кульчицкихъ и взволнованно попросилъ мать Вѣрочки удѣлить ему нѣсколько минутъ для серьезнаго разговора.

Нескладно, переходя съ русскаго на англійскій языкъ, онъ повѣдалъ госпожѣ Кульчицкой, что увидѣвъ ея дочь на вечерѣ въ Морскомъ корпусѣ онъ убѣдился, что полюбилъ ее, что такой очаровательной, умной, образованной дѣвушки онъ никогда еще не видѣлъ и не увидитъ и, что онъ проситъ простить его за смѣлось и разрѣшить ему просить ея руки. Госпожа Кульчицкая отвѣтила ему, что въ Россіи дѣвушки сами выбираютъ себѣ мужей, что заставить дочь выйти замужъ она не можетъ, что пусть онъ самъ съ ней поговоритъ, но ей кажется, что условія, въ которыхъ выросли онъ и ея дочь слишкомъ различны, слишкомъ различны расы, къ которымъ они принадлежатъ и, что врядъ ли подобный бракъ могъ бы принести счастье и ему и ея дочери. «Развѣ можетъ быть моя дочь для васъ такой исключительной цѣлью, ради которой вы бы все забыли?» спросила она.

«О да! Она для меня выше всего, что есть на землѣ, кромѣ.. кромѣ одного... Вы знаете у насъ въ

Японіи говорятъ—«бушидо» — бу — это значитъ военный человѣк, ши—тотъ человѣкъ, который служитъ». «Военно-служащій?» спросила госпожа Кульчицкая. «Да! Да!» подтвердилъ, смѣшно присюсюкивая Нирутака: «воинъ...служащій». «До—значитъ дорога, путь—духовный путь. Это трудно объяснить вамъ, это у насъ въ Японіи выше всего, выше этого ничего быть не можетъ — это путь самураевъ».

Объясненіе капитанъ - лейтенанта Нирутака съ Вѣрочкой было очень коротко и очень тягостно для нихъ обоихъ. Вѣрочка, стараясь не обидѣть японскаго офицера, сказала ему, что она замужъ выходить не собирается, а если и выйдетъ, то только за человѣка, котораго она дѣйствительно полюбитъ, пока же она никого не любитъ.

Простившись со всѣми, капитанъ - лейтенантъ Асай Нирутака покинулъ домъ Кульчицкихъ. 23-го января состоялся разрывъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Японіей. 24-го января японскій посолъ, въ сопровожденіи чиновъ посольства, среди которыхъ былъ также и капитанъ - лейтенантъ Асай Нирутака, выѣхалъ изъ Санктъ-Петербурга въ Японію. Война началась 27-го января 1904 года.

Въ крѣпости Портъ-Артуръ вечеромъ 13-го февраля 1904 года съ тревогой ожидали новой попытки японцевъ заградить входъ съ помощью брандеровъ. Ночь была темная; по небу ползли тяжелыя тучи, сквозь которыя изрѣдка выглядывала луна, бросая серебристый свѣтъ на море и на темные силуэты горъ.

На одномъ изъ кораблей находился лейтенантъ Кедринъ, однимъ изъ первыхъ бросившійся изъ Санктъ-Петербурга въ Портъ-Артуръ на войну. Онъ только что провѣрилъ людей своего плутонга, осмотрѣлъ орудія, убѣдился, что онѣ заряжены.

Корабль, на которомъ онъ плавалъ, находился подъ парами, и въ эту ночь, будучи назначенъ для отраженія возможной атаки, стоялъ на якорѣ въ самомъ проходѣ близъ укрѣпленій Тигроваго Хвоста. Изрѣдка съ берега доносились голоса офицеровъ, обходящихъ свои батареи. На кораблѣ было тихо. Вдругъ въ воздухѣ взвилась ракета, пущенная съ сигнальнаго поста Высокой горы. Разорвавшись, она разсыпалась снопомъ ослѣпительно-яркихъ, точно электрическія звѣздочки, искръ, освѣтивъ широкое пространство на внѣшнемъ рейдѣ. Тамъ двигались какіе то силуэты. Мгновенно на береговыхъ батареяхъ вспыхнули лучи прожекторовъ и начали обшаривать все пространство внѣшняго рейда. Одновременно яркая зелено-желтая молнія блеснула на батареѣ №15 на Электрическомъ утесѣ и могучій ударъ выстрѣла 10-дюймоваго орудія громомъ прокатился по горамъ; за нимъ раздался ревъ канонады со всѣхъ батарей и съ кораблей, охраняющихъ проходъ.

Японскій брандеръ—пароходъ — «Янеяма Мару», ярко освѣщенный русскими прожекторами, шелъ по рейду, за нимъ виднѣлись въ лучахъ прожекторовъ черные силуеты еще 3 брандеровъ.

Если хоть одинъ изъ нихъ дойдетъ до прохода и затонетъ въ немъ, то русская эскадра будетъ окончательно закупорена во внутреннемъ бассейнѣ Портъ-

Артура. Это сознаютъ и русскіе и японцы. Вокругъ брандеровъ подымаются столбы всплесковъ, которые кажутся алмазными, освѣщаемые яркими электрическими лучами. Море вокругъ нихъ кипитъ отъ массы падающихъ русскихъ снарядовъ. На мостикѣ «Янеяма Мару» стоитъ капитанъ-лейтенантъ Асей Нирутака. Онъ впился обѣми руками въ поручни, онъ видитъ передъ собой только проходъ куда онъ долженъ дойти. Вдругъ передъ его глазами сверкнулъ ослѣпительный желто-красный свѣтъ, что то толкнуло, ударило его въ голову, жгучая боль заставила его рвануться, онъ почувствовалъ, что упалъ, рука его судорожно схватилась за грудь, гулъ и ревъ снарядовъ, грохотъ канонады точно начали удаляться, все дальше и дальше.

Онъ услышалъ странный звонъ, который постепенно заглушилъ все остальное и, среди мелодично звучавшихъ струнъ, до него донеслось отдаленное нѣжное пѣніе—то, что онъ слышалъ еще такъ недавно, тамъ далеко — у русскихъ: — «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ...» Капитанъ—лейтенантъ Асай Нирутака былъ убитъ взрывомъ русскаго снаряда, осколокъ котораго раздробилъ ему голову.

«Янеяма Мару», никѣмъ не управляемый, свернулъ со своего курса и вылетѣлъ на камни подъ Золотой горой. Остальные брандеры, не выдержавъ огня русскихъ батарей, атакованные русскими миноносцами, выбросились въ разныхъ мѣстахъ на берегъ Проходъ во внутренній бассейнъ оказался свободнымъ. Атака японскихъ брандеровъ не удалась. Только въ 4 часа утра смолкла канонада.

Лейтенантъ Кедринъ посланный осмотрѣть

«Янеяма Мару», взошелъ на горящій брандеръ съ нѣсколькими охотниками-матросами. Онъ быстро нашелъ фитили, которые тлѣли и тянулись къ адскимъ машинамъ, заложеннымъ въ трюмахъ брандера. Не теряя ни минуты онъ и его команда обрѣзали эти фитили, а затѣмъ приступили къ осмотру брандера. «Ваше высокоблагородіе!» крикнулъ одинъ изъ матросовъ «убитый японскій офицеръ на мостикѣ». Лейтенантъ Кедринъ вбѣжалъ по трапу на мостикъ. Тамъ лежалъ, уткнувшись лицомъ въ палубу, капитанъ-лейтенантъ Нирутака, изъ праваго виска его текла струйка крови. Русскіе офицеръ и матросы обнажили головы и осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ. «Подыми его братцы и поверни лицомъ кверху», сказалъ Кедринъ. Онъ узналъ убитаго японскаго офицера и ему, чуткому и вѣрующему, было особенно тяжело видѣть мертвымъ того, съ кѣмъ онъ еще такъ недавно ужиналъ вмѣстѣ. «Можетъ быть у него есть письмо на родину», подумалъ Кедринъ, «надо будетъ непремѣнно переслать». Онъ осторожно отвелъ руку покойнаго, судорожно прижатую къ груди, и вынулъ изъ внутренняго кармана тужурки, большой конвертъ. На немъ крупнымъ, какъ пишутъ дѣти урокъ чистописанія, почеркомъ было написано : «Господамъ Русскимъ Офицерамъ». Кедринъ доставилъ письмо на корабль.

При общемъ собраніи офицеровъ, конвертъ былъ вскрытъ. Въ немъ лежало письмо, тоже написанное по русски — оно было очень кратко.

«Я счастливъ отдать жизнь за Родину, исполняя завѣты «бушидо» и радъ умереть отъ вашей руки, храбрые русскіе воины. — Вы достойные враги. Прилагаемое письмо прошу переслать по назначенію».

Нирутака.

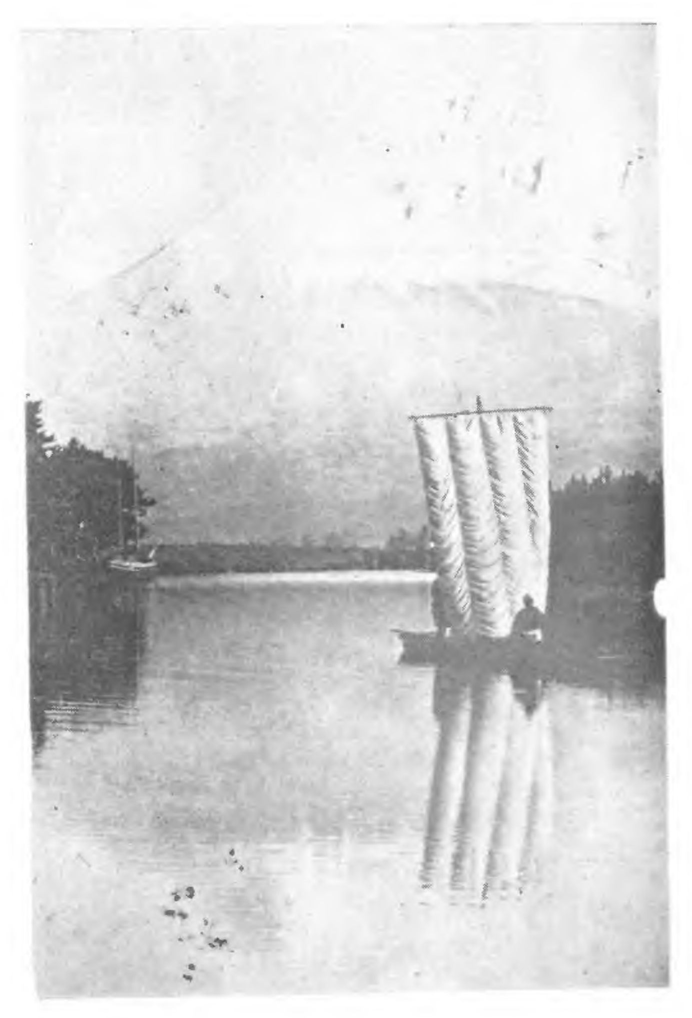
Внутри этого письма лежалъ маленькій конвертикъ, на которомъ, было написано. «Ея Превосходительству Вѣрѣ Андреевнѣ Кульчицкой. Зданіе Главнаго Адмиралтейства г. Санктъ-Петербургъ». Это письмо съ ближайшимъ курьеромъ было отправлено въ Петербургъ.

Кровавыя событія Русско-Японской войны отошли уже въ исторію. Но лучшимъ доказательствомъ величія духа обѣихъ націй служитъ памятникъ поставленный японцами на русскомъ братскомъ кладбищѣ въ Портъ-Артурѣ — «Доблестнымъ защитникамъ крѣпости Портъ - Артуръ—Императорская Японская Армія».

Мой разсказъ оконченъ. Я слышалъ его отъ одного изъ участниковъ Русско-Японской войны. Въ молодости мнѣ пришлось встрѣчать и Вѣрочку и ея родителей. Братья ея были моими однокашниками по Морскому корпусу. Для связности изложенія я, мѣстами, нѣсколько отошелъ отъ исторической правды, кромѣ того, всѣ имена вымышленны. Однако тема разсказа дана мною такъ, какъ я ее слышалъ и въ ней для насъ сейчасъ, мнѣ кажется, мы найдемъ много поучительнаго.

Современное безбожное человѣчество, отданное въ рабство Золотому Тѣльцу, въ погонѣ за наживой и земными благами, неизбѣжно идетъ къ трагическому концу, оставляя за собой проклятія, слезы, стоны, ложь, жестокость и нищету.

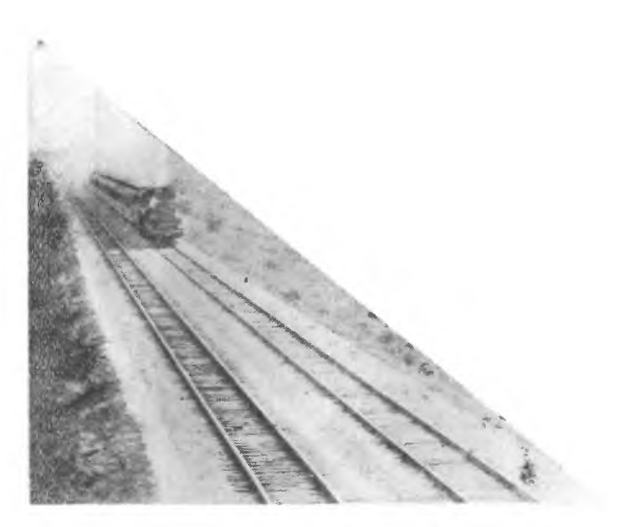
Между тѣмъ слова Спасителя нашего, а также и японское «бушидо» указываютъ намъ другой путь— путь любви и самоотверженія — единственный путь,

Въ Японіи.

У Портъ-Артура.

Въ Маньчжуріи.

ведущій къ миру и счастью на землѣ — ибо «больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя» (Ев. Іоанна, гл, 15, ст. 13).

Вотъ почему мнѣ близко, хоть и не христіанское, но великое духомъ японское понятіе—«бушидо». Вотъ почему, среди мрака нашего времени, мнѣ хочется напомнить братьямъ моимъ во Христѣ въ эту Святую Ночь, пѣснь Ангеловъ, восходящихъ на Небо: — «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ. Въ человѣцѣхъ благоволеніе».

Росиконъ Носокаміонъ.

Синей скатертью раскинулось Средиземное море. Его воды, точно расплавленный сапфиръ, омываютъ берега Европы, Малой Азіи и Африки. Кой гдѣ онѣ съ грознымъ шумомъ, неся бѣлыя гривы соленой пѣны на хребтахъ волнъ, набрасываются на берега. Въ другихъ мѣстахъ онѣ съ нѣжнымъ шепотомъ, точно ласкаясь, омываютъ прибрежныя скалы и песокъ.

Однимъ изъ красивѣйшихъ мѣстъ этого чуднаго моря является Афинскій заливъ. Большой портовый городъ Пирей кажется какимъ-то лишнимъ, ненужнымъ, среди волшебно-красивой игры красокъ лазореваго моря и красновато-желтыхъ береговъ, на которыхъ красиво выдѣляются оливковыя рощи и стройные зеленые кипарисы.

Здѣсь около Пирея мы находимъ такія очаровательныя мѣста, какъ Саламинскій рейдъ, Элевзинская бухта, и наконецъ, величайшую красоту древней Греціи эпохи Перикла — Афины съ дивнымъ Акрополемъ, храмомъ Тезея, театромъ Діониса, могилой Сократа......

Когда стоишь на кораблѣ на Саламинскомъ рейдѣ, не видя грязнаго Пирея, съ его шумной современной портовой жизнью, невольно въ мысляхъ воскресаетъ величественная картина Саламинскаго боя бывшаго въ 480 году до Рождества Христова. Чудится будто проходитъ передъ глазами стройныя галеры Фемистокла. На вершинѣ горы, смотрящейся въ синюю гладь залива, точно видишь золотой тронъ

Персидскаго Царя Ксеркса, окруженнаго блестящей восточной свитой, съ тревогой смотрящаго на кипящій внизу на заливѣ бой греческаго и персидскаго флотовъ.

А Элевзисъ съ его знаменитыми въ древней Греціи таинствами! А тамъ въ Афинахъ въ получасѣ ѣзды на электрическомъ поѣздѣ—Акрополь на скалѣ высотою въ 50 метровъ, такой прекрасный и величественный.

Сколько разъ, въ яркія лунныя ночи, я подымался на запыленномъ «амаксѣ»* къ этому чуду древняго зодчества. Какъ прекрасны бывали при лунномъ свѣтѣ бѣлыя мраморныя колоны, строгія фигуры Каріатидъ, Пропилеи и роскошный видъ на лежащія внизу Афины.

Когда стоишь среди этихъ памятниковъ когда то бившей ключемъ, не нашей, жизни, невольно отходишь отъ всего современнаго, въ сущности такого скучнаго и пошлаго. Смотря на Парфенонъ кажется, что это величайшее произведеніе исскуства, которое только разъ и могла создать культура древней Греціи. Кажется, что этотъ памятникъ является вершиной творчества великаго духомъ народа. Между тѣмъ въ 1893 году, въ Дельфахъ, былъ открытъ храмъ, который оказался прототипомъ Афинскаго Парфенона, но построенъ онъ былъ за 100 лѣтъ до него. Въ этомъ же храмѣ въ Дельфахъ нашли рѣдчайшій документъ — гимнъ богу Аполлону съ нотами. Благодаря этому документу до насъ дошли звуки, которые составляли музыку древней Греціи.

---

* По- гречески -- извозчикъ.

Но больше всего впечатлѣнія, среди этихъ древностей, производила на меня суровая скала древняго Ареопага. Здѣсь собирались мудрѣйшіе мужи Афинъ. Съ этой скалы пламенный Апостолъ языковъ Павелъ, въ горячей проповѣди, вѣщалъ Афинянамъ Евангеліе Спасителя Міра. «Афиняне», говорилъ онъ: — «по всему вижу, что Вы какъ бы особенно набожны» (Дѣяніе Ап. гл. 17, ст. 22). Эта проповѣдь сдѣлала пожилого, суроваго Діонисія Ареопагита христіаниномъ и, впослѣдствіи святымъ Православной Церкви.

Такъ въ Акрополѣ, въ Афинахъ сливается древній языческій міръ съ міромъ христіанскимъ. Когда стоишь здѣсь, то съ горечью чувствуешь какъ далеки современные бездушіе и торгашество и отъ того и отъ другого.

Древній миръ доросъ до того, чтобы воспринять Истину Евангелія. Первые вѣка христіанства понесли Истину по лицу всей земли. Но міръ современный это такое уродливое искаженіе Божьей Красоты и Правды, что съ жутью чувствуешь, какъ примѣнимы къ намъ слова Спасителя: — «если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете» (Ев. Луки, гл. 13, ст. 3).

Въ этомъ волшебномъ краѣ, около этихъ развалинъ, на берегу нѣжнаго залива Фаллеро, находилось въ доброе прежнее время, забытое нами теперь, большое русское дѣло. Это была прекрасная больница Русскаго Морского Министерства. По - гречески она называлась—«Росиконъ Носокаміонъ». Создана она была по мысли Августѣйшаго Шефа 2-го флотскаго экипажа покойной Королевы Эллиновъ Ольги Константиновны. Служила эта больница для лѣченія русскихъ

моряковъ, плававшихъ въ Средиземномъ морѣ, или же присылаемыхъ изъ Россіи для леченія въ тепломъ климатѣ.

Сама «Королевушка», какъ называли русскіе матросы Ея Величество, была хозяйкой этой больницы. Она же хлопотала, чтобы больнымъ давалось лучшее лѣченіе, чтобы они были удобно устроены, накормлены, чтобы забота о нихъ была бы не просто казеннымъ долгомъ, а дѣломъ сердечной, чистой любви и милосердія.

Удивительно красиво расположена эта больница. Бѣлое хорошее зданіе, залитыя солнцемъ чистыя палаты — одиночныя и двойныя, съ роскошнымъ видомъ на заливъ Фаллеро. Все это дѣлало пребываніе въ этомъ культурномъ русскомъ уголкѣ, истинной радостью для каждаго, кто сюда попадалъ.

Послѣ Русско-Японской войны, рѣдко русскіе военные корабли плавали въ Средиземномъ морѣ. Больныхъ въ этой больницѣ было мало; большей частью тѣ, кто долѣчивалъ свои раны, полученныя на войнѣ.

Началась война 1914 года. Въ Средиземномъ морѣ плавалъ крейсеръ «Аскольдъ» да прошли на Мурманъ «Варягъ», «Чесма» и полудивизіонъ эскадренныхъ миноносцевъ. Но знакомая намъ солнечная больница оказала много помощи людямъ и утерла много, невидимыхъ міру, слезъ.

Разскажу объ одномъ случаѣ, который былъ 21-го ноября 1916 года. На пути въ Салоники, германской подводной лодкой, было взорвано англійское

госпитальное судно «Британикъ». Раненыхъ, къ счастью на немъ не было, ибо корабль шелъ изъ Марселя куда онъ, только что доставилъ раненыхъ изъ Салоникъ. Попавшей миной огромное судно было сломано пополамъ и начало стремительно тонуть. Находившіеся на немъ доктора, сестры милосердія, санитары и личный составъ стали спасаться на спасательныхъ плотахъ.

Въ водѣ, еще вертящимися винтами судна, было переранено 24 человѣка и убито нѣсколько сестеръ и санитаровъ.

Спасенные съ «Британика» были доставлены въ Пирей и немедленно перевезены въ Русскую Морскую больницу. Невыносимы были страданія двухъ сильныхъ, красивыхъ англичанъ-санитаровъ съ раздробленными костями ногъ. Какъ они не крѣпились, но глухіе, сдавленные стоны жалобно неслись съ ихъ носилокъ. Толпа, стоявшая на улицѣ, молча, угрюмо смотрѣла на эту печальную процессію. Передніе носилки уже подошли къ воротамъ больницы. Лежащій на нихъ раненый, съ лицомъ, искривленнымъ страданіемъ, тоскливо взглянулъ впередъ. Вдругъ лицо его оживилось, руки зашевелились, точно стремясь протянуться впередъ, по щекамъ потекли, какъ алмазы, слезы. Онъ увидѣлъ передъ собою дивную бронзовую статую Христа Спасителя, стоящую передъ больницей во дворѣ на каменномъ цоколѣ, съ протянутыми къ воротамъ руками, точно хотящими взять тѣхъ кого вносятъ сюда. На чугунной доскѣ подъ статуей была выбита надпись— «Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы» (Ев. Матфея, гл. 11, ст. 28). Англичанинъ, конечно, не понялъ этой надписи, но видъ Спасителя, протягивающаго къ нему

руки такъ потрясъ его, что исскуственно созданное напряженіемъ воли спокойствіе, поколебалось, онъ почувствовалъ себя точно ребенкомъ, котораго съ любовью принимаютъ, чтобы облегчить его мученія. Слезы его, были слезами радости и душевнаго покоя. Черезъ 10-ть минутъ онъ улыбаясь твердо сказалъ русскому хирургу, спрашивающаго его — согласенъ ли онъ на ампутацію обѣихъ ногъ.

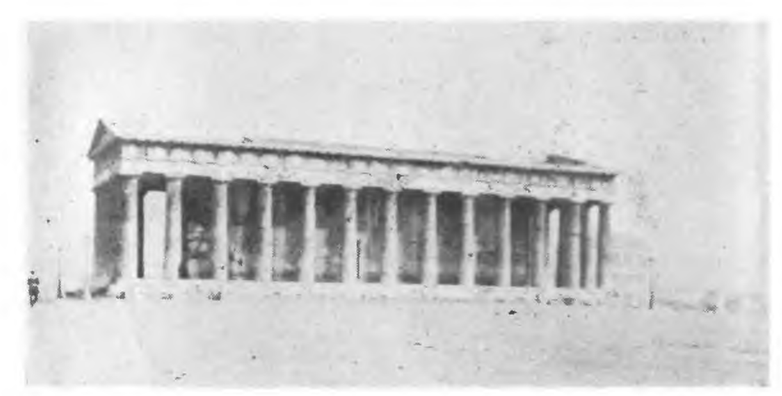
«Благодарю Васъ докторъ. Согласенъ и увѣренъ, что среди этой обстановки, при такомъ отношеніи ко мнѣ, чужому Вамъ человѣку, я буду здоровъ».

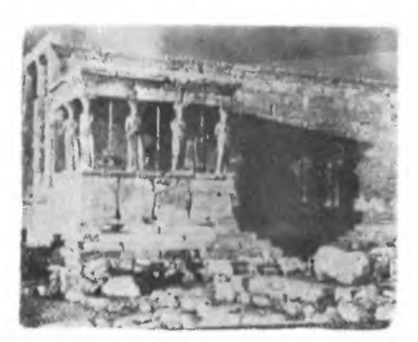
Ампутація прошла блестяще. Бѣдный инвалидъ долго лежалъ среди этой русской обстановки и переставъ удивляться. Онъ полюбилъ Россію и русскихъ, увидя на себѣ отношеніе русскихъ докторовъ, сестеръ милосердія и матросовъ-санитаровъ.

Прошли года. Русская Морская больница послужила убѣжищемъ для бѣднѣйшихъ русскихъ эмигрантовъ въ Пиреѣ. Скончалась основательница этой больницы Королева Ольга Константиновна. Греція стала демократической республикой. Русская больница была отобрана отъ русскихъ и передана въ Греческое Морское Министерство. Всѣ русскія надписи, русскія картины и потреты изъ нея изгнаны. Но также стоитъ дивная статуя Господа нашего Іисуса Христа съ простертыми, къ входящимъ въ ворота, руками и все еще видна полуистертая, исчезающая надпись на славянскомъ языкѣ:—«Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою Вы».

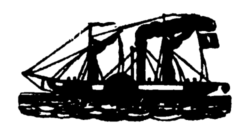
Но также стоитъ дивная статуя
Господа нашего Іисуса Христа...

Храмъ Тезея. Афины.

Каріатиды Парфенона.
Акрополь.

ЧАСТЬ II.

СТУДЕНОЕ МОРЕ.

Въ полярныхъ льдахъ.

Года за два до Европейской войны линейный корабль «Императоръ Павелъ I-й» съ остальными кораблями бригады ходилъ въ море на эволюціи. Трудная попалась вахта. Адмиралъ, начальникъ бригады, держа флагъ на «Цесаревичѣ», занялся производствомъ эволюцій. Сигналъ за сигналомъ сыпался съ «Цесаревича».

Помощникъ вахтеннаго начальника, юный мичманъ, стоявшій вахтеннымъ офицеромъ и младшій штурманскій офицеръ, такъ и дергали «эволюціонную» сигнальную книгу, быстро отыскивая то тотъ, то другой сигналъ.

«Бригадѣ быть въ строѣ фронта! Эскадренный ходъ 16 узловъ», гласитъ сигналъ. Только что перестроились и прошли полъ часа этимъ строемъ, опять — «повернуть всѣмъ вдругъ на 8-мь румбовъ вправо!»

Старшій штурманскій офицеръ высокій лейтенантъ съ покраснѣвшимъ, обвѣтреннымъ лицомъ, съ большими синими, удивительно добрыми глазами, стоитъ на верхнемъ мостикѣ у пеленгатора главнаго компаса и командуетъ рулевому. Вахтенный начальникъ рядомъ съ командиромъ на ходовомъ переднемъ мостикѣ смотритъ во всю, чтобы эволюціи выходили гладко, чтобы сигнальщики во время репетировали бы сигналы и т. д.

Во время одного изъ поворотовъ онъ невольно обратилъ вниманіе на замѣчательно отчетливый, спо-

койный отвѣтъ рулевого: «Есть! Такъ держать!» Лейтенантъ заглянулъ въ рулевую рубку. На маленькомъ электрическомъ штурвалѣ стоялъ молодой рулевой Гутштрассеръ.

Онъ былъ съ гимназическимъ образованіемъ, а потому служилъ «на правахъ». Тонкое, очень симпатичное лицо, свѣтлые чистые глаза, крѣпко сжатые твердые губы. Всѣ очень любили этого молодого матроса. Удивительно спокойно было стоять съ нимъ на вахтѣ.

Правилъ* онъ изумительно. Отвѣтивъ, послѣ какого-нибудь поворота, установленное: «Есть на румбѣ!» «Есть такъ держать!» или «Есть право не ходи!» Онъ дѣйствительно такъ держалъ, такъ одерживалъ корабль, если тотъ бросался на вѣтеръ, что когда бы вахтенный начальникъ не взглянулъ на компасъ, онъ могъ быть увѣреннымъ, что корабль лежитъ точно на курсѣ.

Особенно оживлялся рулевой Гутштрассеръ, когда бригада дѣлала эволюціи или же маневрировала во время стрѣльбъ.

Было видно, что морская служба захватывала его, что ему нравилось все, что касается плаванья и стрѣльбы корабля.

Этотъ удивительный и рѣдкій, по тому времени, въ нашемъ флотѣ матросъ, былъ конечно не только цѣнимъ, но и любимъ всѣми на кораблѣ. Съ нимъ

---

* Править—направлять курсъ корабля.

можно было говорить о многомъ. Его умѣніе себя держать, его скромность, а главное воспитанность давали возможность внѣ службы чувствовать въ немъ совершенно культурнаго человѣка, какимъ и долженъ былъ бы быть матросъ на современномъ кораблѣ съ его сложной техникой.

Кончилось плаванье, рулевой Гутштрассеръ уходилъ въ запасъ. Какъ и всѣхъ, его проводили съ «Императора Павла I-го» хорошо. Онъ получилъ подарки, отъ корабля, отъ штурманскихъ офицеровъ и фотографическую группу отъ каютъ-компаніи.

Скоро пришлось услышать, что море потянуло вновь Гутштрассера и, что онъ пошелъ служить въ коммерческомъ флотѣ. Затѣмъ дошли слухи, что онъ сдалъ экзаменъ на штурманскаго помощника, а послѣ и на штурмана малаго плаванья.

Наступила Европейская война. Далеко позади осталось плаванье на «Императорѣ Павлѣ I-мъ». Масса хлопотъ и заботъ военнаго времени заняли всѣхъ. Знакомый намъ вахтенный начальникъ оказался въ Бѣломъ морѣ въ нашей сѣверной жемчужинѣ Архангельскѣ. Впервые увидѣвъ это Студеное море древнихъ новгородцевъ, онъ понялъ какое громадное значеніе оно имѣетъ для нашей Родины, какъ много еще надо работать и въ немъ,и въ прилегающемъ къ нашему Мурманскому побережью водномъ раіонѣ Сѣвернаго Ледовитаго океана. А потомъ, когда кончится война........ Туда на востокъ..... Сѣверный путь вокругъ Канина Носа, мимо Кильдина, Новой Земли, къ Югорскому Шару, въ Карское море...... А дальше устье Енисея, и вывозъ этимъ путемъ несмѣтныхъ богатствъ Сибири.

Много, очень много обѣщало, въ самомъ ближайшемъ будушемъ, Россіи наше чудное Студеное море, гдѣ живетъ такое рѣдкое для русскаго народа населеніе, какъ наши поморы. Впервые увидѣлъ, не плававшій еще здѣсь, лейтенантъ, какой чудный матеріалъ для морского дѣла представляютъ собою эти поморы. Какъ лихо они управляются со своими карбасами и шняками. Какой у нихъ удивительный морской языкъ.

«Правь на кучерявый», услышалъ онъ какъ то приказаніе рулевому; оказалось это по-поморски «правь на нордъ». Тамъ гдѣ надо было имѣть 10-15 человѣкъ матросовъ обычнаго типа, тамъ бывало довольно 2-3 матросовъ-поморовъ.

Любо бывало смотрѣть на ихъ лихость на ихъ смѣтливость, на ихъ глубокое уваженіе къ желѣзной дисциплинѣ въ морѣ.

Эти русскіе люди выковались долгими годами борьбы съ буйнымъ жестокимъ холоднымъ моремъ, которое въ тоже время является ихъ кормильцемъ и источникомъ ихъ благосостоянія.

Перенеситесь мои читатели вмѣстѣ съ этимъ лейтенантомъ въ «оперативное отдѣленіе» штаба Главноначальствующаго г. Архангельска и воднаго раіона Бѣлаго Моря. Только что вернулся съ моря нашъ лейтенантъ и на своемъ столѣ увидѣлъ горы «поступившихъ» бумагъ, надъ которыми сидѣли, оставленные имъ у адмирала, въ роли младшихъ флагъ-офицеровъ, два краснощекихъ молодыхъ гардемарина Морского Корпуса.

«Господинъ лейтенантъ къ Вамъ являлся пра-

порщикъ по морской части, прибывшій из Петрограда въ «наше» распоряженіе», доложилъ одинъ изъ этихъ юнцовъ, гордый тѣмъ, что онъ исполняетъ такую важную должность, какъ младшій флагъ-офицеръ оперативнаго отдѣленія штаба.

«Давно онъ ушелъ?» спросилъ лейтенантъ. «Съ часъ тому назадъ и хотѣлъ зайти къ 6-ти часамъ вечера».

Ровно въ 6-ть часовъ дежурный ординарецъ бодро доложилъ: «Ваше Высокоблагородіе къ вамъ является прапорщикъ Гут... Гут... Не могу выговорить Ваше Высокоблагородіе», виновато окончилъ онъ.

«Проси». Вошелъ знакомый уже намъ рулевой Гутштрассеръ. Теперь онъ былъ въ элегантной формѣ прапорщика по морской части, съ серебряными погонами съ черным ъ просвѣтомъ.

«Здравствуйте дорогой мой! Какими судьбами?» Крѣпко обнялись старые соплаватели. «Ну что? Какъ дѣла?» разспрашивалъ лейтенантъ. «Да вотъ, просился на войну. Произвели меня въ прапорщики и прислали къ вамъ. Только...... только», застѣнчиво прибавилъ онъ—«могу ли я разсчитывать получить боевое крещеніе. Вѣдь вы меня знаете. Неужели вы меня оставите на берегу?»

Черезъ нѣсколько минутъ прапорщикъ Гутштрассеръ явился адмиралу, который ласково пожалъ ему руку и спросилъ желаетъ ли онъ на дивизію траленія.

«Съ величайшимъ удовольствіемъ Ваше Превос-

ходительство. Покорно благодарю, Ваше Превосходительство», благодарно сказалъ Гутштрассеръ.

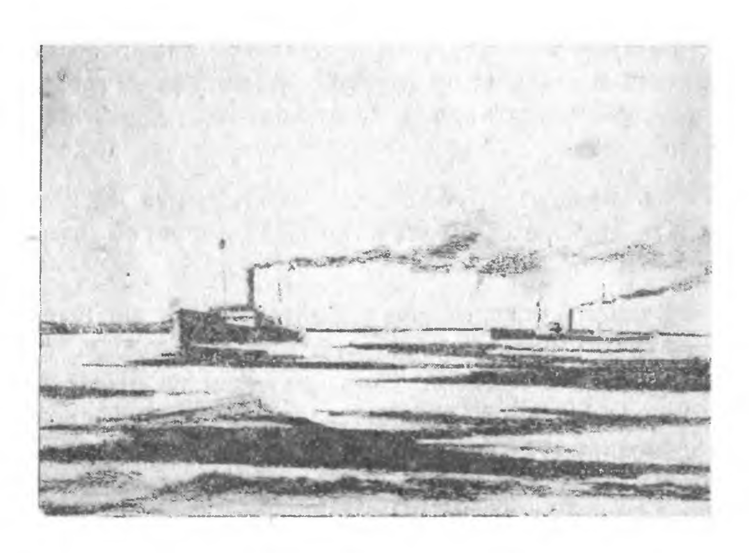
Получивъ нужные документы и горячо простившись съ лейтенантомъ, онъ въ тотъ же день вышелъ въ море «съ оказіей», въ базу дивизіи траленія на Іокангскомъ рейдѣ, близъ Святого Носа.

Приходилось ли вамъ слышать какую службу несутъ тральщики во время войны? Эти маленькіе рыболовныя суда въ минувшую войну стали величайшими героями, спасшими тысячи человѣческихъ жизней и мильоны тоннъ драгоцѣннаго груза. Задачей ихъ являлось тралить мѣста, гдѣ противникъ поставилъ или могъ поставить мины, или же конвоировать и проводить сквозь минныя загражденія отдѣльныя суда или же цѣлые караваны судовъ. Понятно, что для самихъ тральщиковъ никто проходовъ въ минномъ полѣ не тралилъ и если кто-нибуь изъ нихъ взрывался и погибалъ, то это такъ сказать, входило въ кругъ его обязанностей. Немудренно, что въ шутку отряды этихъ тральщиковъ назывались: «клубами самоубійцъ».

Такъ какъ лучшая команда и офицеры нужны были на боевыхъ судахъ, то на тральщики обычно давалась команда похуже (въ Бѣломъ морѣ просто матросы, отбывавшіе наказаніе въ дисциплинарномъ полуэкипажѣ), а офицеровъ назначали туда съ большой неохотой и конечно въ очень маломъ количествѣ.

Вскорѣ въ Архангельскъ пришло очередное донесеніе начальника дивизіи траленія и среди прочаго его ходатайство, немедленно утвержденное адмираломъ, о назначеніи прапорщика Гутштрассера командиромъ тральщика «Сѣверъ».

Большую работу несла дивизія траленія Бѣлаго моря осенью 1915 года. Слабосильные, маленькіе тральщики въ количествѣ едва достаточномъ, чтобы составить два отряда, должны были непрерывно проводить караваны иностранныхъ судовъ, груженныхъ цѣннѣйшимъ грузомъ, отъ Святого Носа къ Архангельску.

Тральщики въ Бѣломъ морѣ.

Этотъ одинъ переходъ занималъ иногда 5-ть дней особенно, если въ Горлѣ Бѣлаго моря на фарватерѣ оказывались вновь поставленныя непріятельскія минныя банки или же когда въ морѣ было свѣжо.

Честно и доблестно работали русскіе тральщики въ Бѣломъ морѣ, но среди многихъ забытыхъ бойцовъ и героевъ минувшей войны, забыты совершенно и они. Даже малой части, даваемыхъ имъ задачъ они бы не

смогли выполнить, не будь у нихъ такихъ лихихъ командировъ, какими были многіе наши прапорщики по морской части и такой изумительной команды, какъ мобилизванные поморы и «отчаянныя головы» изъ дисциплинарнаго полуэкипажа.

Подошла тяжелая, ранняя зима. Съ болью въ сердцѣ, видя, что много судовъ съ грузами находятся еще въ пути изъ Америки и Англіи, адмиралъ приказалъ убирать второй отрядъ маленькихъ тральщиковъ. Этотъ отрядъ благополучно вернулся въ Архангельскъ.

Съ радостью убѣдились что «Эмма», «Опытъ», «Святый Николай», «Фискъ Первый» и «Фискъ Второй» живы и цѣлы.

Въ морѣ остался еще у Святого Носа первый отрядъ тральщиковъ болѣе крупнаго тоннажа. Уже Канинъ Носъ и Святой Носъ донесли по радіо-телеграфу, что въ морѣ появились льды. Уже нѣсколько разъ адмиралъ, подъ вліяніемъ докладовъ штаба, рѣшалъ вернуть тральщики, но каждый разъ просьба то того, то другого иностраннаго консула, то одного то другого вѣдомства, заставляла его отложить «еще на одинъ день» возвращеніе перваго отряда. Наконецъ, получивъ ночью метеорологическую сводку угрожающаго характера, адмиралъ приказалъ вызвать всѣ тральщики и вообще всѣ наши суда съ моря въ Архангельскъ. Черезъ минуту по телефону изъ «оперативнаго отдѣленія» штаба передавалась срочная телефонограмма на Святой Носъ. Сверхъ того радіо «всѣмъ, всѣмъ» передало это распоряженіе по всему пространству Студенаго моря.

Къ вечеру было получено извѣстіе, что всѣ суда благополучно идутъ въ Архангельскъ. Ночью задулъ въ морѣ свѣжій нордъ-вестъ, называемый здѣсь «морянка». Адмиралъ и его штабъ не спали всю ночь, запрашивая то тотъ, то другой маякъ, о событіяхъ въ грозно ревущемъ морѣ. Отовсюду приходили утѣшительныя вѣсти. Всѣ наши суда выбрались изъ льдовъ, уже закупорившихъ Горло Бѣлаго моря...Не было вѣстей только отъ «Сѣвера».

Около часу ночи Орловскій маякъ вызвалъ по телефону штабъ и сообщилъ, что въ морѣ слышны пушечные выстрѣлы и было видно нѣсколько ракетъ. Повидимому около Орловскаго маяка гибнетъ какое то судно. По донесенію маяка, въ морѣ штормъ и ледъ жметъ къ берегу. Спустить карбасы не было никакой возможности. До утра ждали какихъ-нибудь вѣстей, безсильные оказать помощь гибнущему судну.

Въ 7-мь часовъ утра начальникъ дивизіи траленія сообщилъ, что идетъ съ тральщиками и посыльными судами «Вѣра» и «Соловецкій», но что о «Сѣверѣ» извѣстій не имѣетъ. Одновременно съ Орловскаго маяка передали по телефону, что видѣли за торосами, недалеко отъ маяка, клотики мачтъ «Сѣвера», на немъ былъ поднятъ сигналъ: «терплю бѣдствіе». Пушечные выстрѣлы и ракеты прекратились.

Въ Архангельскѣ выждали нѣсколько дней со слабой надеждою, что люди съ «Сѣвера» смогутъ добраться до берега......Наконецъ, съ тяжелымъ сердцемъ донесли, что «при свертываніи на зимнее время дивизіи траленія Бѣлаго моря, появшимся въ Горлѣ Бѣ-

лаго моря тяжелымъ льдомъ, раздавленъ и погибъ со всѣмъ экипажемъ тральщикъ «Сѣверъ» — командиръ прапорщикъ Гутштрассеръ».

Одновременно было передано на Святой Носъ англійскому пароходу «Бэтси», что болѣе тральщиковъ не будетъ, ибо Горло Бѣлаго моря забито льдомъ. Въ виду появленія въ норвежскихъ фіордахъ близъ Нарвика германскихъ подводныхъ лодокъ, ей совѣтывалось возвращаться въ Англію, избравъ курсъ болѣе къ сѣверу и идти подальше отъ Нордъ Капа. '

Прошло два мѣсяца. Архангельскъ и Бѣлое море были отрѣзаны отъ океана тажелымъ панцыремъ полярныхъ льдовъ.

Въ одно прекрасное утро пришла телеграмма изъ Кольскаго залива на Мурманѣ, отъ командира англійскаго линейнаго корабля «Albemarle», на имя адмирала — «По приказанію Британскаго Адмиралтейства прибылъ въ Ваше распоряженіе для охраны Кольскаго залива куда направляются всѣ грузы изъ Англіи. На борту у меня взятые въ Ньюкастлѣ командиръ тральщика «Сѣверъ» и 30 русскихъ матросовъ».

Это чудо казалось неправдоподобнымъ. Безконечная радость охватила адмирала и чиновъ его штаба. Срочно была отправлена Гутштрассеру телеграмма съ поздравленіемъ его и команды со спасеніемъ и запросъ о деталяхъ этого событія.

Со свойственной истинной доблести скромностью, этотъ герой и дѣйствительная краса и гордость Россійскаго Императорскаго флота, отвѣтилъ слѣдующимъ донесеніемъ, которое привожу по памяти:

«Доношу Вашему Превосходительству. Ввѣренный мнѣ тральщикъ, находясь на траверзѣ маяка Орловскаго, былъ затертъ въ такомъ то часу, такого то числа, тяжелыми льдами. Кругомъ подымались торосы, доходившіе почти до срѣза трубы. Сознавая, что тральщикъ будетъ раздавленъ, я приказалъ выносить на ледъ все, что можетъ быть намъ нужнымъ какъ то: винтовки, патроны, орудіе, снаряды, провизію, анкерки, топливо, теплую одежду, брезентъ, рангоутъ, шлюпки и т.п. Одновременно давалъ непрерывно сигналы о бѣдствіи и поднялъ на гротъ брамъ стеньгѣ флажный сигналъ о томъ же. Къ полудню слѣдующаго дня, двумя огромными торосами, тральщикъ былъ раздавленъ и пошелъ ко дну. Черезъ нѣкоторое время перемѣнившійся вѣтеръ началъ выгонять ледъ изъ Горла и мы оказались на льдинѣ, которая вышла въ открытый океанъ, гонимая теченіемъ въ нордъ-вестовомъ направленіи. Чувствуя, что я не въ силахъ измѣнить направленіе движенія льдины, я установилъ на ея вершинѣ мачту, поднялъ на ней съ должной церемоніей Андреевскій флагъ, и устроилъ людей какъ можно лучше, сдѣлавъ имъ помѣщеніе изъ брезентовъ веселъ и шлюпокъ. Скоро къ ужасу моему убѣдился, что размѣры льдины уменьшаются. По имѣвшемуся компасу опредѣлилъ, что ее по прежнему несетъ къ нордъ-весту.

Ободряя насколько возможно ввѣренную мнѣ команду, я лично началъ терять надежду. Неожиданно, на горизонтѣ, мы увидѣли дымъ парохода, идущаго въ западномъ направленіи. Пробовали ему семафорить. Стрѣлять изъ орудія изъ-за малаго

размѣра льдины уже было нельзя. Но пароходъ насъ видимо не замѣчалъ. Послѣдняя надежда на спасеніе уходила......Вдругъ онъ рѣзко повернулъ въ нашу сторону и подойдя къ намъ, снялъ насъ всѣхъ со льдины.

Этотъ пароходъ был «Бэтси», который доставилъ насъ всѣхъ въ Ньюкастль».

Къ этому безхитростному разсказу я долженъ добавить, что пароходъ «Бэтси», нашедшій безстрашныхъ мореплавателей, самъ долго не могъ повѣрить, что на одинокой плавающей льдинѣ, среди океана, могутъ быть люди. Вниманіе его привлекло то, что на льдинѣ онъ замѣтилъ мачту, а на ней русскій военный флагъ, это заставило капитана повернуть въ ея сторону. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ у подножья мачты выстроенный для встрѣчи экипажъ этого самаго маленькаго и небывалой конструкціи корабля Россійскаго Императорскаго флота.

Встрѣчи.

Незадолго до Европейской войны, въ ясное солнечное утро, два человѣка шли по набережной Невы мимо бѣлаго зданія Адмиралтейства.

Знаменитая пушкинская «Адмиралтейская игла» блестѣла червоннымъ золотомъ, а корабликъ-вѣтроуказатель на ней, точно въ раздумьи поворачивался то вправо, то влѣво, не зная въ какомъ направленіи ему встать. Въ воздухѣ былъ полный штиль. Красавица Нева стлалась синевато-сѣрой дорогой, по которой шли караваны груженыхъ баржъ за дымящими буксирными пароходами. Ниже Николаевскаго моста стояли на якорѣ стройные эскадренные миноносцы. Это забѣжалъ въ С.-Петербургъ одинъ изъ дивизіоновъ 1-й Минной дивизіи, которому Командующій Морскими Силами Балтійскаго моря, вице-адмиралъ Н. О. Эссенъ далъ нѣсколько дней освѣжиться послѣ походовъ, маневровъ и стрѣльбъ.

На противоположномъ берегу, окутанное голубоватымъ флеромъ прозрачнаго теплаго воздуха виднѣлось зданіе биржи, а выше, противъ Зимняго Дворца раскинулись верки Петропавловской крѣпости, среди которыхъ, тонкой стрѣлой взметнулся къ синему небу золоченый шпиль съ ангеломъ наверху.

Столица Россійской Имперіи въ это солнечное утро казалась особенно прекрасной, и шедшіе по набережной два незнакомца, повидимому искренне залюбовались роскошной картиной. Остановившись, они

молча смотрѣли на Неву, опираясь на гранитный парапетъ набережной. По виду это были иностранцы, англичане вѣроятно. Одинъ, въ темно-синемъ костюмѣ, съ умными карими глазами. Другой на голову выше него, былъ въ сѣромъ; свѣтло-синіе глаза, твердо сжатыя губы, рѣзко очерченный подбородокъ выдавали въ немъ человѣка твердой воли и большой душевной доброты. Человѣкъ въ сѣромъ костюмѣ первый очнулся отъ очарованія и тронувъ своего спутника за рукавъ рѣшительнымъ шагомъ направился въ переулокъ, въ который выходила одна изъ парадныхъ дверей Адмиралтейства. Швейцаръ, съ видомъ сановника, одѣтый въ темно-синюю ливрею обшитую серебряными позументами, распахнулъ передъ ними двери. Это былъ входъ въ Морской Генеральный Штабъ— мозгъ Россійскаго Императорскаго Флота. Оба иностранца были приняты начальникомъ штаба. Первый изъ нихъ оказался англійскимъ морскимъ агентомъ въ С.-Петербургѣ, кап. 2 ранга Гренфильдъ—общиій любимецъ офицеровъ Морского Генеральнаго Штаба, а его спутникъ помощникомъ британскаго военнаго агента въ С.-Петербургѣ, подполковникомъ Блэръ.

Приходъ ихъ обоихъ въ Морской Генеральный Штабъ былъ, по тѣмъ временамъ, не совсѣмъ обычнымъ явленіемъ. Въ это святилище изъ иностранцевъ имѣлъ свободный доступъ только французскій морской агентъ, капитанъ 2 ранга Галло. Равнымъ образомъ русскій морской агентъ въ Парижѣ могъ также свободно являться во Французскій Морской Генеральный Штабъ.

Военные и морскіе агенты другихъ державъ въ С.-Петербургѣ за всѣми дѣлами по морской части обращались къ начальнику канцеляріи Морского Министра и отъ него же получали отвѣты на свои вопросы.

Появленіе капитана 2 ранга Гренфильдъ и подполковника Блэръ въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ, явилось результатомъ все крѣпнущей «Entente Cordiale». Визитъ въ Балтійское море эскадры контръ-адмирала Давида Битти, состоявшей изъ новѣйшихъ линейныхъ крейсеровъ, выраженіе горячей симпатіи къ Россіи въ тогдашнемъ англійскомъ обществѣ, взаимныя чувства симпатіи со стороны русской прессы и различныхъ общественныхъ организацій показывало, что «Entente Cordiale» можетъ превратиться въ тѣсный союзъ Россіи, Франціи и Англіи. Однимъ изъ этихъ признаковъ и былъ визитъ, помянутыхъ выше, двухъ англичанъ въ Адмиралтейство.

Подполковникъ Блэръ зашелъ въ Морской Генеральный Штабъ для испрошенія разрѣшенія на поѣздку въ строющійся военный портъ и крѣпость Императора Петра Великаго въ Ревелѣ, а капитанъ 2 ранга Гренфильдъ, какъ-бы ввелъ его въ кругъ офицеровъ Штаба.

Просидѣвъ положенныя десять минутъ у начальника штаба, оба англійскихъ офицера спустились въ нижній этажъ штаба, гдѣ находились отдѣлы: — статистическій, иностранный и историческій.

Тамъ подполковникъ Блэръ познакомился съ русскими морскими офицерами и среди нихъ съ однимъ лейтенантомъ изъ иностраннаго отдѣла.

* * *

1-го Августа н. ст. 1914 года разразилась Европейская война. Размѣры ея были столь громадны, что участниками въ войнѣ оказались не только вооруженныя силы на сушѣ, на морѣ и въ воздухѣ, но и люди и мѣстности далеко отстоящія отъ театра военныхъ дѣйствій. Нашъ далекій Архангельскъ—городъ полунощнаго солнца—оказался также на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Нѣмцы лѣтомъ 1915 года поставили на западномъ фарватерѣ Бѣлаго моря минныя банки, на которыхъ стали рваться суда, идущіе съ военнымъ снаряженіемъ изъ-за границы въ Архангельскъ.

Выяснилось, что эти минныя загражденія были поставлены съ нейтральныхъ судовъ и возможно съ подводныхъ заградителей.

Въ Архангельскѣ была сформирована подъ руководствомъ контръ-адмирала Ивановскаго партія траленія Бѣлаго моря. Отсутствіе на мѣстѣ мореходныхъ тральщиковъ, дѣлало задачу борьбы съ минными загражденіями очень трудной.

Британское Адмиралтейство прислало со своей стороны въ Бѣлое море партію траленія изъ хорошихъ мореходныхъ тральщиковъ подъ брейдъ-вымпеломъ капитана 2 ранга Берней. Но этого было мало и русскій Морской Генеральный Штабъ началъ формировать «Флотилію Сѣвернаго Ледовитаго Океана», заказывая и покупая вездѣ, гдѣ было возможно тральщики, яхты и другія суда. Осенью 1915 года большая часть этихъ потребностей еще не могла быть удовлет-

ворена, а потому малочисленные русскіе и англійскіе тральщики выбивались изъ силъ не справляясь съ выпавшей на ихъ долю работой.

Въ этотъ періодъ въ Архангельскъ прибылъ начальникъ русскаго Морского Генеральнаго Штаба вице-адмиралъ Русинъ. Его сопровождали англійскій генералъ Альфредъ Ноксъ и группа русскихъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ. Адмиралъ направлялся въ Англію, куда имѣлъ важное порученіе Государя Императора по вопросу о снабженіи Русской арміи.

За баромъ Сѣверной Двины адмиралъ и сопровождавшія его лица перешли на англійскій вспомогательный крейсеръ «Арланца», который долженъ былъ доставить ихъ въ Англію.

Когда громадный «Арланца» буравилъ своими винтами волны Бѣлаго моря, изъ устья Сѣверной Двины вышли два русскихъ вспомогательныхъ крейсера «Василій Великій» и «Сергій Витте». На буксирѣ каждаго изъ нихъ тащились маленькія подводныя лодки № 1 и № 2. Экипажи лодокъ находились на буксирующихъ корабляхъ. На обѣихъ лодкахъ были задраены всѣ горловины и онѣ, какъ поплавки, прыгали за кормою.

На верхней палубѣ обѣихъ судовъ звонкимъ лаемъ заливались десятка по три мохнатыхъ сибирскихъ лаекъ составлявшихъ «обозъ» и «пулеметную команду» гарнизона новой Мурманской базы въ Кольскомъ заливѣ.

Если бы, когда нибудь писалась исторія войны на Бѣломъ морѣ, то вѣроятно походъ этихъ двухъ

судовъ былъ бы названъ: «операціей переброски противолоднаго полудвизіона подводныхъ лодокъ и гарнизона въ Кольскую базу». Но такъ какъ эту исторію никто не написалъ, то плаванье «Василія Великаго» и «Сергія Витте» осталось забытымъ, какъ и многое другое.

Задулъ свѣжій нордъ-вестъ—«морянка», какъ его сдѣсь называютъ, «Василій Великій» и «Сергій Витте» прижались въ берегу, опасаясь за свои буксиры и пытаясь, гдѣ-нибудь переждать погоду.

Вдругъ радіо-станція подхватила обрывки какихъ-то депешъ на русскомъ и англійскомъ языкахъ— «Арланца»... британская партія траленія... подъ своими машинами... на Іокангскомъ рейдѣ... пробоина...

Повидимому, что то случилось съ «Арланца». Береговая радіо-станція службы связи передала срочное донесеніе, тоже перехваченное на обоихъ судахъ, что у маяка Городецкаго выброшены на берегъ спасательный кругъ съ надписью «Арланца», обломки шлюпки, весла и русская офицерская фуражка съ буквой «Р».

«Адмиралъ Русинъ погибъ! Какой позоръ для Флотиліи Сѣвернаго Ледовитаго Океана!» мелькнула отчаянная мысль у лейтенанта и. д. флагъ-капитана по оперативной части, шедшаго на «Сергіи Витте».

Напрягая всѣ свои слабыя силенки оба «вспомогательныхъ крейсера» направились по западному фарватеру вдоль Терскаго берега. За ними волочились на буксирахъ, прыгающія въ пѣнистыхъ бушую-

щихъ волнахъ, маленькія подводныя лодки. Навстрѣчу катились изъ океана могучіе рокочущіе зеленые валы. При этихъ условіяхъ «выжать» болѣе 9 узловъ не было никакой возможности.

Всѣ радіо объ «Арланца», какъ на зло, прекратились. На другой день, рано утромъ оба судна обогнули Святой Носъ. При поворотѣ лопнулъ буксиръ подводной лодки № 2 и она, повидимому набравъ воды сквозь крышку боевой рубки, затонула. Раскачиваясь на сильной волнѣ «въ бакштагъ» оба вспомогательныхъ крейсера вошли на Іокангскій рейдъ.

Тамъ стоялъ на якорѣ, сильно сѣвъ носомъ «Арланца», вокругъ него находилось нѣсколько англійскихъ тральщиковъ, тоже стоящихъ на якоряхъ.

Замелькали семафорные флажки—«гдѣ адмиралъ Русинъ и его спутники?» Съ «Арланца» немедленно отвѣтили: — «Живы и здоровы, всѣ у насъ. Мы имѣемъ минную пробоину въ носовой части».

На рейдѣ катилась крупная зыбь, которая въ обычное время вызвала бы сигналъ — «прекратить сообщеніе между судами». Даже спасательные вельботы не смогли бы выгрести, а если бы они пытались идти подъ парусами, то даже взявъ всѣ три рифа они рисковали бы перевернуться или переломать себѣ рангоутъ. Жестокіе шквалы съ подвѣтра налетали то изъ одной, то изъ другой «щели» между островами. Пристать на шлюпкѣ къ борту корабля, при этихъ условіяхъ, нечего было и думать.

«Василій Великій» и «Сергій Витте» стали на якорь на лѣвомъ траверзѣ «Арланца».

На «Сергіи Витте» рѣшили, что и. д. флагъ-капитана необходимо явиться адмиралу на «Арланца». Этого требовалъ долгъ службы и традиція, особенно на виду у англичанъ. Вѣдь тамъ на «Арланца» смотрятъ съ ревнивымъ чувствомъ за каждымъ движеніемъ, за каждой деталью на нашихъ корабляхъ.

«На спасательный вельботъ! Вельботъ къ спуску!»

Штормовой конецъ вынесенъ далеко впередъ на бакъ и взятъ двойнымъ выбленочнымъ узломъ за вторую банку вельбота. Гребцы и лейтенатъ на вельботѣ. Ихъ будутъ спускать вмѣстѣ съ нимъ иначе на вельботъ не вскочить.

Только что взяли «тали на руки» и сняли стопора, какъ корабль,мотнувшись на зыби, раскачался. Гребцы, строевые матросы, нерѣшительно посматривали, кто внизъ на бушующую пучину, кто на бортъ, о который, несмотря на кранцы, могло разбить вельботъ. Лейтенантъ понявъ это колебанье, приказалъ гребцамъ выйти обратно на палубу и вызвалъ охотниковъ. «Ваше Благородіе», раздалось среди команды: «не обижайте! Всѣ охотники токмо неувѣренны мы въ себѣ, поглядько, какъ шумитъ «оно»! А «оно» въ этотъ моментъ съ остервененіемъ лизнуло борта «Сергія Витте» и съ надрывающимъ душу лязгомъ рвануло оба якорныхъ каната, вытянутыхъ въ струну.

«Ваше Благородіе. Да нѣшто это матросы», послышались голоса, и изъ толпы показались кудлатыя головы двухъ поморовъ:—«дозвольте намъ втроемъ съ вами на вельботъ. Больше народу не надо. Пущай только травятъ тали и конецъ полнымъ ходомъ, да

вы покрѣпчай держите руль, а мы васъ мигомъ на англичанина доставимъ».

Молніей былъ стравленъ вельботъ на воду. Зыбью его быстро отнесло за корму. Крѣпкій конецъ, закрѣпленный на ютѣ «Сергія Витте», былъ взятъ за вторую банку вельбота, удерживая его какъ бы на буксирѣ. Оба помора спокойно и увѣренно налегали на весла, выводя вельботъ въ сторону «Арланца». Тамъ сразу поняли въ чемъ дѣло и съ юта на концѣ былъ спущенъ спасательный кругъ. Конецъ вытравили кабельтова на полтора за корму «Арланца»

Временами казалось, что волны проглотятъ вельботъ, связанный точно ниточкой—концомъ съ «Сергіемъ Витте». Но нѣтъ, вотъ эта букашка опять на гребнѣ волны, упорно гребутъ два помора и крѣпко держитъ румпель, впившійся въ него лейтенантъ. Такъ длилось около получаса. Вотъ вельботъ уже за кормой «Арланца». Спасательный кругъ около него. Еще секунда и поморы схватываютъ его, берутъ конецъ за банку вельбота и теперь уже не нужно грести. На «Арланца» ходомъ выбираютъ конецъ и вотъ вельботъ подъ кормовымъ срѣзомъ гигантскаго корабля. Сверху спустили штормъ-трапъ. Лейтенантъ вцѣпился въ него и, вися надъ прыгающимъ вельботомъ, предложилъ поморамъ слѣдовать за нимъ. Но у нихъ природное чутье хорошаго морского шика.—«Спасибо Ваше Благородіе извольте свое дѣло сполнять, а мы тутъ подождемъ, намъ и тутъ хорошо!» Вельботъ то взлеталъ, то уходилъ внизъ чуть не до винтовъ гиганта «Арланца», а поморы сидѣли спокойно точно въ

люлькѣ, мужественные, увѣренные въ себѣ и въ родной имъ стихіи.

Выпрыгнувъ, въ своемъ черномъ дождевомъ платьѣ, на палубу «Арланца», лейтенантъ былъ пораженъ встрѣчей.

Всѣ офицеры, собравшіеся на ютѣ, встрѣтили его апплодисментами. Командиръ крейсера, капитанъ 1-го ранга Норрисъ, обласкалъ его высшей похвалой въ устахъ британскаго моряка:—«Your Boys are very good sailors, dear Lieutenant. A very gallant manoeuvre»*

Вице-адмиралъ Русинъ, со свойственной ему, доброй улыбкой на твердо сжатыхъ губахъ, дружески пожалъ руку лейтенанту.

Здѣсь выяснилась вся исторія «Арланца». Вспомогательный крейсеръ шелъ за британскими тральщиками. Несмотря на то, что изъ штаба была дана инструкція доводить суда за тралами до самаго Святого Носа, командующій англійскими тральщиками рѣшилъ отпустить «Арланца» на траверзѣ маяка Городецкаго. Сдѣлалъ онъ это, потому, что полагалъ, что штабъ русскаго адмирала слишкомъ пунктуаленъ, что минъ дальше Городецкаго быть не можетъ, и что встрѣчная зыбь, задерживая караванъ заставляетъ «Арланца» зря терять время.

Эта неосмотрительность была жестоко наказана Не прошло и получаса, что тральщики остались за кормой, какъ у лѣвой скулы «Арланца» поднялся огро-

* Ваши молодцы очень хорошіе матросы, дорогой лейтенантъ. Весьма доблестный маневръ.

мный всплескъ воды и брызгъ, окрашенныхъ чернымъ дымомъ. Раздался громовой ударъ взрыва.

Корабль коснулся мины и получилъ пробоину въ носовой части. Быстро подскочившіе англійскіе тральщики сняли всѣхъ пассажировъ, причемъ одинъ изъ тральщиковъ былъ пропоротъ винтомъ «Арланца» и затонулъ. При пересадкѣ разбило одну шлюпку и сильнымъ порывомъ вѣтра сорвало фуражку съ головы вице-адмирала Русина.

Узнавъ, что о фуражкѣ и обломкахъ шлюпки, служба связи уже донесла, адмиралъ сказалъ, что радъ выразить свое удовольствіе этой службѣ.

Искренне любовался лейтенантъ роскошными помѣщеніями вспомогательнаго крейсера «Арланца». Послѣ маленькаго «Сергія Витте», этотъ корабль казался настоящимъ плавучимъ дворцомъ. Прекрасныя каюты, салоны, каютъ-компанія, — всѣ удобства современнаго комфорта...

Въ мирное время этотъ корабль обслуживалъ пассажирскую линію между Англіей и Южной Америкой. На немъ было все, что только можетъ требовать утонченный вкусъ культурнаго человѣка. Такъ какъ корабль предназначался для плаванія въ тропикахъ, то все на немъ было устроено такъ, чтобы охлаждать помѣщенія, и ничего не было для согрѣванія ихъ. А между тѣмъ, кругомъ бушевалъ штормъ со снѣговыми шквалами. Легко понять, какъ чувствовали себя пассажиры этого корабля на Іокангскомъ рейдѣ.

Больше всего изумило лейтенанта присутствіе на «Арланцѣ» очаровательной дамы съ живыми карими

глазами и блѣднымъ лицомъ, обрамленнымъ темными волосами. Закутанная въ плюшевую шубку, съ теплыми ботиками на ногахъ, она сидѣла въ глубокомъ кожаномъ креслѣ, въ огромной библіотекѣ «Арланца». Потолокъ этого помѣщенія представлялъ собою куполъ изъ художественно-раскрашенныхъ матовыхъ стеколъ съ золочеными деревянными инкрустаціями. Оттуда лился мягкій бѣлый электрическій свѣтъ и, если-бы не температура, мало отличающаяся отъ температуры наружнаго воздуха, то эта библіотека была бы самымъ пріятнымъ и роскошнымъ уголкомъ на «Арланца».

Молодая дама оказалась женой подполковника Блэръ. Переходя отъ волненія съ французскаго на англійскій языкъ, она разсказала лейтенанту съ какой тревогой мужъ отправлялъ ее изъ Петрограда въ Англію. Онъ былъ увѣренъ, что съ миссіей адмирала Русина ничего не можетъ случиться. И вотъ какое несчастье! Она робко, неувѣренно просила лейтенанта какъ-нибудь дать знать мужу, что она жива, здорова и съ ближайшей оказіей отправится дальше.

Черезъ полъ часа лейтенантъ, со своими двумя поморами на томъ же вельботѣ шелъ къ устью рѣки Іоканги. Волна и вѣтеръ были въ корму, но идти подъ парусами на «фордевиндъ» было невозможно и опять пришлось идти подъ веслами. Устье рѣки было прикрыто островками и тамъ сравнительно было тихо. Укрывъ свой вельботъ, лейтенантъ и поморы направились къ Іокангскому погосту (становищу), верстахъ въ трехъ отъ устья. Тундра уже замерзла, кругомъ былъ унылый пейзажъ холмовъ и долинъ засыпанныхъ снѣгомъ. Бѣлые хлопья наполняли воздухъ, вертясь и танцуя. Холодный, злой вѣтеръ гналъ передъ собою

падающія снѣжинки, завывая жалобнымъ стономъ наткнувшись на гряду холмовъ.... Холоденъ и печаленъ нашъ далекій сѣверъ въ осеннее и зимнее время. Іокангское становище въ это время совершенно мертво. Всѣ лопари ушли изъ него со своими оленями на югъ.

Уже вечерѣло, когда лейтенантъ и двое поморовъ подошли къ становищу. Они направились къ изящному бѣлому домику въ которомъ уже свѣтились окна. На фронтонѣ его красовался Россійскій Государственный гербъ — Двуглавый Орелъ, и была видна синяя вывѣска, съ надписью на ней золотыми буквами «Іокангская Почтово-телеграфная Контора». Въ этой конторѣ оказалось двое почтово-телеграфныхъ чиновниковъ. Они, да ихъ вѣрный сторожъ лайка—«Жучокъ», были единственными живыми душами, опустѣвшаго на зиму погоста. И однако эти русскіе люди скромно дѣлали большое дѣло, обслуживая передаточный пунктъ связи между Мурманскимъ побережьемъ, маякомъ Святой Носъ и Архангельскомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ лейтенантъ усышалъ въ трубку телефона голосъ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ: «Слушаю. Архангельскъ. Штабъ Главноначальствующаго».

Еще черезъ нѣкоторое время изъ Архангельска сообщили, что прямой проводъ телеграфнаго аппарата включенъ на Морской Генеральный Штабъ въ Петроградѣ. И вслѣдъ за тѣмъ передали, что полковникъ Блэръ вызванъ изъ Британскаго Посольства по телефону и черезъ 20 минутъ подойдетъ къ аппарату. Порученіе его жены было передано ему лично незамедлительно и чувствовалось въ его отвѣтѣ, хоть и переданному черезъ трансляцію на телефонъ въ Архангель-

скѣ, какъ онъ счастливъ былъ получить это извѣстіе и какъ былъ благодаренъ лейтенанту.

***

Прошло три года...... Люди, провозгласившіе отъ имени русскаго народа миръ «безъ анексій и контрибуцій», ввергли Россію въ кровавую гражданскую войну.

Знакомый намъ лейтенантъ вышелъ изъ скораго поѣзда Владивостокъ-Омскъ и направился на телеграфъ станціи Фуляэрди (К.В.Ж.Д.). Войдя въ маленькую комнату, онъ услышалъ странный возгласъ: «Чингисъ Ханъ, куда вы скрываетесь?» Оказалось, станція Фуляэрди вызываетъ по телефону станцію Чингисъ Ханъ.

Въ это время сзади раздался смѣхъ, и высокій человѣкъ въ англійской защитной формѣ обернулся въ сторону телефониста. «Полковникъ Блэръ!»—воскликнулъ изумленный лейтенантъ.

Старые знакомые крѣпко обнялись. Полковникъ Блэръ оказался въ Сибири и лично видѣлъ и пережилъ всю трагедію арміи Адмирала Колчака. Онъ страдалъ за Россію и любилъ ее не менѣе насъ русскихъ. Сверхъ того, его, какъ англичанина мучило отношеніе Англіи къ русскому горю.

***

И вотъ послѣдняя съ нимъ встрѣча......

Бѣлградъ — молодая столица, только что образовавшейся Югославіи. Полковникъ Блэръ — британскій военный агентъ въ этой странѣ. По случаю дня объединенія Югославіи назначенъ большой балъ во Дворцѣ.

Къ подъѣзду Дворца тянется вереница автомобилей. Съѣздъ назначенъ къ 10-ти вечера. По ярко освѣщенной лѣстницѣ, покрытой алымъ ковромъ, приглашенные длинной вереницей подымаются наверхъ, провожаемые офицерами гвардейскаго Коннаго полка.

Какое разнообразіе туалетовъ и людей!.. Крестьяне, — депутаты Скупщины въ коричневыхъ костюмахъ, въ плетеной кожаной обуви, черногорцы, далматинцы, боснійцы, пречане,—ихъ національные костюмы яркими пятнами выдѣляются среди черныхъ фраковъ. Дамскіе туалеты блистаютъ золотомъ и серебромъ,—модной въ эти годы, парчи.

Посланники и члены иностранныхъ миссій собраны въ отдѣльномъ залѣ. Среди нихъ виднѣются формы военыхъ агентовъ. Эти формы послѣ войны стали одноцвѣтными, однообразными. Только въ группѣ Британской миссіи выдѣляется красный мундиръ полковника Блэръ, да въ Русской миссіи виднѣется мундиръ съ золотыми эполетами, съ расшитымъ золотомъ воротникомъ, Россійскаго Императорскаго Флота, знакомаго намъ лейтенанта.

Ласковой улыбкой привѣтствовалъ полковникъ Блэръ стараго пріятеля, состоявшаго русскимъ морскимъ агентомъ въ Бѣлградѣ; а на обоихъ на нихъ смотрѣли веселые каріе глаза г-жи Блэръ, стоявшей напротивъ, среди дипломатическихъ дамъ.

Такъ странно судьба вновь свела этихъ трехъ людей, встрѣчавшихся въ Петроградѣ, за полярнымъ кругомъ у Святого Носа и въ Сибири.

Начался Высочайшій Выходъ, и послѣ него балъ. Струнный оркестръ Королевской Гвардіи заигралъ веселый мотивъ національнаго танца «Кралевско Коло». Его Величество Король лично открылъ балъ. Затѣмъ начались другіе танцы, среди которыхъ были и національные сербскіе — «Официрско Коло» и «Девоячко Коло».

Во второмъ отдѣленіи танцевъ дежурный флигель - адъютантъ громкимъ голосомъ объявилъ: «Господо руски официри са господжима, чу изводити мазурку».

Присутствующіе встали вдоль стѣнъ зала. Полковникъ Блэръ, съ женой и съ русскимъ морскимъ агентомъ, тоже отошли въ сторону. На середину зала вышло около тридцати паръ. Невольно стало грустно при видѣ ихъ. Дамы сравнительно немногимъ отличались отъ другихъ своими туалетами, но ихъ кавалеры такъ мало напоминали своими костюмами былыя роскошныя формы Россійской Императорской Гвардіи и Арміи. Вмѣсто блестящихъ эполетъ, шитья мундировъ, амуниціи, на нихъ были скромныя рубашки защитного цвѣта съ потускнѣвшими погонами. Вмѣсто веселыхъ, здоровыхъ лицъ, были лица изможденныя, надорванныя страшными испытаніями гражданской войны и тяжелымъ физическимъ трудомъ. Только глаза, горѣвшіе твердой волей и вѣрой показывали, что эти люди, такъ много испытавшіе, на опытѣ доказали, что духъ сильнѣе матеріи. Это почувствовалось въ толпѣ, и весь залъ замеръ. Среди полной тишины съ хоръ сорвался торжествующій мотивъ интродукціи къ мазуркѣ изъ «Жизни за Царя». И случилось неожиданное... Точно пропали убогіе костюмы... Нѣжнымъ звономъ зазвенѣли шпо-

ры—вереница танцующихъ понеслась мимо Короля и Королевы, мимо блестящаго сонма приглашенныхъ... Оборвался послѣдній аккордъ... Точно завороженный, молчавшій залъ, разразился громомъ аплодисментовъ. Среди шума и выраженія восторга раздавались крики: «Живіо Русія!»

Русскій морской агентъ почувствовалъ теплое пожатіе руки. Полковникъ Блэръ, взволнованный, съ влажными глазами, наклонился къ нему и съ легкимъ англійскимъ акцентомъ, сказалъ по - русски: «Нѣтъ Россія погибнуть не можетъ, не смѣетъ погибнуть!»

Прошло нѣсколько недѣль. Полковникъ Блэръ заболѣлъ. Несмотря на всѣ принятыя мѣры, онъ скончался. Ему не дано было вновь увидѣть Россію, но умирая онъ завѣщалъ похоронить его на Славянской. землѣ. Вдова свято исполнила его волю. Грустны были проводы его въ послѣдній путь. Гробъ на лафетѣ сопровождалъ отрядъ сербскихъ войскъ съ оркестромъ музыки. За гробомъ шла въ глубокомъ траурѣ вдова, за нею чины Британской и Русской миссій въ Бѣлградѣ и толпа русскихъ эмигрантовъ. Вотъ и вокзалъ: гробъ подымаютъ сербскіе и русскіе офицеры и несутъ въ траурный вагонъ. Войска берутъ на караулъ и на площади раздаются торжественные звуки: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ».

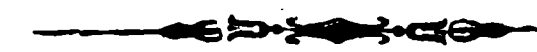
Поѣздъ тронулся. Послѣднее прости. Однимъ большимъ другомъ Россіи стало меньше на нашей землѣ!

Очаровательнѣйшей изъ красивѣйшихъ провинцій Югославіи является Словенія. Причудливыя складки

горъ перерѣзаютъ ее. Пѣнистые говорливые потоки несутся внизъ, проложивъ свои ложа сквозь рощи и кустарники зеленыхъ долинъ.

Вѣчными снѣгами одѣты подоблачныя вершины Триглава. Зеленые алпійскіе луга мягкимъ бархатомъ одѣваютъ склоны сосѣднихъ горъ. Пониже тянутся рощи хвойныхъ деревьевъ. Кое гдѣ попадаются лѣсочки нашихъ родныхъ березъ. Горныя озера, точно синіе сапфиры вкраплены то здѣсь, то тамъ среди этихъ живописныхъ пейзажей.

Среди этой красоты Божьяго міра нашелъ послѣдній пріютъ на землѣ полковникъ Блэръ. Могила его находится въ горахъ прекрасной Словеніи.

Особый Дивизіонъ.

Вы думаете, что только люди являются игрушками въ рукахъ судьбы? Что только люди могутъ испытать ея превратности? Нѣтъ! Если вы углубитесь мысленно въ исторію какого нибудь предмета или вещи, вы убѣдитесь, что они могли бы разсказать много интереснаго, если бы только они умѣли говорить.

Эта мысль мелькнула у меня при воспоминаніи о судьбѣ трехъ маленькихъ русскихъ подводныхъ лодокъ. О ней мнѣ и хотѣлось бы разсказать.

Въ доброе старое время случалось, что въ огромной машинѣ государственнаго строительства Россійской Имперіи не все бывало согласованнымъ. Слишкомъ велики были масштабы, слишкомъ огромны были потребности. По сравненію съ мизерностью нынѣшней соціалистической стройки, съ ея безчисленными прорывами и «неувязками», съ истерическими выкриками о «достиженіяхъ», о которыхъ въ былое время было бы стыдно говорить, теперь кажется, что прошлое творческое созиданіе различныхъ сторонъ жизни нашей Родины было какимъ то волшебнымъ царствомъ. Тогда точно по мановенію магической палочки закипала жизнь въ пустыняхъ Средней Азіи, въ дремучей Сибирской тайгѣ, среди могучихъ Кавказскихъ горъ и въ тундрѣ Дальняго Сѣвера.

Такая же кипучая, творческая дѣятельность царила тогда и въ области совершенствованія военнаго и морского дѣла.

Но, благодаря огромности дѣлъ, бывало, что одно вѣдомство не вполнѣ согласовывало свою дѣятельность съ другими. Такъ было и съ этими тремя подводными лодками, построенными по заказу главнаго техническаго управленія военнаго министерства.

Послѣ Русско-Японской войны Россія начала вновь создавать свой флотъ на Балтійскомъ морѣ. Подъ руководствомъ энергичнаго и молодого адмирала Н. О. фонъ Эссенъ готовился личный составъ. На берегу кипѣла работа по оборудованію судостроительныхъ заводовъ для начала постройки новыхъ судовъ. Энергично велись опыты съ новымъ тогда оружіемъ— подводными лодками. Первыя русскія подводныя лодки были маленькія и немореходныя. Такъ «Бѣлуга» «Пескарь» и «Стерлядь» постройки 1904 года имѣли всего 105 тоннъ водоизмѣщенія и въ надводномъ положеніи давали 10 узловъ хода. Уже «Окунь» и «Макрель» постройку 1907 года были 110 тоннъ водоизмѣщенія. «Акула» (1908 года) — 370 тоннъ, а «Кайманъ», «Крокодилъ» и «Аллигаторъ» (1908 года) даже 409 тоннъ. Послѣ всесторонняго изученія вопроса подводнаго плаванія, къ 1914 году въ Балтійскомъ морѣ была заложена серія изъ 12-ти подводныхъ лодокъ проекта корабельнаго инженера Бубнова. Имена ихъ были: «Барсъ», «Вепрь», «Волкъ», «Гепардъ», «Львица», «Кугуаръ», «Пантера», «Рысь», «Тигръ», «Туръ» и «Ягуаръ». Эти лодки были по 650 тоннъ водоизмѣщенія, были вполнѣ мореходными и прекрасно вооруженными. Если маленькій «Пескарь» имѣлъ 67 футъ длины, то могучій «Барсъ» былъ длиною въ 223 фута и рядомъ съ «Пескаремъ» казался громаднымъ кораблемъ.

И вотъ, какъ разъ въ этотъ періодъ, военное ми-

нистерство, не сговорившись съ морскимъ, заказало помянутыя выше три маленькія подводныя лодки для нуждъ обороны рейдовъ крѣпости Кронштадтъ. Именъ эти лодки не получили, а числились въ спискѣ подъ номерами — № 1, № 2 и № 3. Онѣ были всего около 70 тоннъ водоизмѣщенія, экипажъ ихъ состоялъ изъ одного офицера и человѣкъ 10 команды (все унтеръ-офицеры). Эти лодки имѣли по одному двухствольному продольному минному аппарату. Въ отличіе отъ прочихъ нашихъ лодокъ у нихъ, для подводнаго плаванія были особые легкіе аккумуляторы системы Эдиссона. По испытаніи своихъ механизмовъ эти лодки оказались очень быстроходными въ погруженномъ состояніи, но, какъ и слѣдовало ожидать, онѣ были совершенно немореходными благодаря своимъ малымъ размѣрамъ. Поэтому, казалось, никакого боевого примѣненія въ случаѣ войны имъ дать не придется.

Началась война 1914 — 18 г. г, военное министерство передало лодки №№ 1, 2 и 3 въ Балтійскій флотъ. Тамъ, при всемъ недостаткѣ боевыхъ судовъ, пришли къ убѣжденію, что онѣ къ боевой работѣ совершенно не пригодны.

Осенью 1914 года наша младшая сестра и вѣрная союзница Сербія начала испытывать острую нужду въ боевыхъ припасахъ и въ пищевыхъ продуктахъ. Несмотря на то, что сама Россія очень нуждалась въ боевыхъ припасахъ, по повеленію Государя Императора, морское министерство принялось за снабженіе сербской арміи. На рѣкѣ Дунай была сформирована русская «Дунайская флотилія» подъ флагомъ Свиты Его Величества контръ-адмирала М. М. Веселкина. Флотилія состояла изъ вооруженныхъ пароходовъ и

баржъ. База ея была въ г. Рени. Суда флотиліи доставляли по Дунаю въ Сербію боевые припасы, хлѣбъ, фуражъ, санитарный матеріалъ. При флотиліи былъ сформированъ маленькій отрядъ канонерскихъ лодокъ для обороны устьевъ рѣки Дунай. Въ этотъ отрядъ и былъ назначенъ «особый дивизіонъ» подводныхъ лодокъ, состоявшій изъ лодокъ №№ 1, 2 и 3. Въ морскомъ генеральномъ штабѣ рѣшили, что на Дунаѣ въ прѣсной водѣ или въ полупрѣсной водѣ на плесахъ устьевъ этой рѣки и въ Одесскомъ Лиманѣ эти лодки могутъ дѣйствовать противъ непріятельскихъ судовъ.

Подводныя лодки №№ 1, 2 и 3 были погружены въ «Рамбовѣ», какъ назывался въ просторѣчьи Ораніенбаумъ, на платформы желѣзной дороги и покатили по всей шири матушки Россіи съ сѣвера на югъ въ г. Рени.

Командиры и команды лодокъ ѣхали съ ними въ одномъ эшелонѣ въ классныхъ вагонахъ. При массовой перевозкѣ грузовъ и войскъ по всѣмъ дорогамъ этотъ эшелонъ не возбуждалъ вниманія, тѣмъ болѣе, что лодки были закрыты толстыми сѣрыми брезентами. По прибытіи въ г. Рени лодки были спущены въ Дунай и вошли въ составъ «Отряда обороны устьевъ р. Дунай».

* * *

Осенью 1915 года у насъ образовался новый театръ войны — въ Бѣломъ морѣ и вдоль Мурманскаго побережья Сѣвернаго Ледовитаго океана. Нѣмцамъ удалось поставить на западномъ фарватерѣ Горла Бѣлаго моря минныя загражденія. На нихъ погибло нѣсколько судовъ съ цѣннымъ военнымъ грузомъ. Русскій морской генеральный штабъ, со свойственной ему энергіей, приступилъ къ организаціи

обороны этого новаго театра. Немедленно была сформирована партія траленія и было приступлено къ образованію флотиліи Сѣвернаго Ледовитаго океана. Наши союзники — англичане — со своей стороны, прислали отрядъ тральщиковъ. Главноначальствующимъ на новомъ театрѣ войны съ правами главнокомандующаго былъ назначенъ вице-адмиралъ Угрюмовъ. Передъ отѣздомъ въ Архангельскъ онъ собралъ въ морскомъ генеральномъ штабѣ совѣщаніе изъ соотвѣтствующихъ офицеровъ-спеціалистовъ. На этомъ совѣщаніи было рѣшено перебросить въ Бѣлое море «особый дивизіонъ» подводныхъ лодокъ. По всему чувствовалось, что скоро на Мурманѣ и въ Бѣломъ морѣ появятся непріятельскія подводныя лодки. Наши маленькія лодки №№ 1, 2 и 3 на рейдахъ и въ Кольскомъ заливѣ, могли бы оказаться, благодаря своей поворотливости и скорости, грознымъ противникомъ большихъ непріятельскихъ подводныхъ лодокъ.

Въ этихъ мѣстахъ мореходности не требовалось, а использовать ихъ въ качествѣ противолоднаго оружія было очень заманчиво.

Осенью 1915 года г. Архангельскъ кипѣлъ буйной жизнью. Кого только не приходилось встрѣчать на широкомъ Троицкомъ проспектѣ — русскіе, англичане, голландцы, французы, даже индусы и негры встрѣчались среди шумной толпы.

Въ одинъ прекрасный ясный осенній день на Троицкомъ проспектѣ появились два морскихъ офицера — одинъ высокій и полный — въ чинѣ старшаго лейтенанта, другой средняго роста худощавый — въ чинѣ лейтенанта. Они быстро прошли къ пристани, около которой ошвартовился ледорѣзъ «Канада». На

«Канадѣ» былъ поднятъ флагъ главноначальствующаго. Оба офицера поднялись по трапу и прошли въ большой салонъ, гдѣ адмиралъ принималъ являющихся.

Старшій лейтенантъ былъ И. И. Ризничъ, начальникъ «дивизіона особаго назначенія» и одновременно командиръ подводной лодки № 2, а лейтенантъ — В. К. Шмидтъ, командиръ подводной лодки № 1. Оба они явились армиралу, причемъ старшій лейтенантъ Ризничъ доложилъ, что лодки №№ 1 и 2 прибыли благополучно и стоятъ на станціи Архангельскъ-товарная на платформахъ. Обѣ лодки въ порядкѣ, команда здорова. Что касается лодки № 3, то ее пришлось оставить въ г. Рени, такъ какъ ей необходимо было серьезно ремонтировать моторъ.

Адмиралъ ласково принялъ обоихъ офицеровъ, пригласилъ ихъ позавтракать у него на «Канадѣ» и пожалѣлъ, что лодку № 3 оставили въ Рени. «Архангельскъ теперь не то, что въ мирное время», сказалъ адмиралъ, «у насъ уже имѣется военный портъ и командиръ его энергичный генералъ Форсель, такъ наладилъ мастерскія, что моторъ, вѣроятно, отремонтировали бы и здѣсь».

Но дѣло было сдѣлано и подводная лодка № 3 оказалась въ «отдѣльномъ плаваніи».

Вечеромъ того же дня въ большомъ кабинетѣ «Товарищества Официантовъ», находящіеся въ Архангельскѣ русскіе и англійскіе морскіе офицеры чествовали вновь прибывшихъ соратниковъ. Во время ужина всѣ хоромъ пропѣли «John Brown's body», а начальникъ британской партіи траленія, капитанъ 2 ранга Бэрней поднесъ старшему лейтенанту Ризничъ, по его произношенію, «Chsharochkoo».

На другой день утромъ жители Архангельска съ любопытствомъ смотрѣли на Сѣверную Двину. Въ серединѣ рѣки два невѣдомыхъ сигарообразныхъ судна производили какія то упражненія. Штабъ не желалъ скрывать присутствія нашихъ подводныхъ лодокъ на этомъ театрѣ, полагая, что для нѣмцевъ одно ихъ появленіе здѣсь уже является угрозой. Обѣ лодки, окрашенныя въ сѣро-стальной цвѣтъ, то ходили по поверхности, то ныряли точно касатки подъ воду и тогда на рѣкѣ виднѣлись точно двѣ плывущія вѣшки съ бурунчикомъ впереди. Опробовавъ лодки въ прѣсной водѣ И. И. Ризничъ поставилъ ихъ у мастерскихъ военнаго порта для мелкаго ремонта и переборки механизмовъ, а самъ, совмѣстно съ и. д. флагъ-капитана по оперативной части, занялся разработкой вопроса о переброскѣ лодокъ въ Кольскій заливъ и выработкой пріемовъ ихъ борьбы съ непріятельскими подводными лодками. Въ Архангельскѣ уже имѣлись точныя свѣдѣнія, что нѣмецкія подводныя лодки появились въ норвежскихъ фіордахъ около Нарвика и можно было со дня на день ждать ихъ визита въ нашихъ водахъ. Малый размѣръ нашихъ лодокъ не позволялъ имъ идти самостоятельно на Іокангскій рейдъ и далѣе въ Кольскій заливъ.

Поэтому было рѣшено, что обѣ лодки пойдутъ на буксирѣ вспомогательныхъ крейсеровъ. Людей на лодкахъ не будетъ, а экипажи ихъ будутъ находиться на буксирующихъ корабляхъ. Лодки будутъ задраены наглухо, горизонтальные и вертикальные рули будутъ закрѣплены, буксиры будутъ стальные и пеньковые, дабы имѣть большую увѣренность, что на походѣ они не лопнутъ. Только бы не было свѣжей погоды и то-

гда переброска «особаго дивизіона» въ Кольскій заливъ обезпечена. Но кто поручится за бурное, своевольное Бѣлое море, да еще въ это уже позднее время года?

Въ назначенный день вспомогательные крейсеры «Василій Великій» и «Сергій Витте», имѣя на буксирѣ каждый по одной подводной лодкѣ «особаго дивизіона» вышли изъ Архангельска въ Бѣлое море. Осторожно прошли они судоходный рукавъ рѣки — Маймаксу и вышли за баръ къ Мудьюгскому плавучему маяку. Отсюда оба корабля легли на маякъ Зимнегорскій на Зимнемъ (восточномъ) берегу Бѣлаго моря и дали свой обычный ходъ — около 12 узловъ. Скоро скрылись за кормою низкіе берега устьевъ Двины и и кругомъ развернулась сѣровато-зеленая поверхность моря. Вода еще мутноватая отъ массы ила, который выноситъ въ море могучая красавица Сѣверная Двина. Погода была тихая, но вдали на сѣверѣ виднѣлись надъ горизонтомъ перистыя облака, которыя предвѣщаютъ вѣтеръ. Они не обманули нашихъ мореплавателей. Нѣсколько порывовъ холоднаго вѣтра; еще и еще! По морю загуляли бѣлые барашки и спустя нѣсколько часовъ задулъ свѣжій нордъ-вестъ, застонали снасти, разгулялись сердитыя, пѣнистыя волны. «Василій Великій» и «Сергій Витте», опасаясь за свои драгоцѣнные буксиры, рѣшили идти въ бухту противъ становища Тетерина на Терскомъ (западномъ) берегу Бѣлаго моря. Какъ только повернули на новый курсъ, идущая лагомъ изъ Горла волна начала жестоко раскладывать корабли. Волочащіяся на буксирахъ подводныя лодки прыгали будто поплавки, то скрываясь въ волнахъ, то выскакивая на ихъ гребни. Уже близокъ Терскій берегъ, скоро и спаситель-

ная бухточка, закрытая отъ вѣтра и волны. Но не суждено было нашимъ мореплавателямъ переждать погоду. «Слухачъ» въ радіо-телеграфной рубкѣ «Сергія Витте» поймалъ «что то». Обрывки какихъ то депешъ частью на англійскомъ частью на русскомъ языкахъ. Черезъ минуту съ «Василія Великаго» передали по семафору, что ихъ радіо станція перехватила тоже обрывки депешъ. Изъ сопоставленія всего полученнаго поняли, что, гдѣ то около маяка Городецкаго взорвался на минѣ англійскій вспомогательный крейсеръ «Арланца», только что ушедшій изъ Архангельска въ Англію. Что дѣлать нашимъ маленькимъ вспомогательнымъ крейсерамъ? Идти на помощь «Арланцѣ» значитъ рисковать подводными лодками; оставить лодки въ бухтѣ; идти безъ нихъ тоже рискованно, слишкомъ онѣ безпомощны. Рѣшили идти, оставивъ лодки на буксирѣ, а тамъ что Богъ дастъ. Принявъ рѣшеніе оба корабля повернули и легли вдоль Терскаго берега, напрягая всѣ силы своихъ слабыхъ машинъ, въ борьбѣ съ громадными валами, катящимися изъ океана въ Горло Бѣлаго моря.

Гудитъ свирѣпое Студенное море! Яростно набрасываются бушующія волны на идущіе имъ въ разрѣзъ корабли. Вотъ могучій валъ лизнулъ скулу «Сергія Витте» и разъяренный покатился по его палубѣ, бѣшено поднявъ корабль носомъ кверху и затѣмъ открывъ передъ нимъ зеленую бездну — подошву слѣдующей волны. А тамъ вторая волна, а дальше третья. Маленькій корабль скрипитъ мучительно, точно стонетъ отъ боли. На палубѣ его тоскливымъ лаемъ заливаются собаки — лайки взятые для доставки въ Колу. Ихъ штукъ 30 на «Сергіѣ Витте».

Бѣдныя животныя привязаныя цѣпочками къ борту, видимо тоскуютъ, и завываютъ глядя на луну, которая заливаетъ зеленовато - серебристымъ свѣтомъ своимъ мокрую палубу и бѣлые гребешки волнъ. И. д. флагъ-капитана по оперативной части лежитъ на койкѣ въ маленькой каютѣ, переборки которой обвѣшаны шкурами бѣлыхъ медвѣдей. Онъ жадно куритъ папиросу за папиросой и внимательно читаетъ «Лоцію Бѣлаго моря», ломая голову надъ тѣмъ, что могло случиться съ «Арланца». Какъ на зло всѣ радіо прекратились, а вѣтеръ и волна «въ лобъ», такъ задерживаютъ корабли, что лишь къ утру можно расчитывать добратьтся до Святого Носа. Извѣстно только, что у «Арланца» пробоина, но спасенъ ли корабль, живы ли бывшіе на немъ, — ничего неизвѣстно и это мучаетъ молодого лейтенанта. Наверху слышны стоны, это бѣдный часовой около денежнаго ящика, молодой матросъ первогодокъ, страдаетъ морской болѣзнью. Но стоитъ молодчага и на вопросъ караульнаго начальника — «хочешь смѣниться по болѣзни?» твердо отвѣчаетъ: «никакъ нѣтъ господинъ унтеръ-офицеръ, достою».

Душно въ каютѣ; изводитъ вой бѣдныхъ псовъ и унылый шумъ волнъ за бортомъ. Всталъ лейтенантъ; невольно выругался, ударившись больно объ уголъ шкафа, ибо какъ разъ въ этотъ моментъ такъ «поддало», что палубу изъ подъ ногъ точно вырвало. Поймавъ равновѣсіе лейтенантъ вышелъ по трапу на ютъ. Тамъ на кнехтѣ сидѣлъ въ дождевомъ плащѣ старшій лейтенантъ Ризничъ, поставивъ ногу на взятый за кнехтъ буксиръ его лодки. Сзади за кормой, въ освѣщенныхъ лучами луны волнахъ, прыгала его лодка.

Ризничъ съ тревогой смотрѣлъ на свое дѣтище и молча, видимо тревожась, посмотрѣлъ на лейтенанта. «Ничего не придумаешь!» сказалъ онъ вставая, «а тревожно! Слишкомъ рѣзкіе толчки! Оборвать можетъ буксиры!» «Время уже позднее», отвѣтилъ лейтенантъ, «вѣроятно къ тремъ часамъ ночи мы пройдемъ траверзъ Святого Носа и повернемъ на Іокангскій рейдъ, а тамъ, надо думать, меньше будетъ качать».

И. И. Ризничъ опять мрачно водрузился на свой кнехтъ, зажегъ маленькую электрическую лампочку и принялся читать Евангеліе въ черномъ кожаномъ переплетѣ. «Я на походѣ всегда», сказалъ онъ, «когда возможно, читаю эту книгу. Она со мной всѣ плаванья сдѣлала. Ближе къ Богу не будешь, какъ въ морѣ да еще читая Святое Евангеліе. Въ случаѣ чего я васъ разбужу, я спать не буду», добавилъ онъ. Лейтенантъ прошелъ по мокрой палубѣ, гдѣ его встрѣтили неистовымъ лаемъ собаки; концертъ продолжался пока онъ каждую изъ нихъ не погладилъ по головѣ, послѣ чего благодарныя и вѣрныя животныя, жалобно поскуливая и ежась отъ каскадовъ холодной воды брызгами проносящейся по палубѣ, притихли. На мостикѣ озабоченный капитанъ и вахтенный начальникъ не спускали глазъ съ точки горизонта, гдѣ долженъ былъ открыться Снятой Носъ. Капитанъ и вахтенный начальникъ не были военными и плавали на «Сергіи Витте» по «воинской повинности». Оба они были превосходные моряки — поморы по рожденію. Поговоривъ съ ними лейтенантъ опять спустился въ свою каюту и крѣпко заснулъ. Проснулся онъ глубокой ночью, инстинктивно почувствовавъ, что измѣнилось направленіе качки.

Дѣйствительно теперь волна уже была въ пра-

вый бортъ. Бортовая качка плавная, но зато размахи ея гораздо больше.

Лейтенантъ быстро вскочилъ и поймавъ темпъ качки выбѣжалъ по трапу на ютъ. Слѣва мигалъ въ темнотѣ маякъ Святой Носъ. Корабли уже повернули и теперь шли къ Іокангскому рейду. И. И. Ризничъ по прежнему сидѣлъ на кнехтѣ, держа ногу на буксирѣ своей лодки. Вдругъ онъ встревоженнымъ голосомъ сказалъ, что буксиръ ослабъ. Немедленно застопорили машину, вызвали вахтенное отдѣленіе и начали выбирать буксиръ; онъ шелъ сравнительно легко. Бывшая на немъ подводная лодка оборвалась. Оборванный конецъ буксира ясно показывалъ это. Зажгли прожекторъ, передали по семафору на «Василій Великій» о несчастьи, но поиски не помогли. Подводная лодка № 2 пропала. Обшарили прожекторами вокругъ кораблей, но въ лучахъ ихъ были видны только безконечныя волны съ пѣнистыми гребнями.

Придя съ разсвѣтомъ на Іокангскій рейдъ, передали повсюду координаты мѣста, гдѣ ослабъ буксиръ. Но поиски тральщиковъ и днемъ не дали никакихъ результатовъ. Подводная лодка № 2 несомнѣнно утонула недалеко отъ маяка Святой Носъ. Повидимому въ нее, сквозь крышку боевой рубки, набралась вода, она погрузилась и при поворотѣ «Сергія Витте» ея буксиръ оборвался. Бѣдный И. И. Ризничъ и команда этой лодки остались сиротами.

Надо знать морскую жизнь, чтобы понять какъ тяжело экипажу, теряющему свой корабль. Это ощущеніе сходно съ кончиной близкаго человѣка! На Іокангскомъ рейдѣ наши мореплаватели нашли «Арлан-

ца», хотя и подорванный, но на плаву; всѣ бывшіе на немъ оказались живы и здоровы.

Такимъ образомъ въ Кольскій заливъ изъ всего «особаго дивизіона» добралась только подводная лодка № 1.

Дѣйствовать ей противъ непріятеля не пришлось, но пребываніе ее въ Кольскомъ заливѣ значительно умѣряло энергію непріятельскихъ лодокъ и въ этомъ заливѣ онѣ не появились.

* * *

Пришла «великая, безкровная». Въ нашей базѣ въ Кольскомъ заливѣ, какъ и повсюду по одураченной Руси, появились плакаты — «война до побѣднаго конца», послѣ чего народъ валомъ повалилъ съ фронта «домой». Другіе плакаты извѣщали, что «самодержавіе растрачивало народное достояніе — теперь народъ самъ взялъ въ свои руки управленіе своимъ имуществомъ и онъ сохранитъ его». Поэтому вездѣ, гдѣ только оказались цѣнныя казенныя вещи, «народъ» упорно ихъ кралъ и портилъ. Такъ случилось и съ подводной лодкой № 1. Сначала съ нее начали пропадать мѣдныя части, потомъ болѣе цѣнные предметы, какъ разные приборы, часы, затѣмъ инвентарь, наконецъ, части аккумуляторовъ, перископовъ и минныхъ аппаратовъ. Къ приходу на Мурманъ англичанъ въ періодъ гражданской войны отъ этой лодки остались только «рожки да ножки», какъ поется въ дѣтской пѣсенкѣ. Дальнѣйшая судьба этого бѣднаго маленькаго корабля мнѣ точно неизвѣстна. Англичане, уходя съ Мурмана, увели съ собой всѣ болѣе цѣнныя суда флотиліи Сѣвернаго Ледовитаго океана. Говорятъ, что для «вѣрности» они передъ уходомъ утопили лодку № 1. Во вся-

комъ случаѣ эта лодка не упоминалась ни въ числѣ уведеннаго англичанами имущества, ни въ числѣ оставшагося у большевиковъ.

***

Итакъ обѣ маленькихъ подводныхъ лодки № 1 и № 2, бывшія на Сѣверѣ, кончили тамъ свое существованіе. Осталась послѣдняя спутница ихъ по «особому дивизіону» подводная лодка № 3. Она, какъ мы помнимъ осталась въ г. Рени.

Въ боевыхъ дѣйствіяхъ ей участвовать не пришлось. Когда въ Венгріи товарищъ Бѣлоконь (кличка Бела Кунъ) ненадолго овладѣлъ властью и началъ обычную варварскую рѣзню, подводная лодка № 3 съ русскими «товарищами» торжественно прибыла по Дунаю въ Будапештъ привѣтствовать венгерскую революцію. Торжества были недолгія, красная власть въ Венгріи пала, венгерскій народъ энергично помогъ ея уничтоженію и подводная лодка № 3 въ качествѣ военнаго приза попала въ руки англійскихъ моряковъ, принимавшихъ участіе въ походѣ на Будапештъ.

***

Среди бури міровой войны родилось на Балканахъ новое государство, нынѣ называемое Югославіей. Чудное мѣстоположеніе занимаетъ ея столица — Бѣлградъ. На высокомъ берегу расположенъ этотъ городъ, лежащій при сліяніи Дуная и Савы. Обѣ славянскія рѣки любовно обтекаютъ его и сливаются въ томъ мѣстѣ, гдѣ высоко надъ городомъ взметнулся Калимегданъ — старая крѣпость.

Нынѣ надъ Калимегданомъ господствуетъ, какъ доказательство силы и мощи славянскаго генія — «Воjни Географски Институт» (Главное Военно-Топографиче-

ское Управленіе), зданіе котораго въ стилѣ Новгородскаго «дѣтинца» спроектировано рускимъ архитекторомъ г. Васильевымъ. Рѣдко можно встрѣтить городъ, столь красиво расположенный, какъ Бѣлградъ. Для насъ, для русскихъ видѣть его цвѣтущимъ и счастливымъ было, и остается нынѣ, единственной радостью, ибо счастье этой, братской намъ, страны доказываетъ намъ, что наши муки и страданія въ минувшую войну прошли не совсѣмъ безцѣльно. Онѣ были нужны, онѣ спасли нашу младшую сестру Сербію, онѣ избавили отъ тевтонскаго рабства балканскихъ славянъ. Что будетъ потомъ, мы не знаемъ, но сейчасъ, теперь, мы оставшіеся въ живыхъ русскіе участники Великой войны можемъ найти въ существованіи и процвѣтаніи Югославіи утѣшеніе въ нашемъ горѣ.

Въ этой молодой столицѣ Югославіи разыгралась послѣдняя сценка тѣхъ событій, о которыхъ я пишу выше. Маленькій осколокъ былой Россіи — Россійская Императорская миссія еще существовала въ обновленномъ радостномъ Бѣлградѣ; русскій посланикъ еще сносился, по всѣмъ русскимъ вопросамъ, со своими коллегами. Однажды онъ прочелъ въ мѣстныхъ газетахъ, что въ г. Новый Садъ, лежащемъ на Дунаѣ и находящемся недалеко отъ Бѣлграда въ провинціиСремъ, продается съ торговъ на сломъ бывшая русская подводная лодка, захваченная англичанами у большевиковъ въ Будапештѣ. Эта была наша знакомая подводная лодка № 3.

Горькая усмѣшка мелькнула на устахъ русскаго посланника. Какъ ни мала была эта подводная лодка, она была когда то въ составѣ Россійскго Император-

скаго флота; она носила Андреевскій флагъ! Ее продажа съ торговъ оскорбительна для русскаго національнаго чувства.

Посланникъ вызвалъ къ себѣ военно-морскаго агента; это былъ знакомый намъ лейтенантъ. Посланникъ приказалъ ему явиться въ британскую миссію и предявить британскому посланнику вербальную ноту; въ ней русскій посланникъ требовалъ объясненія по вопросу о продажѣ русской подводной лодки № 3 съ торговъ.

Черезъ часъ русскій военно-морской агентъ входилъ въ зданіе британской миссіи въ Бѣлградѣ. Онъ былъ въ лѣтней парадной формѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ; въ рукахъ его былъ матерчатый конвертъ, заключавшій въ себѣ ноту. Англійскій посланникъ немедленно принялъ русскаго офицера. Добрый, искренне расположенный къ Россіи и самъ тяжело переживавшій русское горе, высокій, стройный англійскій дипломатъ офиціально, строго, принялъ ноту и медленно, прочелъ ее. Лицо его было задумчиво и грустно.

Вдругъ ласковая шутливая улыбка озарила его. «Что-жъ мой дорогой? Значитъ война?» сказалъ онъ и. дружески взявъ подъ руку русскаго офицера усадилъ его рядомъ съ собою въ глубокое кожаное кресло. «Передайте вашему милому посланнику, что я на ноту отвѣчу офиціально до истеченія ея срока, а пока могу лишь сказать, что при всемъ горячемъ моемъ сочувствіи къ вамъ, я безсиленъ что либо сдѣлать. Вѣдь этика и мораль къ сожалѣнію расшатаны не толь-

ко у васъ въ Россіи. Все захваченное нашими моряками у большевиковъ въ Будапештѣ продается съ торговъ, какъ негодный ломъ. Объ этой продажѣ насъ дипломатовъ никто не извѣщаетъ и остановить подобную продажу мы не въ силахъ».

Въ тотъ же день въ русской миссіи былъ полученъ отвѣтъ на вербальную ноту. Англійскій посланникъ, выражая свое глубокое сочувствіе русскому посланнику, благодарилъ его за откровенное и твердое сообщеніе о томъ горѣ, которое причиняетъ русскимъ продажа подводной лодки № 3. Англійскій посланникъ въ своемъ отвѣтѣ раздѣляя точку зрѣнія русскаго посланника, сообщалъ, что онъ поставитъ объ этомъ въ извѣстность британскія морскія власти, но указывалъ, что онъ не въ силахъ остановить или запретить продажу, въ «виду измѣнившихся условій нормальныхъ дипломатическихъ сношеній». Въ своемъ отвѣтѣ англійскій посланникъ упомянулъ, что русская нота является исторически цѣннымъ документомъ, подтверждающимъ незыбленность культурныхъ дипломатическихъ сношеній между цивилизованными народами.

Подводная лодка № 3 была продана съ торговъ на сломъ, какъ ломъ желѣза въ г. Новый Садъ, въ Югославіи въ 1920 году. Покупатель заплатилъ за нее 80.000 кронъ или 20.000 динаръ.

Прошло много лѣтъ. Сотни тысячъ русскихъ людей выброшены за рубежъ родной земли. Милліоны жизней человѣческихъ принесены въ жертву современному Молоху — революціи. Каждому изъ насъ, оставшемуся живымъ, есть что разсказать про прожитые страшные годы. Однако вы видите, мои чита-

тели, что не только живые люди были вольными или невольными участниками страшной катастрофы.

Судьба подводныхъ лодокъ «особаго дивизіона» является тому нагляднымъ примѣромъ.

Первая Награда.

Осенью 1915 года положеніе поморскаго населенія Мурмана и раіона Бѣлаго моря было необычайнымъ. Во-первыхъ всѣхъ «мужиковъ» мобилизвали въ дивизію траленія Бѣлаго моря; во-вторыхъ имъ, привыкшимъ плавать только лѣтомъ, а зимою отдыхать въ своихъ становищахъ, было сказано, что будемъ плавать «пока можно плавать»; наконецъ, въ-третьихъ, вмѣсто мужчинъ пошли въ море на промыселъ женщины, дѣвушки и маленькія зуйки *. Однако такое напряженіе нисколько не остановило обычнаго промысла.

Угрюмо осенью суровое Бѣлое море. Свирѣпые валы, съ пѣнистой гривой гуляютъ по нему, будто сердясь, что скоро уже тяжелая броня полярныхъ льдовъ скуетъ ихъ буйство и вольность.

Русскіе поморы, обитатели этихъ мѣстъ, потомки новгородцевъ, совсѣмъ непохожи на тѣхъ русскихъ людей, которыхъ мы привыкли видѣть во внутреннихъ губерніяхъ.

Поморы все лѣто, въ обычное время, рыбачатъ на своихъ утлыхъ карбасахъ у острова Маржовецъ, и вдоль Мурманскаго берега и уходятъ даже къ Норвегіи.

А какъ пойдетъ валомъ «трещочка» къ Семи Островамъ, такъ тутъ только держись; не зѣвай! Рыбы въ такіе періоды такъ много, что будь у бѣдныхъ поморовъ цѣлая флотилія паровыхъ тралыциковъ, будь у нихъ трюмы для засола рыбы по новымъ спо-

* Мальчики.

собамъ, то и тогда хватило бы добычи на всѣхъ, Громадныя богатства таятъ въ себѣ морскія глубины вдоль нашего Мурмана, и въ бассейнѣ Бѣлаго моря.

Недаромъ Адмиралъ С. О. Макаровъ сказалъ какъ то: «Что если Россію сравнивать съ домомъ, то фасадомъ своимъ она выходитъ на Сѣверный Ледовитый океанъ.» Сѣверный Ледовитый океанъ—это наше русское море. Тамъ и развивились уже русскіе люди —поморы, прирожденные моряки.

Въ мирное время единственно чего не хватало этому краю—это хорошихъ путей сообщенія, благодаря чему плотность населенія была слишкомъ малой. Поэтому наше рыбачье поморское населеніе и не имѣло еще налаженнаго по современному промысла; бывало ему не хватало даже соли для засола рыбы, не говоря уже о средствахъ для покупки современныхъ тральщиковъ.

Однако, постепенно все это развивалось и вѣроятно, не будь революціи, послѣ войны этотъ дивный русскій край закипѣлъ бы бурной дѣятельностью. Но горькая судьба Россіи сулила иное и богатства этого края, какъ и многія русскія богатства «безъ анексій и контрибуцій», переходятъ въ карманы англійскихъ и норвежскихъ рыболовныхъ компаній.

А между тѣмъ, какъ много можно сдѣлать съ нашими поморами, какъ удивительны они въ морѣ, что такъ несвойственно русскому человѣку по природѣ своей глубоко сухопутному.

Помнится, въ свѣжую погоду, идя на одномъ изъ нашихъ «вспомогательныхъ крейсеровъ», *

* Мобилизованные пароходы Мурманскаго Пароходства.

встрѣтился мнѣ въ морѣ поморскій карбасъ. Одна красота, какъ онъ шелъ. Стройный, повалившись на бокъ, онъ чертилъ гиками своихъ вздувшихся парусов, пѣнистые гребни волнъ. На гафелѣ его развѣвался русскій коммерческій флагъ. На мачтахъ были укрѣплены смоленные боченки для сигнальщиковъ.

Карбасъ шелъ правымъ галсомъ намъ подъ корму. Невольно мы залюбовались имъ. «Этакіе молодцы», услышалъ я голосъ рядомъ. «Хороши молодцы», буркнулъ сигнальщикъ, матросъ - поморъ:— «бабье все».

И дѣйствительно, когда карбасъ срѣзалъ намъ корму, «выходя намъ на лѣвый траверзъ», мы увидѣли, что на немъ и капитанъ и команда исключительно женщины - поморки. Въ высокихъ сапогахъ, съ подоткнутыми юбками, волосы туго завязаны яркими платками. Онѣ постарались пройти съ шикомъ мимо военнаго корабля. «Команда» выстроилась на ютѣ. «Командиръ» стоялъ на правыхъ шканцахъ и отдавалъ намъ честъ.

Груднымъ контральто «онъ» скомандывалъ — «отсалютовать флагомъ!» и тотчасъ же флагъ на карбасѣ медленно приспустился и затѣмъ поднялся «до мѣста».

«Надраены у насъ бабы Ваше Высокоблагородіе», не безъ гордости сказалъ сигнальщикъ.

На мачтахъ карбаса въ боченкахъ виднѣлись зуйки-сигнальщики, повидимому они были единственными представителями сильннаго пола на этомъ кораблѣ.

Какъ велика и разнообразна Россія! Какія въ ней возможности и крайности! И русская женщина вездѣ оказывается не такой, какъ женщины другихъ народовъ. Подумайте — поморки Бѣлаго моря или Мурманскаго побережья прекрасно замѣняютъ во время войны своихъ мужей и братьевъ на корабляхъ не боясь свѣжихъ погодъ въ бурномъ открытомъ морѣ. Въ безкрайныхъ русскихъ степяхъ женщины казачки садятся на коней, работая за ушедшихъ въ походъ ихъ мужей. Наконецъ, въ деревнѣ русская женщина-крестьянка вспашетъ, посѣетъ и уберетъ поле, когда мужчины окажутся въ отлучкѣ.

Нѣтъ съ такимъ народомъ, въ которомъ сокрыто столько талантовъ и разнообразнаго творчества, страна погибнуть не можетъ.

У насъ въ Бѣломъ морѣ, во время войны, роль женщины была особенно высока, ибо буквально всюду мужчинъ не хватало.

Даже первую награду на нашемъ театрѣ войны получила женщина и притомъ еще маленькая, почти ребенок.

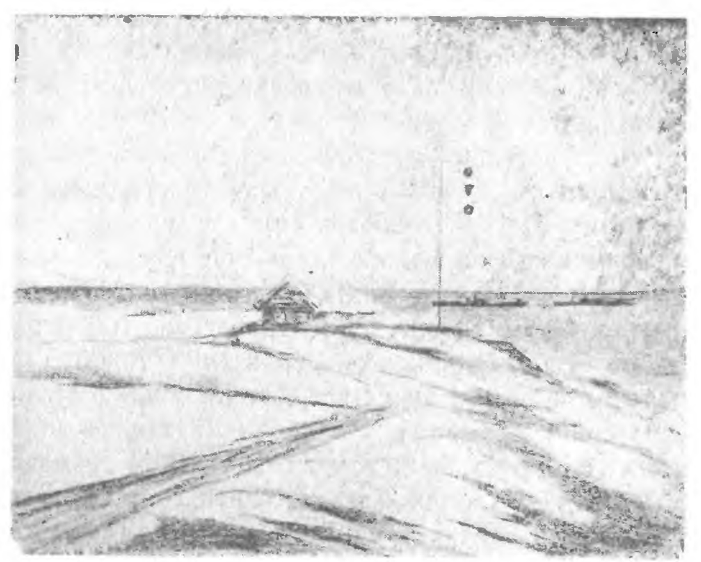
Вотъ, какъ было, насколько мнѣ помнится, это дѣло. На дальнемъ сѣверо-западѣ Бѣлаго моря глубоко выдается длинный тонкій мысъ, носящій названіе Святой Носъ.

По нему опредѣляетъ мореплаватель курсъ, ведущій изъ океана въ Горло Бѣлаго моря. Промахнешься, особенно въ туманную пору, и бѣда — вылетишь на безпощадныя «кошки» *), преграждающія

*) Подводные или полуподводные камни.

это Горло. Идя изъ Бѣлаго моря въ океанъ по западному фарватеру, опять-таки ждешь, когда откроется Святой Носъ, пройдя его траверзъ, легко опредѣлиться, чтобы повернуть въ океанъ.

Этотъ же мысъ будетъ послѣдней точкой Терскаго (западнаго) берега для корабля, уходящаго въ

Святой Носъ.

океанъ. Его привѣтливый огонекъ будетъ послѣднимъ воспоминаніемъ о покинутой землѣ.

Во время войны этотъ мысъ сталъ знаменитымъ и для насъ и для нашихъ союзниковъ. Къ нему шли сотни пароходовъ изъ Англіи, изъ Америки, изъ Норвегіи, изъ Франціи и изъ другихъ странъ. Они везли изнемогающей, безоруженной русской арміи предметы боевого снаряженія.

На самой оконечности Святого Носа стоялъ маякъ, имѣвшій сигнальную мачту, паровую сирену для подачи сигналовъ во время тумана и связанный прямымъ телефоннымъ проводомъ съ Архангельскомъ.

Едва только начала налаживаться доставка военныхъ грузовъ въ Архангельскъ. Уже наступила осень 1915 года. Адмиралъ Главноначальствующій и его маленькій штабъ, пока состоявшій всего изъ одного офицера, съ утра до поздной ночи бились надъ ворохомъ срочныхъ и внѣ очередныхъ телеграммъ, идущихъ отовсюду съ требованіями подать внутрь Россіи и возможно скорѣе, тѣ или другіе грузы. Съ моря шли не менѣе срочныя радіо-телеграммы и телефонограммы службы связи. То у Орловскаго маяка взорвался на непріятельскомъ загражденіи такой то пароходъ, то наши или англійскіе тральщики затралили минную банку на новомъ мѣстѣ, то въ такихъ то Норвежскихъ фіордахъ были замѣчены такія то германскія подводныя лодки. Наконецъ, ежедневно просьбы выслать тралящій караванъ къ Святому Носу для проводки сквозь минныя загражденія пароходовъ со срочнымъ военымъ грузомъ, уже ожидающихъ нѣсколько дней тральщиковъ на Іокангскомъ рейдѣ.

Отъ всего этого голова кружилась. Однажды, поздно ночью прямымъ проводомъ изъ Морского Генеральнаго Штаба передали запросъ о томъ, гдѣ находится одинъ британскій пароходъ съ очень цѣннымъ грузомъ; Морской Генеральный Штабъ сообщалъ, что Британское Адмиралтейство считало, этотъ пароходъ уже прибывшимъ въ Архангельскъ.

Наша служба связи, кстати работавшая удивительно, несмотря на малое количество личнаго состава, пока еще ничего объ этомъ пароходѣ не сообщала.

Офицеръ Штаба, измученный дневной работой, позвонилъ на Святой Носъ по телефону.

«Есть Святой Носъ», отвѣтилъ пискливый дѣтскій голосъ.

«Нѣтъ, видимо у меня галлюцинація слуха», подумалъ офицеръ. «Кто говоритъ? Гдѣ смотритель»? сурово спросилъ онъ.

«Онъ.... Онъ немножко болѣнъ. Я все... все доложу», донесся снова дѣтскій голосокъ.

«Кто у телефона?» совсѣмъ сердито крикнулъ офицеръ.

«Маруся Багрецова. Дочь смотрителя», послышалось въ трубкѣ.

«Сообщите срочно, прибылъ ли такой то пароходъ и дайте полный списокъ судовъ на Іоканскомъ рейдѣ».

Нѣсколько минутъ полнаго молчанія... «Алло. Алло», пищитъ трубка телефона. «Оперативная часть Штаба. У телефона лейтенантъ N».

«Доношу», пищитъ телефонъ, «пароходъ прибылъ 22 часа, дано службу связи. На рейдѣ (перечисляетъ суда). Орловскій маякъ предупредилъ: I-е отдѣленіе тральщиковъ прошло маякъ, идетъ къ намъ. Завтра караванъ идетъ Архангельскъ. № 25367. Святой Носъ. — Телефонограмма окончена», передаетъ тотъ же дѣтскій голосъ. Видимо неизвѣстная малютка

старается тамъ, за 250 миль отъ насъ, на дикомъ, оторванномъ отъ міра мысу, исполнить службу, какъ взрослые.

Полученныя свѣдѣнія успокоили адмирала и дали ему возможность отвѣтить начальнику Морского Генеральнаго Штаба въ Петроградъ. Кромѣ того онѣ убѣдили его, что служба маяка Святой Носъ налажена образцово.

Однако утромъ адмиралъ вызвалъ Директора Маяковъ и Лоціи Бѣлаго моря и спросилъ его серьезна ли болѣзнъ смотрителя маяка Святой Носъ.

Почтенный генералъ Корпуса Гидрографовъ какъ то замялся. «Знаете мой дорогой», сказалъ адмиралъ, вѣдь дѣло тамъ очень серьезное. У насъ на Іокангскомъ рейдѣ скопляется по нѣскольку десятковъ судовъ съ цѣннымъ грузомъ. Не дай Богъ налетъ непріятельскаго корсара, или взрывъ на ненайденной еще минной банкѣ и бѣда. Тутъ нужна огромная выдержка и знаніе личнаго состава маяка. Этотъ маякъ долженъ не только функціонировать безъ отказа, но отъ него требуется постоянно передавать сигналы и по русскому и по международному коду на подходящіе къ мысу суда. Самъ смотритель иногда долженъ, не запрашивая, требовать отъ приходящихъ судовъ исполненія тѣхъ или другихъ приказаній. А между тѣмъ, сегодня ночью мы вызвали маякъ. Оказалось, что смотритель болѣнъ настолько, что не могъ подойти къ телефону. Оказалось, что у него нѣтъ помощника и намъ пришлось имѣть дѣло съ его дочкой-ребенкомъ.

Будьте добры выясните все это и доложите мнѣ точно, по возможности скорѣе».

Докладъ Генерала оказался не совсѣмъ обычнымъ.

«Бѣдный смотритель маяка Святой Носъ прослужилъ почти 30-ть лѣтъ и неожиданно совершенно оглохъ. Кромѣ того у него стало слабѣть зрѣніе. Случилось это передъ самой войной. Такъ какъ онъ не выслужиль полной пенсіи, а сдѣлался совсѣмъ безпомощнымъ, то Директоъ Маяковъ и Лоціи Бѣлаго моря «келейно» рѣшилъ дать ему дослужить полный срокъ, а пока помощникомъ ему безъ жалованья былъ назначенъ его сынъ молодой человѣкъ вполнѣ здоровый. Грянула война. Сынъ ушелъ въ армію. Старикъ остался на маякѣ съ 12-ти лѣтней дочерью Маріей. Она ходила за нимъ, она готовила ему пищу, она шила на себя и на него, она же исполняла обязанности смотрителя маяка. Дѣвочка выросла на этомъ маякѣ, тамъ же скончалась, уже давно, ея мать. До 1915 года движеніе иностранныхъ судовъ въ Архангельскъ было ничтожнымъ, но съ осени этого года грузы пошли въ огромномъ количествѣ. Уволить Багрецова въ оставку — это значитъ обрѣчь его и дочь на нищету. Доложить, что дѣвочка-ребенокъ стоитъ одна на этомъ отвѣтственномъ посту, генералъ не рѣшался. Думалъ, что скоро появятся льды, а тамъ лѣтомъ еще можетъ быть «все образуется»... и вотъ ночной разговоръ штаба со Святымъ Носомъ выдалъ эту маленькую тайну добраго генерала, который красный, какъ ракъ просительно смотрѣлъ на адмирала, очевидно глубоко волнуясь за своего доблестнаго и несчастнаго подчиненнаго.

Не любившій пустыхъ обѣщаній адмиралъ про-

молчалъ, сказавъ, что подумаетъ и крѣпко пожалъ руку Директора Маяковъ и Лоціи.

Черезъ нѣсколько дней на Святомъ Носу побывалъ офицеръ, посланный адмираломъ. Онъ выяснилъ, что дочь смотрителя сдѣлала гораздо больше, чѣмъ рѣшилъ возможнымъ доложить генералъ. Она, не только въ образцовомъ порядкѣ держала маякъ, съ его довольно сложной техникой, не только передавала всѣ сигналы, какъ флажные, такъ и туманные, но она спасла нѣсколько пароходовъ съ цѣннымъ грузомъ поднявъ имъ самостоятельно сигналы съ приказаніемъ идти на Іокангскій рейдъ и ожидать тралящій караванъ. Иначе эти пароходы пошли бы въ Горло Бѣлаго моря безъ тральщиковъ и весьма вѣроятно погибли бы.

Прошло нѣсколько недѣль. Адмиралъ молчалъ. Никакихъ перемѣнъ на Святомъ Носу не произошло.

Но вотъ въ штабѣ было получено извѣстіе, что приказомъ по морскому вѣдомсту на маякъ Святой Носъ назначался новый смотритель и учреждалась должность его помощника. Около маяка рѣшили установить постъ службы связи съ постоянной сигнальной вахтой и приступить немедленно къ постройкѣ тамъ радіо-станціи.

Но самымъ радостнымъ для всѣхъ былъ Высочайшій приказъ, которымъ смотритель маяка Святой Носъ Багрецовъ увольнялся, по болѣзни, въ отставку съ сохраненіемъ пожизненно полнаго оклада содержанія, которое онъ получалъ на службѣ. Затѣмъ ему оставляся во владѣніе домъ, въ которомъ онъ жилъ

на Святомъ Носу, а для новаго смотрителя было повелѣно выстроить новый домъ съ помѣщеніемъ для его помощника и для чиновъ службы связи.

Наконецъ, для дочери смотрителя тоже пришелъ приказъ, въ силу котораго: «въ воздаяніе отличной доблести, спокойствія и рѣдко добросовѣстнаго отношенія къ службѣ въ тяжелыхъ обстоятельствахъ военнаго времени, дѣвица Марія Багрецова награждается серебрянной Георгіевской медалью».

Это была первая боевая награда въ Бѣломъ морѣ.

Молотобойцы.

«Знаете, дорогой мой», говорилъ взволнованно высокій красивый капитанъ 2 ранга съ черной сѣдѣющей бородой и горящими темными глазами — «если не хватаетъ силъ, то спасаютъ глаза и ноги. Такъ и у насъ здѣсь. Первое, что надо — это наладить службу связи».

«Да. Но для того, чтобы ее наладить, надо прежде всего установить радіо-телеграфныя станціи на Святомъ Носу, на Канином Носу, на Моржовцѣ и на Соловецкомъ»—возразилъ ему лейтенантъ, и. д. флагъ-капитана по оперативной части.

Разговоръ происходилъ въ кабинетѣ, гдѣ помѣщалось «оперативное отдѣленіе» Штаба Главноначальствующаго г. Архангельска и Воднаго Раіона Бѣлаго моря.

«А почему нѣтъ?» горячо возразилъ капитанъ 2 ранга, извѣстный въ Русско-Японскую войну командиръ эскадреннаго миноносца «Рѣшительный», а нынѣ начальникъ службы связи Бѣлаго моря и Мурманскаго побережья. Эту должность онъ получилъ въ самую тяжелую минуту на этомъ театрѣ войны. Энергія этого человѣка казалась совершенно неестественной, особенно въ русской средѣ. Онъ всегда горѣлъ, всегда куда то спѣшилъ, глаза его огненные, мечущіе молніи, иногда казались глазами ненормальнаго человѣка. Насколько онъ былъ страшенъ для тѣхъ, кто ставилъ препятствія дѣлу, настолько онъ былъ очаровательнымъ для людей рѣшительныхъ, твердыхъ и стремящихся наладить дѣло.

«Дайте мнѣ только корабль. Одинъ корабль. Остальное я сдѣлаю все самъ».

«Михаилъ Сергѣевичъ», возразилъ и. д. флагъ-капитана: — «Вы знаете, что кораблей нѣтъ. Мы едва сбили два отряда тральщиковъ, а намъ ихъ надо не менѣе 6-ти. Уже во второй отрядъ мы включили «Фискъ 1-й» и «Фискъ 2-й», а вы знаете, что они всего по 80 тоннъ водоизмѣщенія и въ свѣжую погоду не только тралить, но даже ходить не смогутъ».

— «А «Святой Николай» Антуфьевскій?» пылко сказалъ капитанъ 2 ранга.

«Онъ пошелъ къ Терскому берегу за рабочими Мурманстройки. Вы знаете, что люди тамъ голодаютъ, что туда нельзя доставить провизію берегомъ, а оставить ихъ безъ сообщенія моремъ, это значитъ уморить тысячи людей».

«Боже мой, Боже мой!» съ тоскою проговорилъ начальникъ службы связи: — «Ну скажите, почему у насъ въ Россіи, когда нужно дѣло необходимое всей странѣ, оказывается, что самаго главнаго нѣтъ, что все надо начинать сначала? Вотъ въ чемъ корень нашихъ бѣдъ! Тамъ, гдѣ у всѣхъ есть основы дѣла — у насъ чистое мѣсто. Однако я вамъ ручаюсь, что станціи будутъ и, что я корабль найду», скрипнувъ отъ ярости зубами, прошепталъ онъ.

Лейтенантъ крѣпко пожалъ ему руку, вполнѣ сознавая, что если этому человѣку не удается установить радіо-станціи до наступленія холодовъ, то это никому не удастся, а тогда весь планъ операцій въ Бѣломъ морѣ и на Мурманѣ, какъ говорится, повиснетъ въ воздухѣ.

Нервно ходитъ по огромному кабинету оставшійся одинъ лейтенантъ. Въ его рукахъ отношеніе Главнаго Гидрографическаго управленія, въ которомъ на запросъ, когда будетъ исправленъ пароходъ «Лейтенантъ Пахтусовъ», имѣется отвѣтъ, что на немъ сломанъ гребной валъ, что починка его можетъ быть произведена только въ Петроградѣ на Балтійскомъ Судостроительномъ заводѣ, что стоимость этихъ работъ исчислена въ 18.000 рублей и что работа не можетъ быть окончена ранѣе, чѣмъ въ 9-ть мѣсяцевъ.

«Не предлагать же въ службу связи «Пахтусовъ», когда онъ раньше 9-ти мѣсяцевъ не вступитъ въ строй, а при нынѣшнихъ заторахъ въ пути, никогда не успѣютъ прислать валъ во-время и, слѣдовательно, задержка будетъ еще больше. Просто ничего не придумаешь»,—тревожно проносится въ головѣ лейтенанта.

«Дорогой мой, нашелъ!» съ радостнымъ, почти дикимъ крикомъ ворвался въ залъ, вернувшійся капитанъ 2 ранга: «Нашелъ, понимаете нашелъ! Дѣло сдѣлано, черезъ мѣсяцъ у васъ будутъ станціи всюду, гдѣ Вамъ надо.»

«Послушайте, Михаилъ Сергѣевичъ! Кого вы нашли? Вѣдь я то знаю, что здѣсь нѣтъ ни одного судна, кромѣ, развѣ, парусныхъ».

«А «Пахтусовъ»? — торжествующе возразилъ капитанъ 2 ранга.

«Пахтусовъ»? — Вотъ читайте. У него сломанъ гребной валъ. Это вѣдь не какой-нибудь листъ обшивки или болтъ или гайка, которые и здѣсь можно сдѣлать. Это, батюшка, капитальный ремонтъ.

А еще привезутъ валъ, и окажется, что онъ не подходитъ на мѣсто; придется его пришабривать да выравнивать. Вмѣсто 9-ти мѣсяцевъ пройдетъ годъ, а намъ работу надо начинать сейчасъ или же вовсе ее не начинать. Нѣмцы ставятъ мины въ Горлѣ сейчасъ, они вѣдь не будутъ ждать 9-ти мѣсяцевъ. Понимаете вы это?»

«Да, да», съ характерной для него покорной задумчивостью, смѣнявшей бурный припадокъ энергіи или гнѣва, потирая себѣ лобъ, сказалъ начальникъ службы связи. «Что дѣлать? Но все-таки я прошу васъ: дайте мнѣ «Пахтусовъ». Дайте его мнѣ въ службу связи флагманскимъ кораблемъ. Я буду вамъ очень благодаренъ.»

Короткій докладъ адмиралу. Приказъ написанъ. «Описное судно «Лейтенантъ Пахтусовъ» зачисляется въ Службу Связи».

«Благодарю васъ». Крѣпкое взаимное рукопожатіе. Трудовой день оконченъ. Ночь... Поздно легъ адмиралъ, измученный дневной бѣготней по Бакарицѣ, гдѣ разгружаются пароходы и гдѣ грузятся вагоны на Няндому.

Только что отправлены послѣднія телеграммы въ Генмор *, въ Ставку, въ разныя вѣдомства изъ канцеляріи Штаба. И. д. флагъ-капитана еле держится на ногахъ отъ усталости и тревожно просматриваетъ свою записную книжку. «Ахъ, Господи, забылъ дать начальнику службы связи и директору маяковъ и лоціи предписанія о пріемѣ и передачѣ «Лейтенанта

* Генмор — Морской Генеральный Штабъ (по телеграфному коду).

Пахтусова». Ну, утромъ срочно пошлю и тому и другому. Вѣдь, все равно, ночью не будутъ сдавать» — съ этой мыслью успокоившись онъ легъ спать.

«Дзн.. дзн... дзн...», зазвонилъ телефонъ. — «Алло! У телефона Наопер. * «У телефона дежурный постъ Гидрографіи Соломбала». «Въ чемъ дѣло?» «Ваше Высокоблагородіе, бида, что случилось-то. Ночью-съ стоимъ мы по постамъ, все тихо, пришли каки-то люди, человѣкъ 15-ть, да на «Пахтусовъ». Мы окликать. Тѣ молчатъ. Мы стрѣлять боимся, не зашибить бы своихъ. Кричимъ, кто молъ за люди, они молчатъ. Одинъ только крикнулъ: «Свои, молъ, люди». Пока мы перекликались,они «Пахтусова» сняли со швартововъ и увели на буксирѣ парового катера, а куда мы и не знаемъ. Ваше Высокоблагородіе мы, какъ Богъ святъ, непричастны. Стрѣлять не могли: по своимъ боялись. Ваше Высокоблагородіе, войдите въ положеніе Христа ради».

«Ничего! не бойтесь. Я знаю», отвѣтилъ и. д. флагъ - капитана и спокойно заснулъ, зная, что это одинъ изъ характерныхъ номеровъ рѣшительности начальника службы связи. «Война, времени терять нельзя, какія тутъ сдачи и предписанія. Пришелъ, взялъ и увелъ — вотъ и все». Такъ и оказалось на самомъ дѣлѣ.

Утромъ сіяющій капитанъ 2 ранга уже сидѣлъ въ кабинетѣ оперативной части и радостно говорилъ: «Ну вотъ. Я еще не обѣщаю, но я увѣренъ, что «Пахтусовъ» будетъ готовъ не черезъ 9-ть мѣсяцевъ,

* Наопер — начальникъ оперативнаго отдѣленія или флагъ-капитанъ по оперативной части (по телеграфному коду).

а через 9-ть дней, и это будетъ стоить гораздо дешевле. Вы увидите.»

Во временномъ Архангельскомъ Военномъ Порту большое оживленіе. Къ мастерскимъ подвели пароходъ «Лейтенантъ Пахтусовъ», вынули изъ него сломанный гребной валъ и внесли этотъ валъ въ кузницу Механической Мастерской. Поломка была серьезная и, конечно, средствами Механической Мастерской сварить валъ не представлялось возможнымъ. Среди рабочихъ мастерской въ этотъ день выдѣлялись своимъ огромнымъ ростомъ и невѣроятными мускулами два чужака-кузнеца. Имена ихъ, кажется, были Савватій и Карпъ. Уроженцы Олонецкой губерніи, они въ Архангельскѣ оказались случайно «по своимъ дѣламъ», и ихъ то и нашелъ начальникъ службы связи въ надеждѣ починить валъ въ Архангельскѣ.

Эти гиганты-кузнецы легко подымали молоты по 10-ть пудовъ вѣсомъ, и расчетъ велся на то, что страшными ударами такихъ молотовъ по раскаленнымъ до-бѣла частямъ сломаннаго вала удастся ихъ сварить.

Въ описываемый день мастерскія порта походили на жужжащій пчелиный улей, ибо въ этотъ день былъ назначенъ «рѣшительный матчъ» обоимъ силачамъ.

Гиганты - кузнецы горячо помолились передъ началомъ столь отвѣтственнаго дѣла. Затѣмъ они медленно сняли «спинжаки», рубашки и штаны, обнаживъ при этомъ свои могучіе торсы съ узлами громадныхъ мышцъ; надѣли рабочіе синіе штаны и спокойно подошли къ десятипудовымъ молотамъ, лежащимъ близъ мѣста работы.

Раскаленныя до—бѣла части сломаннаго вала вынесены въ мастерскую и кладутся на большую наковальню. Оба кузнеца истово крестятся, кланяются на всѣ стороны и, поплевавъ на свои могучія руки, мощными взмахами подымаютъ молоты. «Ух-хъ» проносится по кузницѣ. Изъ стыка сломанныхъ частей вала вырывается снопъ горящихъ искръ; глухіе, точно въ аду, удары страшныхъ молотовъ сыпятся на разбрызгивающій стальныя искры валъ. «Разъ. Два. Разъ. Два...» хрипло охаютъ оба гиганта. Всѣ съ почтительнымъ вниманіемъ смотрятъ на эту работу циклоповъ.

Начальникъ службы связи впился своими огненными глазами въ роковой стыкъ вала. «Выйдетъ или не выйдетъ?... Если не выйдетъ, это будетъ такой позоръ... Главное Гидрографическое Управленіе окажется правымъ, требуя везти валъ въ Петроградъ. Боже, какіе люди, какіе золотые люди!...» шепчутъ его уста.

Кузнецы покрыты черной копотью. Потъ градомъ, тяжелыми каплями, катится по ихъ лицамъ и спинамъ, грязными лужицами падая на площадку около наковальни. «Разъ. Два. Разъ. Два»... хрипло, точно изъ самаго чрева, вырываются страшными вздохами эти два слова. Раскаленный валъ изъ ослѣпительно-бѣлаго, переходитъ въ бѣло-красный. Искръ уже нѣтъ. Вотъ цвѣтъ его сталъ вишнево-краснымъ... Конецъ... «Въ отжигъ!» слышны команды мастеровъ.

Страшно вздымаются груди гигантовъ кузнецовъ. Они угрюмо молчатъ. «Ну что, вышло?» нетерпѣливо спрашиваетъ начальникъ службы связи. «Погоди, Ваше Благородіе. Надоть посмотрѣть послѣ от-

жига. Сварилось аль нѣтъ. Старались, Ваше Благородіе».

Проходитъ положенное время. Вокругъ прокованнаго и охлажденнаго вала собираются всѣ инженеры порта. Кузнецы, точно ихъ дѣло не касается, стоятъ въ сторонѣ, наружно совершенно равнодушные.

«Господа», говоритъ главный инженеръ - механикъ порта: — «сварка сдѣлана прекрасно, точно валъ прокованъ паровымъ молотомъ въ 10-ть тоннъ мощности. Это нѣчто невѣроятное. Онъ будетъ отлично работать. Идти въ море можно.»

Начальникъ службы связи имѣетъ видъ помѣшаннаго отъ радости человѣка. Глаза его мечутъ молніи. Голова гордо закинута назадъ. Тутъ только кузнецы открыли рты и оба сразу заявили: «Ваше Благородіе, по чарочкѣ пожалуйте. Пойдетъ валъ, не бойся, крѣпко скованъ».

«Вы, вы...» полузадыхаясь говоритъ начальникъ службы связи: «Вы не люди, вы волшебники. Вы сами не понимаете, какую работу вы сдѣлали. Вы должны гордиться тѣмъ, что только у насъ въ Россіи могутъ быть такіе кузнецы, какъ вы... Поняли?»

«Чаво тамъ кузнецы... Кузнецы и кузнецы. Дѣло знакомое съ измальства...» какъ то виновато отвѣчаютъ оба гиганта.

Начальникъ службы связи вытаскиваетъ свой огромный бумажникъ «кассу службы связи», какъ онъ называетъ его. «Вотъ вамъ, мои родные, условленная плата—3.000 рублей....», говоритъ онъ, передавая имъ пачку денегъ. Тѣ медленно пересчитываютъ сотенныя бумажки, бережно откладывая каждому поровну.

«Ну, а теперь», повышаетъ голосъ начальникъ службы связи: «вотъ вамъ награда отъ Адмирала Главноначальствующаго по тысячѣ рублей на каждаго. Получите».

«Батюшка. Храни тя Царица Небесная», со слезами на глазахъ запричитали оба кузнеца и, широкими крестами осѣняя грудь, обратились къ Образу, стоящему въ углу кузницы.

Такой награды они повидимому не ожидали. Начальникъ службы связи съ торжествомъ повернулся къ и. д. флагъ-капитана говоря: «Вотъ видите? Вся эта невѣроятная работа обошлась всего 5.000 рублей и заняла одинъ день, а отправь мы валъ въ Петроградъ, уплатили бы 18.000 рублей да и времени потеряли бы пропасть. Но зато только у насъ въ Россіи можно найти такихъ мастеровъ, какъ эти. Какіе орлы! Какіе орлы!» повторялъ онъ восторженно.

Черезъ два дня выяснилось, что «Пахтусовъ» можетъ идти въ море. Валъ былъ пригнанъ прекрасно. Пробный пускъ, машины показалъ, что онъ работаетъ безъ отказа. Начали погрузку всего, что было надо для постройки радіо-станцій на отдаленныхъ Носахъ — Святомъ и Канином. Тысячи кирпичей для зданій, лѣсъ и такелажъ для мачтъ радіо-сѣтей, электрическія принадлежности, провода, радіо-приборы, моторы для станцій, провизію на всю зиму для Канина Носа и т. д.

Начальникъ службы связи и его немногочисленные офицеры работали буквально день и ночь, не покладая рукъ.

Наконецъ, наступилъ послѣднiй торжественный день. Старенькiй «Пахтусовъ», наполненный какъ Ноевъ Ковчегъ, грозно дымилъ своей тонкой трубой, готовясь къ походу. На палубѣ его стоитъ аналой. Команда и офицеры выстроены во фронтъ. Всѣ грузы прочно закрѣплены и принайтовлены. Къ стѣнкѣ подкатилъ экипажъ. Сидѣвшiй въ немъ адмиралъ бодро поднялся на палубу «Пахтусова». Начался молебенъ о дарованiи благополучнаго плаванья «хотящимъ по морю плыти».

Послѣднiя краткiя напутственныя слова адмирала командѣ и офицерамъ. Громкое «ура!»

Адмиралъ сходитъ на берегъ. «По мѣстамъ, со швартововъ сниматься». Шуршатъ кабельтовы и тросы. Трещатъ лебедки.

«Дрын... дрын... »звонокъ машиннаго телеграфа. Перегруженный, но хорошо удифирентованный «Пахтусовъ», попыхивая изъ свой трубы, медленно отваливаетъ отъ стѣнки и ложится на середину красавицы Сѣверной Двины.

Адмиралъ быстро креститъ его и, точно сердито, отвернувшись шепчетъ: — «Храни ихъ Господь». На его обвѣтренномъ морщинистомъ и уже старомъ лицѣ скользнула слезинка. Это было не горе, но радость за могучихъ духомъ чиновъ службы связи, выполнившихъ съ такою жалкою матерiальною частью столь трудную и важную работу.

На рѣкѣ Сухонѣ.

Бѣлое Море. Транспортъ «Таймыръ».
Постр. 1908г.; 1.359 тоннъ; 13,3 узла.
2—57 м/м., 2—37 м/м., 2 пулемета.

Парусникъ въ морѣ.

Флагманскій Штурманъ.

Широко катитъ свои воды красавица Сѣверная Двина. Своимъ судоходнымъ рукавомъ Маймаксой она вливается въ Двинскій заливъ Бѣлаго моря. Тамъ, гдѣ струи ея несутся мимо города Архангельска, раскинувшагося на ея правомъ берегу, кажется будто она принарядилась, стала особенно величественной и спокойной, разлившись чуть не на версту и имѣя передъ городомъ глубину, достаточную для большихъ океанскихъ судовъ. Рѣдко можно видѣть рѣку такой красоты и мощности.. Невольно она тянетъ за собою къ океану, къ которому она мчитъ свои мощныя воды. И дѣйствительно—весь Архангельскъ живетъ моремъ и его промыслами. Достаточно выйти рано утромъ на городской рынокъ, чтобы понять, какъ море питаетъ мѣстное населеніе. На чистыхъ — это вѣдь было во времена «проклятаго» стараго режима — лоткахъ ежедневно лежали горы семги; «семушки», какъ ее здѣсь называютъ. Мы, жители внутренней Россіи, знали лишь семгу общаго типа, иногда, лучшій ея сортъ, называли въ Петербургѣ — двинской порогъ. Здѣсь же въ Архангельскѣ пришлось узнать, что семга бываетъ многихъ родовъ: тутъ и Двинская порогъ, тутъ и семга варзуха, кемская, умба, онежская и другая.Каждая изъ нихъ имѣетъ свои способы и степени засола и свой специфическій вкусъ. Та—подъ водку, та-въ пирожокъ, а эта-на отваръ. На тѣхъ же лоткахъ бросалась въ глаза роскошная серебристая нельма, а рядомъ съ ней огромныя туши палтуса. «Палтусинка» гордость архангельскихъ хозяекъ. А дальше — груды

трески семи-островной, кандалакской, моржовской и другой; а затѣмъ сельдь, пикша... чего, чего не было на этомъ базарѣ? А между тѣмъ въ это время шла жестокая, упорная война, Россія была отрѣзана отъ своихъ союзниковъ, и быстро наступившая осень готовилась отрѣзать ее полярными льдами отъ внѣшняго міра.

Архангельскъ жилъ въ это время нездоровой, кипучей жизнью, гдѣ было перемѣшано все: разгулъ и развратъ тыла, жестокая спекуляція на предметы первой необходимости и, одновременно, рѣдкое геройство русскихъ людей, борющихся съ суровостью природы и съ упорнымъ противникомъ; и въ самомъ Архангельскѣ поражала страшная безропотная работа грузчиковъ и данныхъ имъ въ помощь войскъ, день и ночь грузящихъ вагоны и баржи, отправляемые внутрь Россіи. Трудно и очень трудно было въ это время въ Архангельскѣ, который до войны считался, пожалуй, самымъ тихимъ и пріятнымъ городомъ Россіи.

Главноначальствующій города Архангельска и раіона Бѣлаго моря вице-адмиралъ Угрюмовъ держалъ свой флагъ на ледорѣзѣ «Канада», только что купленномъ нами въ Канадѣ. Тамъ этотъ корабль совершалъ рейсы по Гудзонову заливу и, одновременно, былъ яхтой генералъ-губернатора этихъ британскихъ владѣній. «Канада» была построена удобно, какъ умѣютъ строить англичане.

Прекрасный большой салонъ, отличныя пассажирскія каюты, удобныя каюты для командира и офицеровъ, наконецъ, превосходное помѣщеніе для генералъ-губернатора.

Адмиралъ Угрюмовъ жилъ въ маленькой запасной капитанской каютѣ. Его флагъ-офицеръ, лейтенантъ, исполняющій должность флагъ-капитана по оперативной части, жилъ рядомъ съ адмираломъ въ еще болѣе скромной каютѣ.

День начинался рано. Адмиралъ вставалъ въ 6 часовъ утра и немедленно принималъ утренній докладъ. Въ 8 часовъ утра онъ уже былъ на пристани Бакарица на противоположномъ берегу рѣки, гдѣ шла погрузка грузовъ, потомъ онъ ѣздилъ по разнымъ частямъ порта, по отдѣльнымъ судамъ, стоящимъ на рѣкѣ, наскоро успѣвъ позавтракать и пообѣдать. Вечеромъ дѣлался докладъ по всѣмъ вопросамъ, накопившимся за день, и часто не ранѣе 2 - 3 часовъ ночи адмиралъ и его флагъ-офицеръ, оба уставшіе за день, ложились спать.

Пользуясь огромностью разстояній, отсутствіемъ у насъ какихъ бы то ни было силъ*, суровостью природныхъ условій, противникъ успѣлъ къ осени 1915 года поставить минныя загражденія на путяхъ къ Архангельску; кромѣ того, имѣлась постоянная угроза налета корсаровъ на скопившіяся на Іокангскомъ рейдѣ у Святого Носа коммерческія суда и, наконецъ, были получены свѣдѣнія, что скоро сюда могутъ пожаловать непріятельскія подводныя лодки, присутствіе которыхъ было съ достовѣрностью опредѣлено въ сѣверныхъ фіордахъ Норвегіи.

---

* Въ Архангельскѣ къ началу войны было только одно посыльное судно «Баканъ» — постройки 1896 г., 885 тоннъ, 11 узловъ, 2—47 м/м., 2 — 37 м/м. пушки.

Вотъ почему, въ одинъ изъ прекрасныхъ солнечныхъ дней роскошной сѣверной осени, и. д. флагъ-капитана по оперативной части сидѣлъ, углубившись въ изученіе карты Бѣлаго моря и Мурманскаго побережья. Адмиралъ уѣхалъ на погрузку одинъ. Въ большомъ свѣтломъ салонѣ «Канады» на столѣ развернута карта. Передъ глазами лейтенанта мелькаютъ названія заливовъ: Кандалакскій, Мезенскій, Двинскій, Онежскій. Рѣки: Поной, Варзуха, Умба, Нива, Кереть, Кемь, Сума, Онега, Двина, Кулой, Мезень, Чижъ. Все хорошія старыя русскія названія. «На сушѣ преимущественно гранитъ, покрытый толстымъ слоемъ тундры» — читаетъ лейтенантъ въ Лоціи Бѣлаго моря.

Берега: Терскій, Кандалакскій, Корельскій, Поморскій, Лѣтній, Зимній, Канинскій. Острова Соловецкіе при входѣ въ Онежскій заливъ. Знаменитый русскій мужской общежительный монастырь. Святые Зосима и Савватій. Оплотъ вѣры и православія для всего нашаго сѣвера. Архимандритъ, Настоятель этого монастыря, выразилъ согласіе принять на себя должность начальника службы связи Кандалакскаго раіона. Уже на суровыхъ Соловецкихъ островахъ энергіей отца Настоятеля и братіи установлена радіостанція, обслуживающая этотъ раіонъ и имѣющая въ своемъ личномъ составѣ исключительно иноковъ изъ братіи монастыря. «Здѣсь сравнительно спокойно», думаетъ лейтенантъ. «Главное-это Горло Бѣлаго моря и оба его фарватера — вдоль Терскаго и Канинскаго береговъ, а затѣмъ бассейнъ Бѣлаго моря съ подступами къ устью Сѣверной Двины».

«Прежде всего-мое рѣшеніе», вспоминаетъ онъ лекціи въ Императорской Николаевской Военной

Академіи: «оно должно быть навязано противнику. Никогда не рѣшать задачу «за противника», иначе всегда будешь пассивенъ».

«Я хочу... Я рѣшилъ», улыбнувшись самому себѣ, размышляетъ лейтенантъ. «Рѣшеніе мое давно готово и ясно, но какъ его осуществить? Намъ нужна бригада легкихъ крейсеровъ для океанскаго дозора путей, ведущихъ къ Горлу Бѣлаго моря до самаго Нордъ Капа. Намъ нуженъ дивизіонъ эскадренныхъ миноносцевъ; далѣе-необходимъ отрядъ посыльныхъ судовъ, съ ходомъ не менѣе 16-ти узловъ, для дѣйствій противъ подводныхъ лодокъ; намъ надо дивизію траленія, состоящую не менѣе, какъ изъ 36-ти большихъ тральщиковъ для провода судовъ съ грузами отъ Святого Носа до устья Двины и отъ Канина Носа, мимо острова Моржовецъ, до бара Двины. Кромѣ того, намъ необходимо оборудовать маневренную базу на Іокангскомъ рейдѣ, съ бонами и береговыми батареями; намъ нужна авіація для поиска подводныхъ лодокъ и минныхъ банокъ; наконецъ, наша служба связи имѣетъ только одинъ маленькій пароходъ «Лейтенантъ Пахтусовъ», а между тѣмъ ей надо три паровыхъ судна для раіоновъ Кандалакскаго, Бѣломорскаго и Мурманскаго — это минимумъ; затѣмъ нуженъ транспортъ для развозки снабженія по всѣмъ береговымъ постамъ. А личный составъ!» Лейтенантъ началъ подсчитывать, сколько потребуется команды, унтеръ-офицеровъ и офицеровъ. Откуда ихъ получить? Все мобилизованное уже влилось въ дѣйствующіе флоты Балтійскаго и Чернаго морей. Тамъ вступаютъ въ строй новые корабли, развернуты отдѣльныя службы, готовятся гарнизонныя и десантныя войска. Офицеровъ получить нѣтъ возможности. Что

же дѣлать? 36-ть тральщиковъ уже заказаны. Скоро придутъ ледоколы — «Святогоръ», построенный по типу «Ермака», но увеличенный, «Добрыня Никитичъ», «Алеша Поповичъ», «Вольга Буслаевичъ».

Первая бригада ледокольной Дивизіи Бѣлаго моря получила имена русскихъ богатырей. Потомъ мы ожидаемъ приходъ «Ярославны» — бывшая яхта «Лизистратъ», принадлежавшая извѣстному Гордонъ Бенету. Далѣе придутъ «Купава», «Лада», всѣ «славянскія дѣвушки», яхты американскихъ милліардеровъ, купленныя Россійскимъ Императорскимъ Правительствомъ, чтобы сформировать изъ нихъ отрядъ посыльныхъ судовъ для флотиліи Сѣвернаго Ледовитаго океана... Вотъ мечты, а вотъ дѣйствительность!... Какія бы суда не покупали, какіе бы планы не строили, какъ бы не «навязывали» свою волю волѣ противника, безъ личнаго состава, безъ души, военная сила ничего не стоитъ. А въ этой душѣ главнымъ элементомъ являются офицеры. А откуда ихъ взять?» Тоскливо посмотрѣлъ лейтенантъ въ «дѣло» о личномъ составѣ, разбивавшемъ его мечты и планы о созданіи основного ядра новой русской морской силы, будущаго щита Россіи на этомъ русскомъ морѣ.

Все удалось, все обдумано, но... «офицеровъ нѣтъ и достать ихъ неоткуда... Все взято на дѣйствующіе флоты»... такъ неизбѣжно отвѣчаетъ Главный Морской Штабъ на всѣ запросы изъ Бѣлаго моря.

А на дѣлѣ... Доблестный начальникъ дивизіи траленія Бѣлаго моря капитанъ 1 ранга Викгорстъ бьется, какъ рыба объ ледъ, имѣя всего два отдѣле-

нія маленькихъ тральщиковъ, изъ которыхъ лучшіе «Сѣверъ», «Востокъ», «Западъ» и «Югъ» всего по 400 тоннъ водоизмѣщенія. Находящіеся въ его распоряженіи, реквизированныя нами у Соловецкаго монастыря, посыльныя суда «Вѣра» и «Соловецкій» едва справляются, чтобы конвоировать караваны коммерческихъ судовъ. Викгорстъ держитъ свой брейдъ-вымпелъ на «Вѣрѣ», онъ самъ ведетъ всю переписку по дивизіи, ибо единственный его флагъ-офицеръ-молоденькій мичманъ, уже давно «временно командуетъ» однимъ изъ тральщиковъ.

«Можетъ быть, адмиралъ правъ», думаетъ съ горечью лейтенантъ, «когда онъ поддразниваетъ меня съ моими «оперативными» планами, говоря, что Академія меня испортила, оторвала отъ жизни. Вѣдь правда, что всѣ мои расчеты разлетаются, какъ дымъ, если не будетъ офицеровъ. А гдѣ ихъ взять?»

Рѣзкій звонокъ оторвалъ лейтенанта отъ этихъ горькихъ думъ. Телефонъ. «Центральная служба Связи. Говоритъ начальникъ службы связи. Убѣдительно прошу сообщить будетъ или не будетъ отвѣтъ на мой рапортъ о назначеніи мнѣ флагманскаго штурмана, что полагается по штату», предусмотрительно добавилъ голосъ въ телефонъ: «Черезъ три дня мы выходимъ въ море, «Пахтусовъ» погруженъ. Начальники двухъ раіоновъ Мурманскаго и Бѣломорскаго у меня; третьимъ Кандалакскимъ, съ его любезнаго согласія, назначенъ Настоятель Соловецкаго монастыря, который далъ также личный составъ для нашей станціи.

Флагъ - офицера у меня нѣтъ, «Пахтусовымъ»

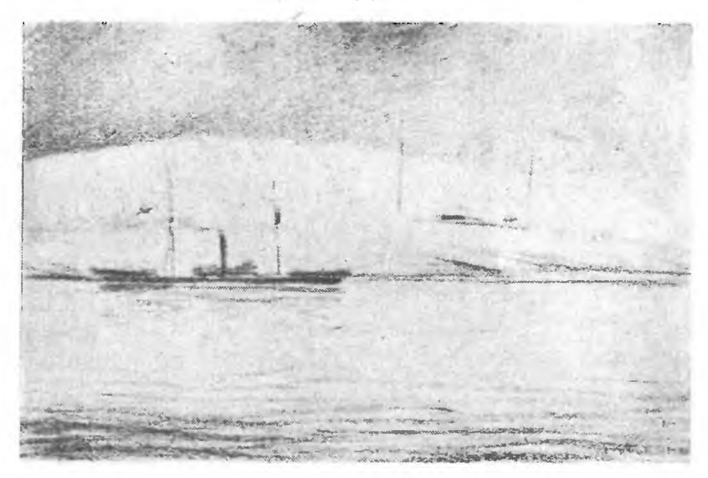
командуетъ вольнонаемный капитанъ, команда состоитъ почти исключительно изъ матросовъ, отбывающихъ наказаніе въ Архангельскомъ дисциплинарномъ полуэкипажѣ; нѣкоторыхъ изъ нихъ доставили на корабль въ кандалахъ. Думаю, что болѣе скромное требованіе, какъ имѣть флагманскаго штурмана, который могъ бы вести прокладку въ морѣ, дѣлать съемку, гдѣ надо, на берегу и, наконецъ, управлять дѣлами моего «штаба», трудно предъявить. Не правда ли? Вотъ почему я убѣдительно прошу доложить адмиралу, что флагманскій штурманъ мнѣ необходимъ».

«Намъ нечего говорить объ этомъ по телефону», отвѣтилъ лейтенантъ: «Пріѣзжайте ко мнѣ на «Канаду» и вы увидите, почему я не отвѣчаю на вашъ рапортъ».

Черезъ четверть часа начальникъ службы связи, какъ бомба влетѣлъ по трапу на «Канаду» и оказался въ знакомомъ намъ салонѣ, передъ развернутой на столѣ картой.

Еще черезъ минуту глаза его, сверкающіе огнемъ, бѣшенно перебѣгали съ карты на иллюминаторъ, оттуда на переборку изъ карельской березы, гдѣ красовалась прекрасная картина, изображающая Неаполитанскій заливъ. Наконецъ, они остановились на лицѣ, стоявшаго пердъ нимъ лейтенанта. «Итакъ!» воскликнулъ онъ: «Вы хотите, чтобы весь этотъ планъ, я бы сказалъ—грандіозный, необходимый, нужный до зарѣзу, планъ, который послѣ войны далъ бы Россіи возможность развернуть всю ея энергію на

свободномъ русскомъ морѣ, чтобы, повторяю, весь этотъ планъ рухнулъ изъ за того, что вы не желаете мнѣ дать флагманскаго штурмана?»

Описное судно «Лейтенантъ Пахтусовъ».

«Вы понимаете, что я не могу его вамъ дать, ибо его у меня нѣтъ и не будетъ», мягко, но твердо сказалъ лейтенантъ. «Ну, а у меня будетъ», бѣшенно бросилъ начальникъ службы связи и выбѣжалъ мимо ошалѣвшаго часового, стоявшаго на посту у дверей салона.

Вскорѣ начальникъ службы связи вновь появился въ этомъ салонѣ и засталъ тамъ по прежнему лейтенанта, пишущаго «планъ развертыванія Флотиліи Сѣвернаго Ледовитаго Океана». Съ этимъ планомъ надо было торопиться, чтобы скорѣй представить его на утвержденіе Начальника Морского Генеральнаго Штаба.

«Ну вотъ и нашелъ. Штурманъ у меня есть, я подчеркиваю—есть, и вы ни при какихъ условіяхъ не сможете отказать въ его назначеніи, какъ бы оно ни показалось вамъ необычнымъ. Особенно, разъ вы категорически отказались найти мнѣ штурмана. Такъ вотъ я штурмана, и прекраснаго штурмана, нашелъ. Это ..не удивляйтесь. . дѣвица Вѣра Николаевна Зотова... настоящая поморка... энергичная, твердая, дѣло знаетъ превосходно. Она окончила вольнослушательницей полный курсъ наукъ Архангельскихъ Мореходныхъ классовъ. Навигацію, лоцію и девіацію она знаетъ лучше насъ съ вами... Прирожденная поморка... Но... дѣвица... что подѣлаешь... разъ вы не даете офицеровъ... потрудитесь утвердить назначеніе дѣвицы».

Ко всему готовый, лейтенантъ все-таки опѣшилъ. —«Однако, Михаилъ Сергѣевичъ, какъ же вы предполагаете законно утвердить Вѣру Николаевну въ должности Флагманскаго Штурмана службы связи? Вѣдь по Морскому Уставу, и вы прекрасно это знаете, особа женскаго пола предусмотрѣна на военномъ кораблѣ лишь въ качествѣ пассажирки, да и то при этомъ къ ея каютѣ ставится обязательно часовой.»

«Вотъ это ужъ ваше дѣло придумать, какъ это сдѣлать», сказалъ начальникъ службы связи, «а согласіе Вѣры Николаевны я уже имѣю и твердо знаю, что она пойдетъ съ нами въ море. Часового къ ея каютѣ я поставлю, а службу она будетъ нести, какъ настоящій штурманъ, ибо она вполнѣ этого достойна.

Поздно вечеромъ вернулся адмиралъ. Какъ ни

страннымъ показался ему докладъ о Флагманскомъ Штурманѣ Службы Связи, онъ рѣшилъ что своею властью онъ имѣетъ право временно принять В. Н. Зотову на «Лейтенантъ Пахтусовъ» въ качествѣ вольнонаемной. Такъ и былъ отданъ приказъ съ указаніемъ, что дальнѣйшее будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія высшаго морского начальства.

«Лейтенантъ Пахтусовъ», укомлектованный и нагруженный всѣмъ необходимымъ, отвалилъ отъ набережной и пошелъ по Маймаксѣ къ устью Сѣверной Двины. На немъ были разные грузы для установки радіо - станцій и постовъ службы связи. На мостикѣ, рядомъ съ мужественной богатырской фигурой начальника службы связи, была видна хрупкая, стройная фигурка юной дѣвушки. На ней была морская фуражка, плотно заколотая на пышныхъ волосахъ; одѣта она была въ темно-синюю юбку и тужурку съ галунами, какіе носятъ служащіе коммерческаго флота. Ея маленькія ручки твердо держали призматическій бинокль, въ который она внимательно слѣдила за знаками огражденія на фарватерѣ рѣки. Это былъ вольнонаемный штурманъ В. Н. Зотова.

Скоро пришелъ приказъ по Флоту и Морскому Вѣдомству, согласно котораго: «Въ виду тяжелыхъ обстоятельствъ военнаго времени и недостатка офицеровъ, къ исполненію должности Флагманскаго Штурманскаго Офицера Службы Связи Бѣлаго моря временно допускается дѣвица Вѣра Николаевна Зотова».

Справедливость требуетъ сказать, что рапорты и донесенія службы связи Бѣлаго моря могли послу-

жить образцами. Всѣ донесенія постовъ были прекрасно систематизированы, всѣ найденныя минныя банки, затраленныя мины, мѣста погибшихъ судовъ были точно отмѣчены, всѣ даты, часы и минуты безошибочны.

На этихъ донесеніяхъ подъ подписью начальника службы связи всегда было помѣчено: «Вѣрно». Вр. и. д. Флагманскаго Штурманскаго Офицера Службы Связи Бѣлаго моря В. Зотова.

Зная безпорядочный характеръ и ненависть къ «письменности» доблестнаго начальника службы связи Бѣлаго моря, я убѣжденъ, что аккуратность и качество донесеній этой службы надо отнести въ большой степени на долю этой прекрасной, скромной и трудолюбивой русской дѣвушки, которой мы вправѣ гордиться.

Баркъ «Вашингтонъ».

Если когда нибудь наши потомки будутъ читать книги, написанныя о нашей эпохѣ, если имъ будетъ данъ такой генiй, какъ покойный графъ Л. Н. Толстой, то, вѣроятно, для нихъ событiя, потрясшiя мiръ въ 1914 — 18 г.г. будутъ казаться полными удивительнаго интереса. Люди нашего времени будутъ представляться имъ въ ореолѣ, въ какомъ рисуются намъ безсмертные герои «Войны и Мира» — бой подъ Шенграбеномъ, атака Кавалергардовъ подъ Аустерлицемъ, партизаны Дениса Давыдова и Фигнера, очаровательные образы русскихъ дѣвушекъ и женщинъ, охота съ борзыми по порошѣ. Но, чтобы эти картины стали бы достоянiемъ величайшаго достиженiя человѣческой культуры, нужно время, которое затушевало бы тѣни, неизбѣжныя въ жизни, и нуженъ генiй графа Л. Н. Толстого, чтобы извлечь изъ сухого историческаго матерiала ту божественную красоту, которая закрыта передъ современниками пошлостью и суетою текущей жизни.

Намъ не суждено увидѣть пережитыя нами событiя въ томъ видѣ въ какомъ онѣ представятся нашимъ потомкамъ, но мы можемъ оставить имъ въ наслѣдство живое описанiе пережитого нами, и это дастъ имъ возможность яснѣе, красочнѣе воспринять то, чему мы были свидѣтелями.

Если можно найти смыслъ въ томъ безумiи, которое охватило культурные народы Европы въ 1914 - 18 г. г., то мнѣ кажется, его надо искать внѣ нашей земной матерiальной жизни. Правда легко объяснить все происшедшее простымъ подсчетомъ цифръ, показывающихъ борьбу за рынки того или другого государства, тѣснотой въ Европѣ, неизбѣжнымъ назрѣванiемъ разныхъ политическихъ вопросовъ, которые не могли быть разрѣшены иначе, какъ оружiемъ. Все это вѣрно. Но мнѣ кажется, что искать смыслъ мiровой драмы только въ этихъ матерiальныхъ причинахъ катастрофы современной культуры было бы одностороннимъ. Были причины болѣе глубокiя. Что то непонятное заставило мильоны людей Стараго и Новаго свѣта придти въ движенiе, жертвовать всѣмъ, что имъ дорого и упорно стремиться или умереть или побѣдить. Что то толкнуло другихъ людей, тоже исчисляемыхъ мильонами, среди страданiй и подвиговъ однихъ, забыть все человѣческое, проявить казалось бы давно изжитые звѣриные инстинкты и дѣйствовать лишь подъ влiянiемъ жажды обогащенiя.

Не было ли все, нами пережитое, пробой каждаго изъ насъ; раздѣленiемъ всѣхъ людей на овецъ и козлищъ, на злыхъ и добрыхъ, на людей въ полномъ смыслѣ этого слова и на полуживотныхъ? Кто знаетъ. Но, если взглянуть на событiя съ этой точки зрѣнiя, то мнѣ кажется, что драма, начавшаяся въ 1914 году, еще не кончена. Все лучшее, все свѣтлое, какъ будто, погибло. Въ результатѣ выползло наверхъ отвратительное лицо подчеловѣка, близкаго къ преисториче-

скому Homo Primigenius съ его вѣчной злобой ко всему духовному, свѣтлому и чистому.

Если это такъ — то съ точки зрѣнія чисто матеріалистической — наша культура разбита, и человѣчество идетъ къ одичанію. Но если вѣрно, что происшедшее было пробой всего человѣчества, то вѣрится мнѣ, что возрожденіе возможно, что пережитое нами было только грознымъ предостереженіемъ заблудшемуся человѣчеству и напоминаніемъ ему на жизненномъ опытѣ словъ Спасителя: — «если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете» (Ев. Луки, гл. 13, ст. 3).

А если это такъ, то у насъ есть надежда, что человѣчество вновь вернется на путь Вѣры, Надежды и Любви, и что современныя свобода, равенство и братство являются только приготовительнымъ классомъ для отставшихъ массъ первобытнаго человѣка.

Вотъ почему при описаніяхъ минувшихъ событій, мнѣ кажется, полезно для будущихъ поколѣній давать картину не только самихъ событій, но и того, какъ держали себя, участвовавшіе въ нихъ люди нашей эпохи.

Эти мысли появились у меня, когда въ моей книжкѣ-дневникѣ я прочелъ короткую запись:—«Баркъ Вашингтонъ».

Эти слова говорятъ вамъ такъ мало, мои читатели, а между тѣмъ, въ 1915 году четырехмачтовый баркъ «Вашингтонъ» представлялъ собою цѣлый міровъ,

ввергнутый въ водоворотъ военной бури. Онъ не былъ военнымъ кораблемъ, люди плававшіе на немъ не были военными. Однако, и они и ихъ корабль оказались участниками войны. Объ ихъ судьбѣ мнѣ и хотѣлось бы разсказать въ этомъ очеркѣ.

Четырехмачтовый баркъ «Вашингтонъ» принадлежалъ къ типу кораблей, появившихся уже въ нашу эпоху. Дороговизна топлива и содержанія современнаго корабля понудила искать способовъ удешевить фрахтъ. Это требованіе заставило вспомнить объ, уже забытыхъ, корабляхъ парусной эпохи. Для грузовъ, терпящихъ длительную перевозку, современные корабельные инженеры сконструировали корабль,который приводится въ движеніе парусами. Самъ такой корабль строился изъ стали и имѣлъ всѣ современныя усовершенствованія и комфортъ. Таковымъ и былъ баркъ «Вашингтонъ», плававшій подъ англійскимъ флагомъ.

Его владѣлецъ и одновременно капитанъ — англичанинъ — строилъ его для себя и вложилъ въ свое дѣтище весь опытъ своихъ многолѣтнихъ плаваній.

«Вашингтонъ» былъ стальной, на немъ были прекрасныя каюты и жилыя помѣщенія для команды. Маневрированіе парусами было нетруднымъ, ибо главныя снасти тянулись керосино-моторами. Такіе же моторы приводили въ движеніе динамо-машины, дающіе электрическій токъ для освѣщенія, для управленія рулемъ, для вентиляторовъ и для рефрежиратора Маленькій паровой котелъ и опрѣснитель давали

прекрасную опрѣсненную воду и, когда надо, паровое отопленіе. Для человѣка, любящаго море, такой корабль былъ бы идеаломъ, а если онъ еще является вашей собственностью, то о большемъ не могъ бы мечтать ни одинъ морякъ.

Единственнымъ недостаткомъ этого корабля было отсутствіе у него вспомогательнаго двигателя, Поэтому во время штиля, а равно при входахъ въ порта и при выходахъ онъ былъ или безпомощенъ или нуждался въ буксирныхъ пароходахъ.

Старикъ капитанъ былъ женатъ и у него было нѣсколько сыновей. Всѣ они служили помощниками капитана на «Вашингтонѣ». Трое старшихъ сыновей были женаты. Жены капитана и его сыновей тоже плавали на «Вашингтонѣ». 60-тъ дисциплинированныхъ, воспитанныхъ и преданныхъ китайцевъ-матросовъ составляли экипажъ «Вашингтона».

Разразившаяся война застала этотъ корабль, гдѣ то въ Тихомъ Океанѣ, мирно идущимъ попутнымъ, какъ говорили въ прежнее время, «брамсельнымъ» вѣтромъ, изъ Австраліи въ Канаду. Сдавъ въ портъ назначенія свой грузъ, «Вашингтонъ» принялъ грузъ въ Англію, куда капитанъ и его сыновья стремились всей душой. Хотя «Вашингтонъ» былъ ихъ домомъ и ихъ кормильцемъ, они не задумываясь рѣшили отдать и его и свои жизни на службу своей «старой Англіи». Практичное Британское Правительство рѣшило, что «Вашингтонъ» окажетъ гораздо больше пользы общему дѣлу, если будетъ работать по своей спеціальности, перевозя грузы, выдерживающіе дли-

тельчую перевозку. И вотъ «Вашингтонъ» занялся перевозкой, главнымъ образомъ, военныхъ грузовъ между Америкой и Европой.

То мягкій сѣверо-восточный пассатъ несъ его къ берегамъ Флориды, то перемѣнные вѣтры сѣверной части Атлантическаго океана приносили его съ грузомъ колючей проволоки, руды и т.п. изъ Нью-Іорка въ порта Европы.

Въ 1915 году капитанъ «Вашингтона» прочелъ обращеніе фельдмаршала Лорда Китченеръ о необходимости оказать помощь Русской Арміи.

Русскія войска принуждены сражаться, лишенныя винтовокъ, пушекъ, снарядовъ и патроновъ. Имъ нужна колючая проволока и разное военное снаряженіе.

Въ августѣ 1915 года «Вашингтонъ», неся всѣ паруса, подошелъ къ мысу Святой Носъ при входѣ въ Бѣлое море. Въ трюмахъ его лежало нѣсколько тысячъ тоннъ груза колючей проволоки взятой въ Нью-Іоркѣ для доставки въ Архангельскъ. Свѣжій рифъ-марсельный нордъ-вестъ ровно надувалъ его зарифленные паруса, бѣлѣющіе на сине-зеленой поверхности моря. Слегка поваливщись на подвѣтренный бортъ, «Вашингтонъ» шелъ узловъ 10 - 12.

Въ Нью-Іоркѣ отъ представителя русскаго морского агента капитанъ получилъ нужныя инструкціи о входѣ въ Горло Бѣлаго моря. Поэтому его не удивилъ сигналъ на мачтѣ маяка Святой Носъ, гласящій

по международному коду: — «Поверните на Іокангскій рейдъ. Станьте на якорь и ожидайте тральщиковъ».

Вскорѣ «Вашингтонъ» на буксирѣ посыльнаго судна «Вѣра» шелъ за русскими тральщиками по западному фарватеру мимо маяковъ Городецкаго и Орловскаго къ устью рѣки Сѣверной Двины. Выгрузивъ въ Архангельскѣ свой грузъ, «Вашингтонъ» принялъ русскій лѣсъ, который онъ долженъ былъ доставить во Францію для англійскихъ окоповъ во Фландріи.

Тѣ, кто посѣтилъ «Вашингтонъ» въ Архангельскѣ, любовались его устройствомъ и чистотою. Въ капитанскомъ помѣщеніи его владѣлецъ собралъ все, что онъ пріобрѣлъ въ разныхъ странахъ. Тутъ были черепаховыя издѣлія и бездѣлушки изъ слоновой кости, вывезенныя изъ Японіи. Оттуда же—старинныя вещи дамасенъ и клуазонэ. Кораллы, раковины и вышивки— изъ Франціи и изъ Италіи. Бумеранги, луки и щиты туземцевъ Австраліи, Океаніи и Новой Зеландіи. Большая библіотека съ мягкими кожаными диванами. Хорошая каютъ-компанія. Соломенныя кушетки на верхней палубѣ. Всѣ удобства современнаго корабля.

Принявъ лѣсъ, «Вашингтонъ» былъ выведенъ русскими буксирными пароходами за баръ Сѣверной Двины. Тамъ вмѣстѣ съ другими уходящими судами онъ былъ принятъ британской партіей траленія подъ брейдъ-вымпеломъ капитана 2 ранга Бэрней. Караванъ состоялъ изъ пароходовъ, и только «Вашингтонъ»

былъ парусный. Это конечно всѣхъ стѣсняло. Въ Архангельскѣ, въ Штабѣ, «Вашингтонъ» получилъ инструкціи, согласно которымъ онъ долженъ былъ непремѣнно идти на буксирѣ за тральщиками, ибо на участкѣ между маяками Орловскій и Святой Носъ вновь были обнаружены непріятельскія минныя банки.

Повидимому между капитаномъ «Вашингтона» и командующимъ британской партіей траленія произошло какое то недоразумѣніе. Въ чемъ было дѣло— мнѣ такъ и осталось неизвѣстнымъ. Только «Вашингтонъ», подойдя съ караваномъ къ маяку Орловскому, сталъ на якорь. Изъ Архангельска ему передали черезъ Орловскій маякъ, чтобы онъ ждалъ русскихъ тральщиковъ, которые будутъ черезъ нѣсколько дней. Въ морѣ было довольно свѣжо и, стѣсненныя между берегомъ и «кошками»,* океанскія волны съ грохотомъ разбивались о береговыя скалы. Повидимому, надоѣло старику-капитану трепаться на якорѣ на этой зыби. Мачты «Вашингтона» одѣлись бѣлыми надувшимися парусами. Баркъ снялся съ якоря и легъ на лѣвый галсъ, удаляясь отъ Орловскаго маяка къ «кошкамъ». Тамъ онъ сдѣлалъ поворотъ оверъ-штагъ ** и, идя правымъ галсомъ, началъ выбираться къ норду, лавируя противъ свѣжаго нордъ-веста. Когда корабль былъ еще далеко отъ берега, у его середины поднялся высо-

* Подводные и полуподводные камни.

** Поворотъ подъ парусами, когда корабль ворочается противъ вѣтра.

кій столбъ воды, окрашенный чернымъ дымомъ. Баркъ взорвался на минѣ. Сломавшись пополамъ, онъ началъ стремительно тонуть. Черезъ нѣсколько минутъ съ Орловскаго маяка, накренившись и черпая воду бортами, форсируя парусами, къ мѣсту катастрофы неслись спасательные поморскіе карбасы. Но тамъ уже гуляли шумливыя волны съ бѣлыми гребешками, да отдѣльными точками виднѣлись плавающіе спасательные круги и бревна, за которыя судорожно цѣплялись люди.

Карбасы обшарили весь раіонъ, гдѣ погибъ «Вашингтонъ». Среди спасенныхъ оказались трое сыновей капитана, ихъ жены и человѣкъ тридцать китайцевъ - матросовъ. Старый капитанъ, его жена и остальные нашли свою могилу въ волнахъ суроваго Студенаго моря. Спасенные были доставлены въ Англію.

Баркъ «Вашингтонъ», избороздившій океаны земли, лежитъ разбитый на днѣ Бѣлаго моря между Орловскимъ маякомъ и Сѣверными кошками.

Вспомнимъ же доблестную работу этого корабля. Вспомнимъ его симпатичнаго, смѣлаго старика-капитана и всѣхъ, погибшихъ съ нимъ. Они являются для насъ примѣромъ того, какъ среди всѣхъ народовъ имѣлись и имѣются люди, любившіе и создавшіе свой домъ и умѣвшіе все отдать и всѣмъ пожертвовать ради блага другихъ. Передъ подвигами этихъ людей блѣднѣютъ весь ужасъ и вся пошлость современной жизни. Эти люди и являются тѣми свѣточами, въ

которыхъ будущій историкъ и писатель найдутъ смыслъ и красоту того, что пережило наше поколѣніе.

Побѣда.

Начальникъ Службы Связи Бѣлаго моря капитанъ 2 ранга М. С. Рощаковскій исполнилъ свое обѣщаніе. Уже поздней осенью онъ установилъ радіо-станціи на мысахъ: Святой Носъ, Канинъ Носъ и на островѣ Соловецкомъ. Эта работа заняла одинъ мѣсяцъ. Казалось, что большаго требовать нельзя. Адмиралъ, Главначальствующій, былъ радъ отъ души, ибо эти радіо-станціи, при громадныхъ размѣрахъ Бѣлаго моря, при нашихъ слабыхъ тамъ силахъ, были главнымъ средствомъ предохраненія идущихъ къ намъ изъ заграницы судовъ съ военными грузами отъ гибели на минныхъ банкахъ, которыя нѣмцы ставили въ Горлѣ Бѣлаго моря.

Радостно улыбнулся адмиралъ, когда и.д. флагъ-капитана по оперативной части доложилъ ему, что отъ всѣхъ трехъ радіо-станцій получены донесенія объ ихъ вступленіи въ строй. «А, какъ Канинъ Носъ?» спросилъ онъ: «Достаточно ли онъ снабженъ провизіей, топливомъ, медикаментами и одеждой? Вѣдь тамъ они до весны будутъ отрѣзаны отъ насъ, когда Горло замерзнетъ». Добрая усмѣшка заиграла на губахъ адмирала и пробѣжала по глубокимъ морщинамъ его усталаго лица, когда онъ услышалъ, что на Канинымъ Носу Рощаковскій оставилъ не только полный запасъ всего на восемь мѣсяцевъ, но еще, сверхъ всякихъ нормъ и положеній, снабдилъ этотъ постъ большимъ количествомъ варенья, лимонной кислоты, консервированаго молока и консервами изъ кавказ-

скихъ фруктовъ. Все это для избѣжанія заболѣванія людей цингой. Сверхъ того, на Канином Носу была собрана приличная библіотека; въ ней, въ крѣпкихъ переплетахъ, были кромѣ книгъ, всевозможные иллюстрированные журналы за прошлые годы. Энергичный начальникъ Службы Связи и этимъ не ограничился: уходя съ Канина Носа, онъ передалъ людямъ этой радіо - станціи неожиданный для нихъ подарокъ — новенькій граммофонъ и нѣсколько десятковъ пластинокъ съ самыми бодрыми и веселыми музыкальными записями.

«Рощаковскій телеграфируетъ, что идетъ въ Архангельскъ», доложилъ и. д. флагъ-капитана по оперативной части: «значитъ онъ не успѣетъ установить радіо-станцію на островѣ Моржовецъ». Адмиралъ удивленно взглянулъ на офицера и, точно снисходя къ его молодости, вразумительно сказалъ: «Ну знаете, батенька, то, что уже сдѣлано Рощаковскимъ, болѣе чѣмъ достаточно въ нашихъ условіяхъ. Черезъ недѣлю-другую въ Горлѣ появятся льды и начинать установку радіо - станціи на Моржовцѣ сейчасъ поздно».

Прошло дня два послѣ этого разговора. Чудная осенняя погода, такая, какую можно наблюдать только на нашемъ сѣверѣ, стояла надъ Архангельскомъ. Ледорѣзъ «Канада» стоялъ на швартовахъ у стѣнки набережной Сѣверной Двины. Легкій вѣтерокъ слегка колыхалъ кормовой флагъ и флагъ Главночальствующаго, поднятый на форъ-брамъ стеньгѣ. Въ большомъ салонѣ «Канады» сидѣлъ одиноко лейтенантъ и. д.

флагъ-капитана по оперативной части. Адмиралъ, послѣ завтрака, уѣхалъ осматривать погрузочныя пристани по правому берегу рѣки, тамъ были сложены горы бочекъ съ прибывшимъ изъ Сибири русскимъ масломъ. Дальше, вверхъ по теченію, лежали огромные штабели досокъ и лѣса. Еще дальше отъ города виднѣлись правильные ряды цинковыхъ бидоновъ съ превосходнымъ русскимъ казеннымъ спиртомъ. Все это богатство готовилось къ вывозу заграницу, взамѣнъ, присылаемаго намъ союзниками снабженія и вооруженія. Громадное количество экспортнаго груза, сложеннаго вдоль берега рѣки, очень тревожило адмирала, ибо все время была опасность возникновенія пожара и гибели этого драгоцѣннаго груза.

Лейтенантъ задумчиво склонился надъ очерднымъ «дѣломъ» о комплектованіи командой судовъ Флотиліи Бѣлаго моря и Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Лучъ солнечнаго свѣта золотистой струйкой пробрался черезъ иллюминаторъ. Хотя было еще далеко до 6 часовъ вечера, но солнце уже садилось. Рано въ эту пору въ Архангельскѣ кончается день. Точно смѣясь, солнечный лучъ пробрался по столу къ папкѣ съ бумагами, которыя внимательно читалъ лейтенантъ. Ослѣпительный свѣтъ, отраженный отъ какого то «отношенія», заставилъ лейтенанта оторваться отъ чтенія и съ улыбкой отодвинуть папку. Радостный лучъ, точно прощаясь, скользнулъ по кителю, отразился въ серебрѣ аксельбанта и исчезъ. Въ салонѣ наступили сумерки. Одновременно гдѣ то въ нѣдрахъ корабля раздался слабый звонокъ и ярко

вспыхнули электрическія лампочки. На «Канадѣ» включили освѣщеніе.

«Ваше Высокоблагордіе», раздался громкій голосъ дежурнаго ординарца, влетѣвшаго въ салонъ съ телеграфнымъ бланкомъ въ рукѣ: «радіограмма въ штабъ». Лейтенантъ принялъ бланкъ и началъ его читать. «Прохожу Мудьюгскій маякъ. Прошу приготовить уголь, воду, провизію. Все благополучно. № 3241. Рощаковскій».

Лейтенантъ поднялъ глаза на ординарца: «Ничего. Отвѣта не будетъ». «Есть, Ваше Высокоблагородіе», отчеканилъ ординарецъ и, повернувшись на каблукахъ, выскочилъ изъ салона.

Адмиралъ вернулся, когда было уже совсѣмъ темно. Какъ разъ къ его пріѣзду принесли телефонограмму о томъ, что флагманскій корабль Службы Связи, описное судно «Лейтенантъ Пахтусовъ», прошелъ Маймакскій рукавъ Сѣверной Двины и идетъ швартовиться къ своей набережной въ Саломбалѣ.

«Для чего Рощаковскому понадобились уголь, вода и провизія?» спросилъ адмиралъ недовольнымъ тономъ: «Неужели онъ думаетъ, что я его пущу на его калошѣ идти опять въ море? Довольно! Пусть теперь становится на зиму здѣсь и примется налаживать Службу Связи. Станціи онъ поставилъ и слава Богу; онъ мнѣ нуженъ здѣсь, а то вѣчно онъ въ морѣ, а центральный постъ Службы Связи оставленъ на какомъ то мичманкѣ».

Лейтенантъ хорошо изучилъ добраго и сердечнаго адмирала. Онъ понялъ, что наружная

суровость и желаніе якобы имѣть Рощаковскаго «подъ руками» скрываютъ за собою всегдашнюю тревогу адмирала за личный составъ. Только тяжелая обстановка военнаго времени принудила посылать людей на маленькихъ, старыхъ и неприспособленныхъ для военныхъ цѣлей судахъ, въ суровое Бѣлое море въ эту позднюю пору. Обычно, въ мирное время, даже запоздавшіе рыбаки поморы уже стремились въ Архангельскъ или въ свои становища, торопясь уйти до появленія перваго «сала» въ Горлѣ Бѣлаго моря. Но молодой и много менѣе опытный, чѣмъ адмиралъ, лейтенантъ не могъ удержаться, чтобы не поддержать всѣми возможными средствами бурную энергію капитана 2 ранга Рощаковскаго. «Ваше Превосходительство», сказалъ онъ строго официальнымъ тономъ: «по расписанію развертыванія Службы Связи, утвержденному Вами и...» онъ пріостановился... «Начальникомъ Морского Генеральнаго Штаба, кромѣ радіо-станцій на мысахъ Святой и Канинъ Носы и на островахъ Соловецкихъ, мы должны, до наступленія зимы, установить тыловую радіо-станцію на островѣ Моржовецъ. Не наша вина, что приборы для станцій запоздали, что только мѣсяцъ тому назадъ Рощаковскій могъ приступить къ работѣ. Неужели вы не дадите ему возможность точно выполнить наше заданіе. Вѣдь мы на войнѣ, безъ риска мы не можемъ ничего сдѣлать».

Адмиралъ вспыхнулъ: «По расписанію развертыванія...», иронически-сурово вскрикнулъ онъ. «Противно слушать. Вамъ хорошо говорить», кольнулъ

онъ лейтенанта: «сидите здѣсь въ тепломъ салонѣ и пишете свои «развертыванія». Я зналъ васъ еще мичманомъ. Былъ хорошій морской офицеръ, а во что васъ Академія превратила? Только портятъ васъ и зря переучиваютъ. Что-жъ вы думаете — мнѣ радіо-станція дороже, что ли, чѣмъ тотъ же Рощаковскій со своимъ Ноевымъ ковчегомъ на «Пахтусовѣ»? Не дай Богъ зареветъ осенній штормъ, появятся льды. Ну, что эта старая посуда съ надломаннымъ гребнымъ валомъ будетъ тамъ дѣлать? Никакихъ станцій! Надоѣли мнѣ ваши «операціи» и «развертыванія». Точно избѣгая возможности возраженія, адмиралъ круто повернулся и валкой походкой быстро вышелъ изъ салона; черезъ минуту громко хлопнула дверь его маленькой каютки на верхней палубѣ.

«Кажется, я все дѣло испортилъ», тоскливо подумалъ лейтенантъ «надо же мнѣ было начать такъ офиціально. А станцію поставить надо. Я не мóгу допустить, чтобы мы сдали. Война! Ерунда, какія тутъ опасенія. Эти опасенія и есть наше несчастье. Что намѣчено, то должно быть выполнено. Дождусь Рощаковскаго, и мы вдвоемъ атакуемъ адмирала», рѣшилъ лейтенантъ.

«Флагъ - капитанъ дома?» раздался громкій, твердый голосъ на площадкѣ трапа, ведущаго въ салонъ. «Такъ точно, Ваше Высокоблагородіе», рявкнулъ въ отвѣтъ дежурный ординарецъ. Въ салонъ «Канады» порывисто влетѣлъ капитанъ 2 ранга Рощаковскій. Глаза его пылали какъ угли, на немъ былъ сѣрый полушубокъ, отороченный мѣхомъ — «бекеша»,

какъ онъ называлъ свой нарядъ.

«Ну какъ уголь, вода, провизія готовы?» отрывисто спросилъ онъ лейтенанта, сердечно пожавъ ему руку. «Готовы», — отвѣтилъ тотъ. «А у меня на стѣнкѣ уже сложены всѣ части радіо-станціи для Моржовца и въ разобранномъ видѣ домъ для чиновъ этой станціи. Ну и домикъ, родной мой», — продолжалъ Рощаковскій: «Вы знаете — я его купилъ въ готовомъ видѣ за 5000 рублей и далъ сто рублей отступного насельникамъ, чтобы они скорѣе вытряхнулись изъ него. Молодчина мой мичманокъ съ центральнаго поста. Я вѣдь былъ въ морѣ, ничего самъ не могъ сдѣлать, а вижу опоздаемъ. Далъ ему радіотелеграмму. Онъ купилъ домъ, разобралъ его, пронумеровалъ всѣ бревна и доски, все это сложилъ на стѣнкѣ, и туда же доставилъ всѣ части радіо-станцій. Теперь ночью погрузимъ уголь, воду и провизію, и завтра съ разсвѣтомъ иду ставить станцію на Моржовецъ. Отъ души радъ, что Господь помогъ установить станціи. Будь «Пахтусовъ» побольше, я бы и Моржовецкую станцію сразу взялъ бы съ собой, но не было мѣста, вотъ почему я и вернулся въ «Архангельскъ».

Лейтенантъ не желая сразу вылить ушатъ холодной воды, осторожно замѣтилъ, что адмиралъ, какъ будто хочетъ поговорить о томъ, стоитъ ли ставить радіо-станію сейчасъ и не отложить ли это дѣло до весны.

«Какъ!» точно подстрѣленный вскочилъ со сво-

его кресла Рощаковскій: «и вы не сумѣли ему сказать, что это невозможно? Вѣдь мы на войнѣ, это не мирное время, когда совершенно безразлично выполнить заданіе сейчасъ или скажемъ даже весной. Хоть и въ мирное время я проволочекъ не переношу», добавилъ Рощаковскій. Лейтенантъ передалъ ему детали своего разговора съ адмираломъ, и оба рѣшили, такъ или иначе, но уговорить адмирала. Черезъ нѣсколько минутъ они сидѣли въ каюткѣ адмирала.

«Очень благодарю васъ», сказалъ адмиралъ Рощаковскому: «за блестящую постановку трехъ радіостанцій. Быстрота, съ которой вы ихъ установили, и условія, въ которыхъ вы вели работу, даютъ мнѣ не только основаніе отдать объ этомъ спеціальный приказъ, но я считаю своимъ долгомъ донести о васъ и подчиненныхъ вамъ офицерахъ и командѣ въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго. Но... теперь отдохните сами и дайте отдыхъ вашимъ людямъ. Наступаетъ зима и установку станціи на Моржовцѣ мы отложимъ».

«Ваше Превосходительство», твердо отвѣтилъ Рощаковскій: «это совершенно невозможно. У меня уже все подготовлено для постановки станціи на Моржовцѣ. Если вы откажете мнѣ въ разрѣшеніи закончить эту работу—это будетъ худшимъ наказаніемъ для меня и жестокой обидой для ввѣренныхъ мнѣ людей. Въ то время, когда наши братья и зимой и лѣтомъ бьются на фронтѣ, когда тамъ ежедневно умираютъ и страдаютъ тысячи людей, неужели вы думаете, что совѣсть моя и моихъ подчиненныхъ будетъ спокойна, если мы въ это время будемъ отдыхать»?

Адмиралъ никогда не былъ дипломатомъ; долго скрываемая тревога за каждый тральщикъ, за каждый вспомогательный крейсеръ, находящійся въ морѣ, уже прорвалась въ его предыдущемъ разговорѣ съ флагъ-капитаномъ. «Да, я понимаю», сказалъ онъ: «понимаю ваше желаніе. Но меня вы тоже поймите: вѣдь за васъ и вашихъ людей я буду отвѣчать не только передъ закономъ, который можетъ быть и не найдетъ на мнѣ вины, въ случаѣ вашей гибели, но и передъ Господомъ Богомъ. Зима на носу, появятся льды — вы тамъ пропадете и помочь вамъ отсюда мы не сможемъ. А вдругъ штормъ, а вашъ «Пахтусовъ» перегруженъ. Господь помогъ — при предыдущихъ походахъ вы встрѣтили тихую погоду, но теперь поздней осенью, каждый день можно, ждать свѣжихъ вѣтровъ».

Настало время выдвинуть послѣдній аргументъ флагъ-капитану: «Ваше Превосходительство, разрѣшите съ вами говорить откровенно, не по службѣ. Вы только что поблагодарили Рощаковскаго за сдѣланную имъ работу. Вы сами написали приказъ, въ которомъ указываете не только на доблесть работы чиновъ Службы Связи, но и на то, какъ необходима была та работа, которую они выполнили.

Угроза появленія льдовъ страшна не только «Пахтусову», но и всей дивизіи траленія, вѣдь тамъ есть тральщики по 80 тоннъ водоизмѣщенія, которые не только льдовъ, но даже просто свѣжей погоды не выдержатъ. Вы ихъ не убираете, хотя прекрасно знаете, что время уже наступаетъ, и страдаете за нихъ не менѣе чѣмъ за «Пахтусовъ». А не убираете потому,

что нельзя убрать: ибо именно сейчасъ къ Святому Носу подходятъ такіе грузы, которые надо во чтобы ни стало, до льдовъ, провести въ Архангельскъ. Если мы поставимъ сейчасъ радіо-станцію на Моржовцѣ, то именно она можетъ спасти намъ въ ближайшемъ будущемъ тѣ суда и тѣхъ людей, которые окажутся въ тяжеломъ положеніи въ морѣ къ моменту появленія льдовъ. Вѣдь это такъ, Ваше Превосходительство; вы это прекрасно знаете. Кромѣ того, я долженъ подтвердить слова Рощаковскаго, что ваше запрещеніе ему идти въ море является оскорбленіемъ и ему и всѣмъ его подчиненнымъ, оскорбленіемъ, которое аннулируетъ вашъ благодарственный приказъ и ставитъ Службу Связи въ ужасное положеніе по отношенію къ тѣмъ нашимъ судамъ, которыя остаются въ морѣ. Наконецъ, позвольте мнѣ коснуться и лично себя; вы сказали, что мнѣ легко писать, какъ вы говорите, «развертыванія», не рискуя лично ничѣмъ, такъ повѣрьте же, что ваше запрещеніе идти «Пахтусову» въ море одинаково оскорбительно и для меня; если вамъ не угодно пускать меня въ море для выполненія тѣхъ операцій, планы которыхъ я составлялъ, то это не моя вина, но, если я что-нибудь написалъ, то я и желаю за это полностью отвѣчать. Значеніе радіо-станціи на Моржовцѣ мнѣ совершенно ясно, и я глубоко убѣжденъ, что если вы не будете связывать руки Рощаковскому, то онъ эту станцію поставитъ, и это будетъ побѣдой можетъ быть большей, чѣмъ если бы ему пришлось на своемъ «Пахтусовѣ» встрѣтиться въ морѣ съ непріятельскимъ кораблемъ и утопить его.»

Глаза адмирала съ отеческой нѣжностью добра-

го, пожилого человѣка останавливались на лицѣ то одного, то другого собесѣдника. Онъ понялъ все; это было видно по его лицу. Рощаковскій радостно улыбнулся; лейтенантъ, вспыхнувъ, какъ красная дѣвица, умоляюще смотрѣлъ на адмирала. Глубокій вздохъ нарушилъ общее молчаніе. Адмиралъ всталъ и, перекрестивъ Рощаковскаго, отрывисто произнесъ: «Съ Богомъ! Да хранитъ Васъ Царица Небесная! А вы», обратился онъ къ лейтенанту: «простите меня, если я васъ обидѣлъ. Вы вѣдь знаете, почему я вамъ сказалъ такъ: думалъ, вы окажетесь со мной въ союзѣ; вѣдь я васъ, все равно, въ море сейчасъ отпустить не могу, а вы... поддержали Рощаковскаго... но вы оба правы,... я не спорю... но очень тяжело за людей... слишкомъ мы здѣсь безпомощны и неподготовлены».

На другой день, въ туманной предразсвѣтной мглѣ «Пахтусовъ» отвалилъ отъ набережной въ Соломбалѣ и, попыхивая черной струйкой дыма изъ своей трубы, пошелъ по рукаву Маймакса къ устью Сѣверной Двины. Тяжелыя ночи проводилъ бѣдный адмиралъ въ это время. Онъ безпокоился и за тральщиковъ и за дозорные крейсеры, которые только по названію были таковыми, и за «Пахтусова», отъ котораго была получена краткая радіо-телеграмма, что онъ приступилъ къ установкѣ станціи на островѣ Моржовецъ. «Надо не менѣе 25 дней, пока онъ работу окончитъ», думалъ адмиралъ, а тутъ каждый день можно ждать или шторма или льдовъ. Другія суда еще успѣемъ убрать, а «Пахтусовъ» можетъ застрять, вѣдь онъ не броситъ людей на островѣ, не броситъ незаконченную работу».

Прошло дней 15-ть. Въ морѣ пронесся жестокій штормъ, къ счастью, непродолжительный. Поздно ночью адмиралъ и лейтенантъ не спали, принимая донесенія отъ постовъ службы связи и отъ судовъ, находящихся въ морѣ. Среди этихъ донесеній была получена угрожающая метеорологическая сводка. Новый нордъ-вестовый штормъ начинался въ Бѣломъ морѣ и, наконецъ, пришло страшное извѣстіе, что въ Горлѣ Бѣлаго моря появился ледъ.

Адмиралъ приказалъ немедленно убирать второй отрядъ дивизіи траленія, состоящій изъ самыхъ маленькихъ и слабыхъ тральщиковъ. «Не забудьте про «Пахтусовъ»,—сказалъ онъ лейтенанту.

Въ этотъ моментъ опять принесли бланкъ радіотелеграфнаго донесенія—«М.Р. М.Р.» стояло въ его заголовкѣ.

«Что это за позывные?» спросилъ адмиралъ. «Моржовецъ», отвѣтилъ лейтенантъ. «Не можетъ быть! На 16-й день установить радіо-станцію! Это невозможно!» возразилъ адмиралъ. «Читайте, Ваше Превосходительство», лейтенантъ передалъ адмиралу бланкъ. «Главноначальствующему г. Архангельска и раіона Бѣлаго моря»; гласили заглавные позывные. «Доношу Вашему Превосходительству. Сего числа въ О часовъ О минутъ вступилъ въ исполненіе обязанностей. Радіо-станція открыта для дѣйствія. Начальникъ Станціи боцманматъ Ермоленко».

Черезъ четверть часа новая радіотелеграмма — «Иду Архангельскъ. Рощаковскій».

Черезъ два дня вечеромъ на «Канадѣ» появился въ своей «бекешѣ» Рощаковскій. Было странно, что его появленіе не предварялось обычнымъ громкимъ вопросомъ: «Флагъ-капитанъ дома?» Войдя въ салонъ онъ обѣми руками сжалъ руку лейтенанта и измученный опустился на кресло. Вынувъ изъ бокового кармана записную книжку, онъ вырвалъ изъ нея листочекъ и, набросавъ карандашемъ нѣсколько словъ, передалъ лейтенанту. «Голоса нѣтъ. Говорить не могу. Задавайте вопросы — буду отвѣчать письменно или кивкомъ головы». Эта странная фраза легко объяснилась: Рощаковскіи былъ жестоко простуженъ и совершенно потерялъ голосъ.

Условія установки радіо-станціи на островѣ Моржовецъ оказались слѣдующими: когда «Пахтусовъ» подошелъ къ острову, то было сравнительно тихо. Рощаковскому удалось на шлюпкѣ обслѣдовать подступы къ берегу въ томъ раіонѣ, гдѣ онъ рѣшилъ установить радіо - станцію. Оказалось, что вплотную къ берегу подойти нельзя. Приходилось держаться на довольно большомъ разстояніи.

Метеорологическая сводка указывала на возможность очень свѣжихъ вѣтровъ. Надо было торопиться съ выгрузкой матеріаловъ. Рощаковскій, произведя промѣръ, убѣдился, что до самаго берега глубины столь малыя, что совсѣмъ близко отъ борта «Пахтусова» человѣкъ средняго роста могъ бы стоять въ водѣ примѣрно по-грудь.

Рощаковскій раздѣлилъ своихъ людей на двѣ смѣны. Разставилъ одну смѣну въ водѣ цѣпью до берега, спсутилъ всѣ шлюпки и началъ выгрузку

матеріаловъ. Бревна и доски онъ спускалъ прямо въ воду и буксировалъ ихъ шлюпками. Кирпичи и легкіе матеріалы передавалъ по рукамъ людей, стоящихъ въ водѣ, а цѣнные и болѣе громоздкіе приборы перевозилъ на шлюпкахъ. Людей, стоящихъ въ водѣ, онъ смѣнялъ насколько возможно часто, самъ же лично простоялъ въ водѣ всю выгрузку, которая длилась нѣсколько часовъ. Едва матеріалы были выгружены, какъ очень свѣжій вѣтеръ и волна заставили «Пахтусовъ» отойти отъ берега и продержаться нѣкоторое время въ морѣ. Едва стихло «Пахтусовъ» опять подошелъ къ Моржовцу, высадилъ всѣхъ людей, оставивъ на кораблѣ только вахтенныхъ и часть машинной команды, и въ нѣсколько дней установка радіо-станціи была закончена. Домикъ собранъ, запасы бензина и провизіи уложены въ погреба, и какъ разъ къ моменту появленія льдовъ въ Горлѣ Бѣлаго моря эта станція начала свою работу.

Незамѣтная, мало кому извѣстная, но крупная побѣда и блестящій примѣръ того, какими были и должны быть офицеры и матросы Россійскаго Императорскаго флота. Пусть тѣ, кто прочтетъ этотъ очеркъ убѣдятся, что далеко не вся наша команда была «красой и гордостью» русской революціи. Далеко не вся она была примѣромъ варварства, трусости и подлости.

Работа офицеровъ и команды описного судна «Лейтенантъ Пахтусовъ» и многочисленные примѣры смѣлости, находчивости, самоотверженія со стороны командъ другихъ судовъ нашего флота въ минувшую войну служатъ тому наилучшимъ доказательствомъ.

Не вина этихъ людей, безропотно исполнявшихъ свой долгъ, что грядущая близкая побѣда была вырвана изъ ихъ рукъ революціей. Пусть тѣ, кто желали этой революціи и будутъ отвѣтсвенными передъ лицомъ безпристрастной Исторіи за всѣ тѣ муки, униженія и потери, которыя испытываетъ нынѣ наша Родина.

Память о Россіи.

Нашей Смѣнѣ.

Наша родина сейчасъ страдаетъ тяжелой болѣзнью, но эта болѣзнь должна пройти. Мое поколѣніе уже уходитъ изъ этой жизни—вы въ нее вступаете. Наша задача—передать вамъ нашу любовь къ невѣдомой вамъ Россіи; ваша—учиться и воспитаться. Помните, что знаніе безъ воспитанія ничего не даетъ, оно даже вредно. Можно и дикаря выучить наукамъ, но онѣ ему впрокъ не пойдутъ, онъ останется почти такимъ же дикаремъ, какимъ былъ. Въ томъ и заключается разница между вами и несчастными «вузовцами» въ СССР, что вы учитесь въ условіяхъ свободнаго, культурнаго существованія, а они погружены въ грубую, дикую среду, на которой налѣпленъ ярлыкъ компартіи.

Если трудно дается знаніе, то еще труднѣе дается воспитаніе. Вы же поставлены въ такія условія, что вамъ приходится воспитываться самимъ. Читая о прошломъ Россіи, вы невольно будете задавать вопросъ себѣ: почему, если все было хорошо, Россія дошла до такого состоянія, въ какомъ она [находится теперь? Отвѣтить на этотъ вопросъ кратко—невозможно. Я попытаюсь только намѣтить для васъ путь къ этому. Читайте и перечитывайте нашу исторію, постарайтесь понять ея этапы и ту мучительную борьбу, которая постоянно шла у насъ между буйнымъ разбойнымъ началомъ анархическихъ массъ и стремленіемъ создать государственную и притомъ культурную, въ европейскомъ смыслѣ

слова, власть. Эта глухая борьба между варварствомъ и культурой создавала трагическій разрывъ между русской интеллигенціей и народомъ. Это должно было повести къ потрясеніямъ, — и нынѣ вы живете въ томъ отрѣзкѣ исторіи, гдѣ эти потрясенія привели къ катастрофѣ: варварство взяло верхъ.

Вся та частъ русской интеллигенціи, которая поставила ставку на потрясеніе, получила то, что хотѣла. Сейчасъ надъ нею творится Судъ Божій. Намъ современникамъ, нельзя никого винить изъ нихъ, ибо мы не можемъ быть безпристрастными. Напомню вамъ только, что одинъ изъ величайшихъ людей былой Россіи—предсѣдатель Совѣта Министровъ П.А. Столыпинъ, задолго до войны, сказалъ въ Государственной Думѣ, обращаясь къ лѣвой ея части: «Вамъ нужны великія потрясенія—намъ нужна Великая Россія». Его слова тогда не поняли, тогда надъ нимъ смѣялись; теперь времена перемѣнились, и къ намъ доносится изъ вашей юной груди единодушный крикъ: «Да будутъ прокляты варварство и потрясенія. Да здравствуетъ Великая Россія»!

И вы не можете не чувствовать, что за вами стоятъ тѣни всѣхъ тѣхъ, кто создавалъ культуру и величіе Россіи. За вами—великіе художники и писатели Русской земли. За вами—вожди ея Арміи и Флота. За вами—ученые, профессора, инженеры—геніемъ которыхъ на мирномъ поприщѣ Россія догоняла и во многомъ перегоняла Европу. За вами Князья, Цари и Императоры, собиравшіе во-едино Святую Русь. За вами—Святители и Молитвенники Русской земли.

А за ними? За тѣми, кто жаждалъ этихъ потрясеній?

За ними—Милюковъ, Керенскій, Гоцъ, Либеръ, Данъ, Апфельбаумъ, Бронштейнъ и Ульяновъ (Ленинъ). А кругомъ—безнадежное море дикости, варварства, невоспитанности, безграмотности.

Вы,—дѣти эмиграціи, точно парусный корабль, должны бороться съ этой разбушевавшейся стихіей и помнить, что всегда культура беретъ верхъ надъ варварствомъ, знаніе—надъ безграмотностью, трудолюбіе—надъ бездѣліемъ, талантъ—надъ бездарностью.

Для васъ является пророчествомъ стихотвореніе гр. А.К. Толстого («Противъ теченія»):

«Други гребите! Напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею:
На-берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею.
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
Противъ теченія».

Добросовѣстное изученіе нашей исторіи научитъ васъ понимать духъ русскаго народа. Благоговѣйное чтеніе нашихъ классиковъ научитъ васъ великимъ красотамъ русской культуры.

Пребываніе ваше за границей вы должны использовать для того, чтобы отдѣлаться отъ недостатковъ прежней русской интеллигенціи, взявъ отъ нея все то хорошее, что она принесла съ собой за рубежъ. Я

позволю себѣ напомнить вамъ слова адмирала С. О. Макарова (онъ тоже изъ тѣхъ, кто за вами и съ вами): «Послѣ всякаго дѣла, даже ненужнаго, остается слѣдъ-опытъ; послѣ болтовни и бездѣлья—ничего не остается».

Вамъ каждому предстоитъ много дѣла.

Да поможетъ вамъ Господь Богъ дѣлать его честно, прочно и хорошо.

Оглавленіе.

Рисунки Кап. 2 р. С. А. Четверикова.

Стр.

Фотографическія клише.

(на вкладныхъ листахъ).

Стр.

Издательство «С Л О В О».

На книжномъ сладѣ имѣются слѣдующія книги:

	В Китаѣ Сер. Дол.	За границей Зол. Дол.
„Страна Прометея"-К. А. Чхеидзе.	2.00	0.50
„Крупныя деньги"-ром. Вудхауза.	1.00	0.35
„Оптимистъ"-ром. Вудхауза.	1.00	0.40
Альбомъ карикатуръ Сапажу 1930 г.	1.00	0.35
„Нельзя забыть"-Кап. 2-го ранга Б. П. Апрѣлева.	3.00	1.00
„Стихи о самоварѣ"-Н. Н. Языкова.	1.00	0.25
„Зачумленный Рай"-повѣсть-романъ В. А. Качоровскаго.	3.00	1.00
УЧЕБНИКИ:		
Семи учителей. Практическая грамматика, ч. I.	0.25	0.05
Тоже, часть II.	0.40	0.08
Семи учителей. Грамматика русскаго яз. (Этимологія и синтаксисъ в одной книгѣ) ч. III.	1.00	0.25
Вахтеровъ. Букварь	0.60	0.15
„Отблески"-Русская хрестоматія. Часть пригот.	1.50	0.40
Г. Я. Юревич. Сборник арифмет. задачъ.	1.00	0.25
Острогорскій. Исторія Россіи (съ иллюстр.)	1.00	0.25
ПОСОБІЯ:		
Дневники для записыванія уроковъ (для русск. школъ).	0.35	0.10
Тетради для арифметики мал. разм.	0.04	
Тетради въ кирпичикъ за пару.	0.15	0.03
Тетради для Школы Реми:		
Въ 1 линейку (толст.)	0.10	0.02
Въ 2 линейки, узкая полоска (толст.)	0.10	0.02
Въ клѣтку (толст.)	0.10	0.02
Дневники.	0.40	0.10
КНИГИ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ:		
А. Б. В.-Азбука въ краскахъ и картинкахъ.	1.00	0.25
Мальчикъ съ пальчикъ.	0.60	0.15
„Маленькій художникъ"-механическое рисованіе для дѣтей.	0.20	0.05
„Крокодилъ"-Чуковскаго.	0.50	0.12
"Тараканище" „	1.00	0.25

КЛАССИКИ:

Пушкинъ:		
Собраніе соч. въ одномъ томѣ.	7.[illegible]0	1.50
Борисъ Годуновъ.	0.[illegible]5	0.10
Дубровскій.	0.75	0.15
Евгеній Онѣгинъ.	1.25	0.25
Избранныя стихотворенія	1.25	0.25
Исторія Пугачевскаго бунта.	1.00	0.20
Капитанская дочка.	1.00	0.20
Мѣдный всадникъ.	1.75	0.35
Русланъ и Людмила.	0.75	0.15
Гоголь:		
Вій.	0.60	0.12
Майская ночь.	0.60	0.12
Сорочинская ярмарка.	0.60	0.12
Тарасъ Бульба.	1.20	0.24
Ночь передъ Рождествомъ.	0.60	0.12
Лермонтовъ:		
Герой нашего времени.	1.50	0.30
Демонъ.	0.60	0.12
Избранныя стихотворенія.	1.00	0.20
Толстой Л.:		
Казаки.	1.75	0.35
Хаджи-Муратъ.	1.75	0.35
Исповѣдь.	1.00	0.20
Толстой А.:		
Избранныя стихотворенія.	1.00	0.20
Князь Серебреный.	2.00	0.40
Некрасовъ:		
Стихотворенія (въ одномъ томѣ).	5.00	1.00
Кольцовъ:		
Избранныя стихотворенія.	0.50	0.10
Крыловъ:		
Басни.	0.50	0.10
Надсонъ:		
Избранныя стихотворенія.	1.50	0.30
Тютчевъ:		
Собраніе стихотвореній.	2.00	0.40

Заказы адресовать:

The „SLOVO" Printing & Publishing Co.

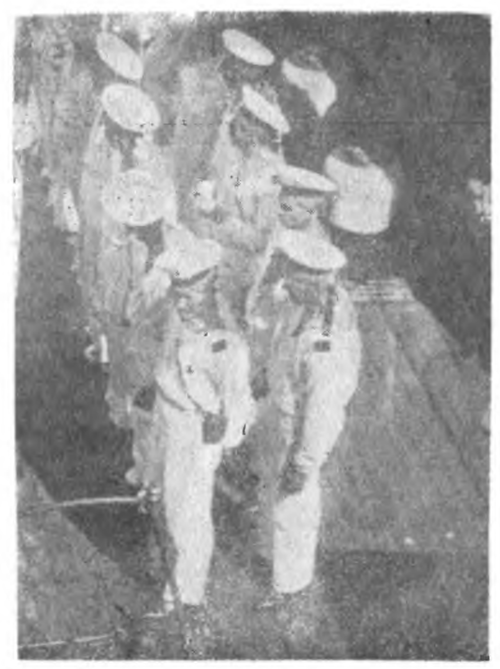
238, Avenue du Roi Albert. Shanghai, China.

Готовится къ печати

новая книга Кап. 2 р. Б. Апрѣлева

„НА ВАРЯГѢ"

(плаванье на крейсерѣ „Варягъ" изъ Владивостока въ Средиземное море).

На крейсерѣ „Варягъ".

Замѣченныя опечатки.

Страница.	Строка сверху.	Напечатано.	Должно быть.
10	7	коють-кампаніяхъ	каютъ-компаніяхъ
24	21	оставку	отставку
26	5	посморишь	посмотришь
29	24	отсутсвіемъ	отсутствіемъ
30	29	Полѣ	Послѣ
34	1	обѣнялись	обмѣнялись
34	30	кормавого	кормового
42	7	в	и
44	24	дишѣ	душѣ
103	23	натаго	нашего
146	18	нибуд	нибудь
150	19	веселый	веселый
152	24	петербугскій	петербургскій
161	2	Главныл	Главныя
170	14	не	
176	6	Асей	Асай
202	20	общиій	общій
220	18	постройку	постройки
237	4	мобилизвали	мобилизовали
281	8	Главночальствующій	Главваначальствующій
293	31	спсутилъ	спустилъ

Пропущены твердые знаки.

Страница.	Строка сверху.	Въ словѣ
16	7	въ
17	13	къ
17	20	Дпректоръ
18	3	ихъ
18	31	отвѣчаютъ
20	7	воспитанниковъ
22	1	морскихъ
23	6	Нахимовымъ
32	11	произносилъ
41	10	фоксъ
94	23	въ
130	25	стеньговыхъ
174	2	человѣкъ
193	1	изъ
200	6	былъ
204	14	нейтральныхъ
240	21	ребенокъ

